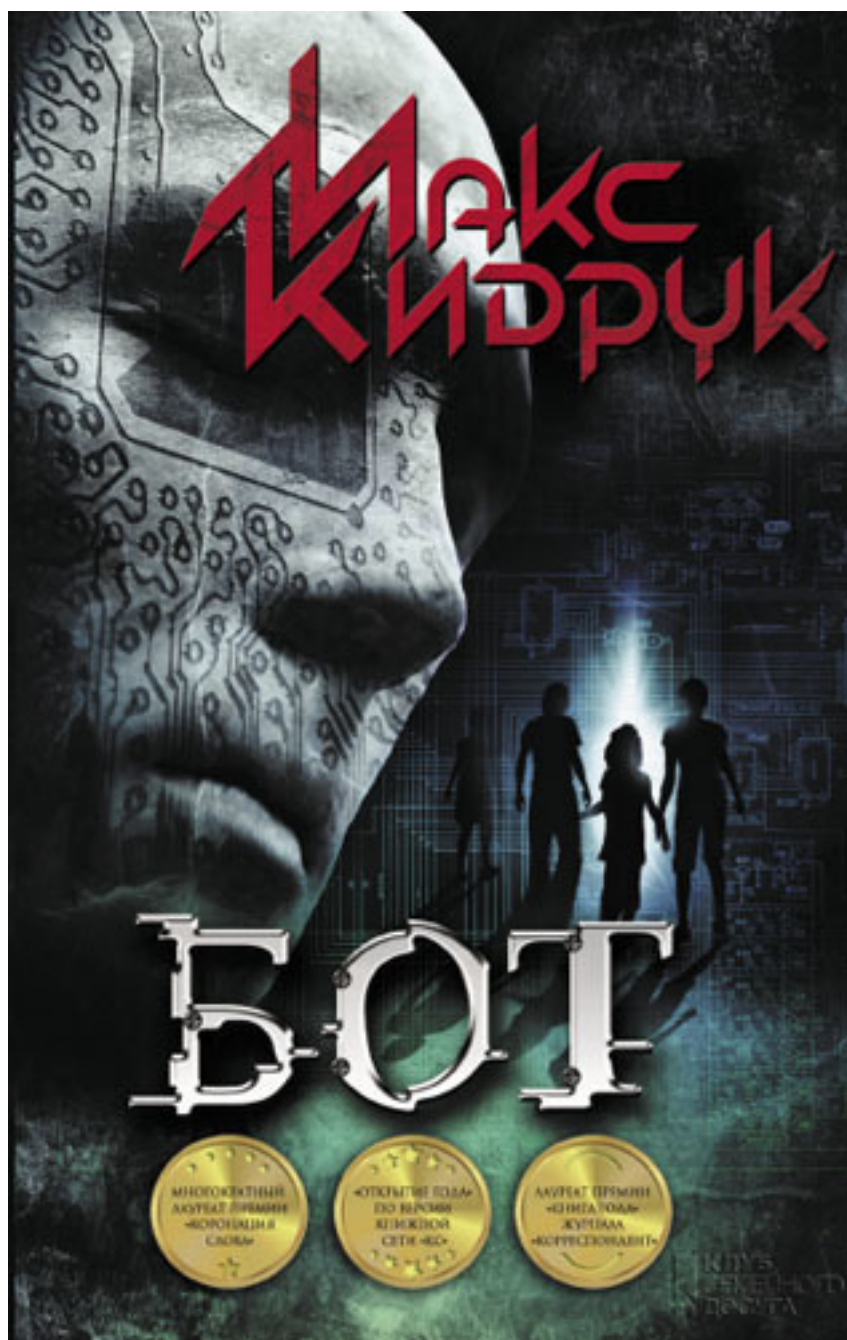

Макс
Кидрук

БОТ

МНОГОСЕРИЙНЫЙ
АУДИТАЛ ПРЕМИИ
«КОРОНАЦИЯ»
СЛАВЫ

«ОТКРЫТИЕ ГОДА»
ПО ВЕРСИИ
КЛУБОВЫХ
СЕРТИФИКАТОВ

АУДИТАЛ ПРЕМИИ
«ОТКРЫТИЕ ГОДА»
ПО ВЕРСИИ
КЛУБОВЫХ
СЕРТИФИКАТОВ

КИНОСЕРИАЛ
НА ДВЕ СЕРИИ

Максим Кидрук

Бот

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981486

Макс Кидрук. *Бот*: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2013
ISBN 978-966-14-6039-2

Аннотация

Успешный программист, специализирующийся на ботах, соглашается на работу в Чили. Но вместо обещанных тысяч долларов на него сваливается смертельно опасное приключение.

Боты, которых ему надо остановить, – это нанороботы, вышедшие из-под контроля. И им очень нравится вкус человеческой плоти...

Специальный приз за лучшее произведение о путешествиях Международного литературного конкурса романов, киносценариев, пьес, песенной лирики и произведений для детей «Коронация слова – 2012».

Содержание

Подсознание: кибервойны	5
Начало...	7
I	7
II	12
III	16
IV	17
V	21
VI	25
Вызов	26
VII	26
VIII	28
IX	35
X	36
XI	39
XII	41
XIII	44
XIV	46
Прибытие	49
XV	49
XVI	50
XVII	51
XVIII	54
XIX	57
XX	58
XXI	62
XXII	66
Новое поколение	67
XXIII	67
XXIV	69
XXV	74
XXVI	75
XXVII	81
XXVIII	84
Техно-синапс	85
XXIX	85
XXX	87
XXXI	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Макс Кидрук

Бот

Григорию Мирошниченко, или, наверное, лучше сказать – Грегу Мירו, знающему, что деньги – это мусор, и подарившему мне ангольскую авантюру...

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства.

Осторожно! Ненормативная лексика

«Коронация слова» создает новую волну украинской литературы – яркую, разножанровую, захватывающую – зеркало для современности и сокровище для будущих поколений.

Татьяна и Юрий Логуш, основатели проекта

Международный литературный конкурс романов, киносценариев, пьес, песенной лирики и произведений для детей «Коронация слова» был основан при поддержке бренда самого популярного украинского шоколада «Корона». Главная цель конкурса – содействие развитию современной украинской культуры.

Литература, кино и театр выбраны не случайно – именно они являются стратегическими жанрами культуры, которые формируют и характеризуют зрелость нации.

Целью конкурса и его задачей являются открытие новых имен, издание лучших романов, стимулирование и поддержка современного литературного процесса, кино, театра и, как следствие, наполнение украинского рынка полнокровной конкурентоспособной литературой, а кино и театра – качественными украинскими фильмами и пьесами.

koronatsiya.com

Подсознание: кибервойны

Автор, молодой украинский писатель Макс Кидрук, обозначил жанр своего романа как технотриллер, что сразу указывает на связь с кинематографом: как известно, «отец технотриллера» Майкл Крайтон работал киносценаристом и права на его роман «Парк юрского периода» Стивен Спилберг купил еще до публикации.

Действительно, в романе «Бот» читателя подстерегает почти непрерывный каскад приключений – погони, стрельба, кровавые драки... И все это на фоне космических пейзажей пустыни Атакама или индастриала подземных лабораторий. Есть в книге и элементы фильма ужасов. Есть элементы детектива: герои на протяжении доброй половины романа выясняют, кто же из них работает на врага. Читатель побывает в офисе киевской компании – разработчика компьютерных игр, на совещании руководства Пентагона, в кабине сверхзвукового бомбардировщика-невидимки, в грузовике чилийского водителя-наркомана, в жилище карлика-мафиози... Иронический, а подчас грубоватый стиль романа отсылает нас не только к традициям украинского бурлеска, но и к фильмам того же Тарантино.

Ну так, может, лучше посмотреть какой-нибудь приключенческий фильм?

Но у книги по сравнению с фильмом есть одно важное преимущество – свобода. Читатель, к примеру, волен сам выбрать ритм чтения – может проглотить роман на одном дыхании, а может в некоторых местах замедлить чтение или даже вернуться и кое-что перечитать. Ведь роман «Бот» – это еще и детектив интеллектуальный: главному герою, программисту-вундеркинду, предстоит распутать причины киберкатастрофы, случившейся на стыке нейрофизиологии, наноимплантации и компьютерных технологий. Попутно читатель получает возможность задуматься, как устроено наше сознание. Или, скорее, – о нашем незнании, как оно устроено. Поэтому автор и сообщает читателю некоторые сведения о так называемой теории хаоса, занимающейся исследованием систем из миллиардов отдельных элементов – таких, как наш мозг. Вмешательство в подобные системы грозит непредсказуемыми последствиями. Тем более если в одну систему объединена сотня мозгов.

Сама коллизия «ученый – дело его рук», конечно, не нова. Тому же «Парку юрского периода» предшествовали не только «Франкенштейн», но и, скажем, романы советского классика Александра Беляева (читая роман Кидрука, вспоминаешь в первую очередь «Голову профессора Доуэля» и «Продавца воздуха»).

Однако Кидрук предостерегает, что в роли Франкенштейна – «отца» вышедшего из повиновения монстра – может выступить вся современная наука как целое. Развивая мысль автора, можно сказать, что современный научный эксперимент не просто осуществляется на стыке нескольких научных дисциплин, но и основывается на последовательном каскаде научных теорий. Даже если все эти теории правильны, не получаем ли мы за счет роста количества элементов, из которых строится научный эксперимент, систему, которая описывается уже теорией хаоса? Не будут ли результаты такого научного эксперимента принципиально непредсказуемы? Не прорвется ли катастрофой наружу «подсознание» науки, как прорвалось оно в эксперименте, описанном в романе?

Так что опасные повороты сюжета, по замыслу автора, являются метафорами как состояния современной науки, так и состояния нашего сознания.

Надеюсь, российский читатель оценит как интеллектуальную насыщенность, так и живой увлекательный сюжет романа одного из самых интересных и многообещающих украинских авторов.

*Андрей Пустогаров,
член союза «Мастера литературного перевода»,*

кандидат технических наук

БОТ, -а, муж.; мн. -ы.

(англ. bot, сокр. от англ. robot – автомат, робот) – программа, порой с элементами искусственного интеллекта, копирующая действия человека. В компьютерных играх используется для управления противниками или как клон «живого» пользователя в интернет-чатах и на форумах. Боты используются для эффективного выполнения рутинной работы, там, где нужна более быстрая, чем у человека, реакция, а также для полного подражания и копирования поведения человека.

Несмотря на значительный прогресс в исследованиях головного мозга человека, многое в его работе до сих пор остается загадкой. Функционирование отдельных клеток хорошо изучено и объяснено, но понимание того, каким образом в результате взаимодействия десятков миллиардов нейронов мозг функционирует как единое целое, доступно только в очень упрощенном виде и требует дальнейших глубоких исследований.

Господь наказывает нас за то, что мы не можем себе представить...
Стивен Кинг. Дьюма-Ки

Начало...

I

**Вторник, 4 августа, 17:23 (UTC¹–4)
Трасса между Сан-Педро и Каламой
Пустыня Атакама. Чили**

Джей-Ди был далеко не первым, кого обманула их детская внешность... Длинные тени стелились по сухой земле. Предзакатное солнце тусклым шаром висело перед лобовым стеклом, заливая салон «range rover'a» золотистым светом.

Разбитая донельзя дорога выскальзывала из-под капота и, то пропадая, то вновь всплывая из-под песка, шла к северо-западу. По ее сторонам простирались безводные сланцы и полузанесенные песком известковые скалы Атакамы, самой сухой пустыни на Земле. Далеко позади «range rover'a» возвышались голые хребты Анд, среди которых, как остроконечный нарост на теле ящера, выпячивался кратер Ликанкабура, шестикилометрового погасшего вулкана. Небесная синь заливала все вокруг, даже далеким горам придавая фиолетовый оттенок. Серебристый внедорожник уверенно пробивался к Каламе² – единственному населенному пункту в радиусе двухсот километров вокруг Сан-Педро, который имел право (прямо скажем, довольно сомнительное) называться городом³. Не считая Панамериканской магистрали и медных рудников около Антофагасты⁴, на севере Чили не так уж много мест, несущих на себе печать цивилизации.

Джей-Ди Ричардсон, сорокапятилетний кардиохирург из Окленда (Новая Зеландия) отодвинул сидение вглубь салона, откинул спинку и вытянул утомленные ноги. Он провел все выходные, разъезжая по окрестностям Сан-Педро. Статный чилиец Флавио успел показать ему много интересного: Лунную долину, лагуну Чакса и лагуну Баррос-Негрос, а еще Мисканти – место отдыха розовых фламинго⁵. Заложив руки за голову, Ричардсон подумал, что не прочь остаться в Сан-Педро. Хотя бы на день. А если бы было можно, то и на неделю. Он даже пожалел, что в Каламе его дожидается Фрэнк.

Фрэнк Ди'Анно, товарищ Джея-Ди по колледжу, тоже волею судеб оказался в этой глуши. Но, в отличие от Ричардсона, который наслаждался отпуском, Ди'Анно был послан сюда в командировку. Фрэнк уже четвертый год работал в австралийской компании, производящей медицинское оборудование. Он приехал помочь с настройкой МРТ, магнитно-резонансного томографа, закупленного для местной больницы. «Шизанутый проект. Какому-то чиновнику из чилийского минздрава, – говорил Фрэнк, – взбрело в голову, что Каламе необ-

¹ Coordinated Universal Time (UTC) – синхронизированное всемирное время. Общепринятая точка отсчета локального времени в часовых поясах. За опорное UTC взято местное время на долготе Гринвича или Лондона (нулевой часовой пояс). UTC –4 («минус четыре») означает, что время в Чили на 4 часа отстает от времени в Британии. Не так давно синхронизированное время называлось Greenwich Mean Time (среднее время по Гринвичу) и обозначалось как GMT. – *Здесь и далее прим. авт.*

² Поселение в пустыне Атакама на севере Чили, столица провинции Эль-Лоа, входящей в регион Антофагаста.

³ Сан-Педро-де-Атакама – деревня в Чили посреди пустыни Атакама. Плотность населения в регионе – 0,1 человека на км².

⁴ Большой промышленный город на севере Чили на побережье Тихого океана.

⁵ Андский фламинго (*Phoenicopeterus andinus*) – самый редкий в мире вид фламинго. У птицы бледно-розовое тело и желтые лапы. Обитает в горах Перу, на северо-западе Аргентины и на соленых озерах в северных пустынях Чили.

ходим МРТ. А то индейцам далеко ездить из пустыни в Антофагасту или Икике⁶. То, что 90% из них вообще не знают, что такое томография, а 95% ни разу в жизни не нуждались в услугах томографа, никого не остановило». Но деньги были уплачены, и Фрэнку пришлось ехать – помогать местным разбираться с новой техникой.

Узнав о планах друг друга, приятели договорились встретиться в Каламе – выпить по кружке пива. Если, конечно, в этом задрипанном городишке в середине Атакамы есть пиво...

– Что это? – вдруг спросил Джей-Ди, прикрывая глаза от солнца при помощи ладони.

– Где, синьор?

– Там, впереди, – Джей-Ди ткнул пальцем. – Слева от дороги.

Флавио посмотрел в указанном направлении. Несколько секунд он не видел ничего стоящего внимания, но потом на расстоянии в несколько сотен метров разглядел то, от чего его сердце подпрыгнуло, а потом стало тяжелым, как гиря, и сползло на несколько сантиметров вниз. Старик ударил по тормозам и остановил джип.

– Ты что, одурел? – разозлился доктор. – Я чуть не пробил башкой лобовое стекло!

Чилиец молчал, не сводя глаз с одинокой фигуры.

– Это человек, – сказал Ричардсон.

– Я... я не уверен, синьор... – хриплый голос старого индейца странно дребезжал.

– Говорю тебе – это мальчик. У меня зрение лучше.

И действительно, вдали стоял широкоплечий мускулистый паренек.

– С каких это пор в Атакаме водятся белокожие ребята? – попробовал пошутить Джей-Ди.

Чилиец снова не ответил. Ричардсон прищурился.

– Странно. Парень совсем голый, – солнечные лучи шли почти параллельно земле, вонзаясь в глаза, из-за чего Джей-Ди не разглядел надетые на парня обтягивающие серые плавки. – Откуда он тут взялся?

– Синьор, это не человек, – вдруг сказал Флавио.

– А кто же?

– Демон.

– Что? – поморщился доктор. – Флавио, ты...

– Два дня назад его видели в пустыне к северу от Сан-Педро.

– Какой к черту демон? – фыркнул Джей-Ди. – Что за гребаные предрассудки?!

Седоголовый чилиец включил первую передачу и вдавил в пол педаль газа. Взив, «range rover» рванул вперед.

Джей-Ди призадумался. С каждой секундой, приближавшей автомобиль к одинокой фигуре, его охватывало смутение. Белокожий мальчик стоял один-одинешенек посреди мертвой бескрайней пустыни, но не подавал голоса и не бежал к машине. Вообще ничего не делал. Стоял и смотрел. Такая сцена могла бы удивить даже на окраине цивилизованного поселка, где-нибудь в Новой Зеландии. В центре Атакамы она вызывала спазмы в животе.

Внедорожник на полной скорости пронесся мимо мальчика, обдав его пылью и мелкой каменной крошкой. Ничего не произошло. Вообще ничего. Джип удалялся. Мальчик, чуть наклонив голову, смотрел ему вслед.

Ричардсон закинул руку на сиденье и оглянулся.

– Это мираж, – произнес доктор, удивляясь, как сразу не догадался. – Обычный мираж. Парень стоит себе где-нибудь на пляже на берегу Тихого океана, а мы наблюдаем лишь его отражение.

– Синьор, вы ошибаетесь... – прошептал Флавио.

⁶ Икике (Iquique) – город на севере Чили, еще севернее Антофагасты.

Косые лучи хорошо освещали фигуру мальчика. Джей-Ди наконец-то разглядел спортивные плавки и глаза... глаза, смотревшие прямо на него.

Вдруг в голове у кардиохирурга что-то щелкнуло. Секунду или две он не мог уловить, что именно. Но какая-то деталь увиденного не вписывалась в общую картину, упрямо не находя места в его логичном мозге. Доктор напрягся, даже наморщил лоб, но снова не смог понять, что же тут не так, что именно он прозевал.

Но вот до него дошло: мираж *развернулся, наклонил* голову и *смотрел* на них! Разглядывал их машину! Понимание нахлынуло столь быстро, что Ричардсон похолодел. По рукам и спине побежали мурашки. Парень не мираж. Не фантом. Ведь призрак *не реагирует* на то, что происходит вокруг.

Джей-Ди еще не успел полностью осознать свой вывод, как Флавио произнес:

– Это не мираж. – Вцепившись руками в руль, старый индеец испуганно поглядывал в зеркало заднего вида. – В Атакаме не бывает миражей, синьор...

Никаких сомнений: посреди пустыни стоял живой мальчик.

– Остановись! – приказал Джей-Ди.

– Синьор, умоляю вас, не надо...

– Я приказываю тебе немедленно остановиться!

Флавио неохотно нажал на тормоз и остановил машину.

– Синьор, вы не понимаете, что делаете, – бормотал шофер. – Это демон, его видели сразу в нескольких местах...

– Старый дурак, что ты несешь? – рассердился кардиохирург. – Там ребенок! Такой же реальный, как и мы с тобой. Мы не можем просто так бросить его в пустыне. – Джей-Ди на миг запнулся, обрадовавшись собственной догадке. – Откуда ты знаешь, может, где-то поблизости потерпел крушение пассажирский самолет, и этот мальчик – единственный уцелевший из всех пассажиров... Так и есть – он контуженный, поэтому так странно себя ведет.

Новозеландец отстегнул ремень безопасности, вышел из джипа и обошел машину.

Поднятая пыль рассасывалась, с чуть слышным шорохом оседая на землю. Мальчик по-прежнему стоял у дороги и разглядывал «range rover». От Ричардсона его отделяло несколько сотен метров. За парнем тянулась длинная, правильная по форме тень.

Джей-Ди помахал правой рукой.

Мальчик молниеносно отреагировал и помахал в ответ. Тоже правой.

Ричардсон довольно улыбнулся, мысленно обругав Флавио, и замаршировал вперед, по привычке широко размахивая руками. После первого же его шага мальчик сдвинулся с места и пошел ему навстречу... практически так же размахивая руками.

Приближаясь, Джей-Ди был вынужден отметить, что альтруизм его быстро выветрился. По спине опять забегали мурашки. Что-то, черт возьми, было не так. Что-то неладное с этим ребенком. Он не мог сообразить, что именно – Атакама сбивала с мысли. Доктор не страдал агорафобией, но осознание того, что бежать в случае какой-нибудь угрозы некуда (не потому, что действительно некуда – вся пустыня твоя, беги куда хочешь, – а потому, что бежать не имеет смысла: на десятки километров вокруг спрятаться негде), заставляла его сердце учащенно биться.

Вопреки этому Джей-Ди, не сбавляя темпа, продолжал удаляться от машины.

У мальчика была хорошая фигура: широкая грудь, крепкие ноги, накачанный пресс. Она могла бы показаться идеальной, если бы не голова. Она казалась непропорциональной из-за слишком выпуклой верхней части черепа. Вроде бы ничего сверхъестественного. Но все же легкая диспропорция бросалась в глаза.

Когда расстояние сократилось до сотни шагов, Джей-Ди почувствовал еще большее замешательство. На парне не было заметно ни синяков, ни ран, ни следов копоты – ничего,

что говорило бы об авиакатастрофе. Он был чист, как ангел, и ничем не напоминал человека, только что выбравшегося из горящего самолета.

А потом – еще несколько шагов – и Ричардсон разглядел его лицо. Оно навеки отпечаталось в мозгу у доктора. Лицо у мальчика было застывшее, похожее на маску. Под мраморным лбом горели совсем не детские глаза, из которых прорывалось что-то черное. Зрачки искрились влажной синевой, но белки... белки были не просто покрасневшими, нет, они полностью пропитались багровой кровью.

Доктор вдруг понял, что в образе невинного ребенка к нему приближается нечто незнакомое и чужое.

В одно мгновение все перевернулось. Ужас – теперь уже не сомнение или смятение, – а настоящий ужас, как электрический разряд, пронзил тело доктора. Он даже клацнул зубами и остановился.

Одновременно остановилось и то существо... Клацнуло зубами...

Между ними были двадцать метров открытого пространства и бесконечная ватная тишина.

– Do you need help? – с трудом преодолевая растущую панику и желание броситься прочь, выговорил доктор. Здравый смысл неистово цеплялся за последнюю отчаянную мысль, что это все же человеческое существо. На случай, если парень не понимает по-английски, Джей-Ди повторил по-испански, тщательно выговаривая слова: – Necesita ayuda?⁷

Существо молчало. Правда, когда кардиохирург говорил, мальчик кривил и растягивал губы.

Джей-Ди почувствовал, как страх клещами передавливает горло. В висках напряженно стучала кровь. Ричардсон сделал глубокий вдох и попробовал еще раз. Последний. Запинаясь, пробормотал:

– У тебя все в порядке? Я просто подумал... мы можем помочь... подбросить тебя до...

И вот – снова! Белокожий мальчик беззвучно пошевелил губами. Затянутые кровавой пеленой глаза впились в лицо доктора. Парень будто бы пробовал что-то сказать, но не было слышно ни звука. Это выглядело настолько жутко, что Джей-Ди сделал несколько шагов назад.

Существо мгновенно отступило на такое же расстояние.

Доктор сглотнул слюну. Сухой серый ветер лизал их фигуры. С востока от Анд напознали сумерки, укрывая серым саваном эту мертвую землю. В голове у Ричардсона мелькнула догадка: «Он повторяет мои движения! Двигается точно, как я, и пытается говорить, когда говорю я». И это совсем не показалось ему забавным.

– Ну его все в задницу! – выругался Джей-Ди, развернулся и, вскидывая ноги, побежал к машине. Он бежал, прижав руку к груди, борясь со всплывающими перед глазами темными кругами и желанием обернуться и убедиться – тот, из пустыни, не гонится за ним.

Когда до джипа осталось несколько шагов, Джей-Ди попал ногой в яму, потерял равновесие и, вскрикнув, рухнул ничком. Дрожа всем телом и проклиная свою неуклюжесть, Ричардсон подтянул под себя колени, вскочил на ноги и... оглянулся. Парень стоял на прежнем месте и не сводил с доктора своих нестерпимо кровавых глаз.

Больше не оглядываясь, как рыба, хватая губами разреженный воздух пустыни, доктор рванул к машине.

– Синьор, это вы? Скажите, что это вы! – заорал Флавио, когда доктор, красный, как вареный рак, с немыслимо выпученными глазами шлепнулся на сиденье. – Скажите, что вы не обменялись с ним телами!

⁷ Тебе нужна помощь? (исп.)

– Заводи быстрее машину, старый дурак! – гаркнул Джей-Ди, вытирая рукой кровь с царапины на щеке. – Не болтай глупостей! Какой, к черту, обмен телами?! Шевелись, Флавио!

– Я же вам говорил...

– Не болтай!!! Заводи джип! Уносим отсюда ноги!

– Слушаюсь, синьор... Слушаюсь...

«Range rover», волоча за собой шлейф пыли, рванул с места и понесся на запад.

Как раз в этот момент краешек солнечного диска задел линию горизонта.

II

**Вторник, 4 августа, 17:56 (UTC –4)
73-й км шоссе № 25 «Кармен-Нпьюто – Калама»
Пустыня Атакама**

Текито Рейес попыхивал косячком и пел, держа руль одной рукой. Его грузовик – старенький пучеглазый «mercedes» – катил на север.

Ревела музыка. В магнитоле крутилась затертая аудиокассета с зажигательными песнями бразильской группы «Vanda Calypso». Каким-то невероятным образом отделяя мелодию от тарахтения мотора, дребезжания кузова и хрипа динамиков, Текито подпевал солистке. Он не знал португальского, но все равно подпевал, старательно воспроизводя звуки, вылетающие из черных колонок.

Текито Рейес был занятым парнем. Мать его была из племени мапуче⁸, а отец был меланезийцем, некогда мигрировавшим в Антофагасту из далекой Тонги⁹. От матери Текито унаследовал худощавость, а от отца – черную, блестящую, будто покрытую олифой, кожу. Когда мальчику исполнилось семь лет, отец из-за неразрешимых проблем с чилийским правосудием смылся в Боливию. Смылся по-взрослому, поскольку с тех пор его никто не видел. Мать с того времени кое-как старалась вырастить сыночка.

За свои двадцать четыре Текито успел трижды отсидеть в тюрьме (в основном за мелкое хулиганство и употребление наркотиков), заработать свой первый миллион песо, успешно спустить его за игральными автоматами на Сантьяго-де-Чили, дважды жениться и один раз развестись. Теперь он занимался тем, что покупал товар в Антофагасте, столице этой области, и перепродавал его в Каламе. На этот раз кузов его грузовика был завален кухонной посудой, сельскохозяйственным инвентарем, саженцами, свежими овощами и разной хозяйственной мелочью.

Тайной слабостью Текито была марихуана. Чувство пронзительной эйфории, смешанное с безграничным пофигизмом, которое заливало тело после выкуренной сигаретки, каждый раз переносило его в другой мир, в параллельную реальность, где не было боли, тоски, отчаяния, съемных квартир, их грубых хозяев, тупых жестоких полицейских, а вместо этого присутствовала куча смешных (до колик в животе!) вещей.

Правда, парень стыдился своего пристрастия. Пожалуй, единственное, что за два десятилетия синьора Рейес смогла вбить в голову своему сыну, было понимание: наркотики – это зло. «Все наркоманы, – повторяла матрона, – люди конченные, безмозглые обезьяны с билетом в один конец до преисподней, где они будут вечно мучиться и жрать говно. Никого нет хуже... Конечно, если не считать адвентистов и свидетелей Иеговы». Текито не был уверен, следует ли считать настоящим, так сказать, полноценным наркоманом человека, который всего лишь покуривает травку. И это терзало его еще больше.

Так или иначе, а дорога в пустыне между Кармен-Альто и Каламой – едва ли не единственное место, где Текито мог спокойно свернуть косячок, а то и два подряд. Полиция сюда не наведывалась от сотворения мира. Встречные машины попадались редко, да и те всегда были видны издалека. Знай себе – держи руль и жми на газ.

⁸ Мапуче (букв. «люди земли») – индейский народ в Чили и Аргентине. Другое название – арауканы. Численность по разным оценкам – от 1,5 до 2 млн чел. Мапуче – единственный народ Южной Америки, который не был завоеван ни инками, ни испанцами.

⁹ Островное государство в Океании.

Самокрутка догорела. По кабине растекся сизый дым. Текито перестал петь, наблюдая, как забавно дрожит зеркало бокового вида. Он еще никогда не видел, чтобы зеркало так смешно позвякивало. Через секунду чилиец хохотал так, что из глаз брызнули слезы.

– Господи! Трахайте меня, а я поплачу! Вы только гляньте!.. Зеркало! Ха-ха-ха! – захохотал он хохотом, колотя ладонями по рулю. – Нет, ну я не могу!.. Зеркало! Ха-ха-ха!

Не переставая смеяться, Текито поднял глаза на дорогу и заметил мальчика. Пригляделся – точно пацан. Совсем юный, но рослый и мускулистый. Видно, спортсмен. Пацан был голый, не считая серовато-черных спортивных плавок, обтягивающих бедра.

Текито помотал головой из стороны в сторону – привидение не исчезло. Ясное дело, Текито только что по самые уши обдолбался марихуаной. Но все же был не настолько вмазанным, чтобы не понять – он мчится прямо на мальчика. И он бы затормозил или хотя бы попытался объехать, если бы не вопиющая бредовость и нереальность увиденного.

«Белокожий мальчик в одних трусах посреди пустыни за сотню километров от жилья, – промелькнуло в голове у Текито, – это бред. Полная ересь. Такого, на хрен, просто не бывает!» Еще больше сбивало с толку поведение мальчика. Любое существо, на которое прет многотонный грузовик, постарается побыстрее убраться с дороги и уж никак не будет торчать на месте как вкопанное. Именно из-за этого Текито Рейес решил, что перед ним галлюцинация – болезненный образ в его мозгу, вызванный курением чертовой травы. Поскольку такое с Текито случилось в первый раз, он испугался, чуть не намочил штаны, после чего резко, по-девичьи завизжал:

– А-а-а-а! – и нажал на педаль газа...

Мощный удар привел его в чувство. Руль вылетел из рук, двигатель всхрипнул, подавившись. Машину снесло вправо – в девственную пустыню.

Наконец, грузовик остановился, задрав нос, на небольшом пригорке. С обочины, шурша, посыпалась щебенка. Потом стало тихо. После оглушительной музыки и рева мотора тишина просто парализовала Текито. Если бы ему не было так страшно, он бы решил, что уже дал дуба.

В течение нескольких секунд Текито ошарашено разглядывал паутину трещин в левом нижнем углу лобового стекла. Потом дрожащими руками завел двигатель и включил фары. Сумерки уверенно подступали с востока, и Текито почему-то страшно не хотелось оставаться один на один в темноте *с тем, что он сбил*. Рокот мотора мало успокаивал, зато фара заработала. Правда, только одна – правая.

Текито вывалился из кабины и на ватных ногах взобрался на шоссе. Слева, неподалеку от места столкновения, среди осколков стекла, кусков металла с решетки радиатора и бурых пятен крови лежал белобрысый мальчик. Текито, всхлипывая, подошел к нему.

– Белый! – Шофер опустил на колени. – Срать и плакать! Я грохнул белого чувака!

Поддерживая голову мальчика одной рукой, чилиец оторопело смотрел на забрызганную кровью кожу, взлохмаченные русые волосы и неподвижно вытаращенные глаза, помертвому уставившиеся в равнодушное небо. Из многочисленных ран на накачанной груди и животе парня сочилась кровь.

Текито неожиданно понял, что его снова посадят, причем надолго.

– Он белый... – причитал горе-шофер, поглаживая пальцами светлые пряди. – Черт бы его взял, белый! Такой белый, что аж... – Неожиданная догадка вонзилась ему прямо в сердце: – Турист! Парень не местный! – тут Текито уже действительно запаниковал: – О Боже, я завалил туриста!!!

Убить белого путешественника в регионе, где только-только начали развивать туризм... За это не просто посадят. Его сожгут живьем, линчуют, четвертуют, а остатки бросят на съедение здешним ушастым лисичкам.

Вытянув шею, Текито огляделся по сторонам. Солнце село за песчаными холмами на западе. Дорога в обе стороны была пустой. Только ветер шуршал песком, и изредка вздыхала, приветствуя вечернюю прохладу, растрескавшаяся земля. Вокруг ни души. Мерзкая и скользкая, как земляной червь, мысль заползла перекупщику в голову. «Оттащить метров на триста от дороги. Ясный перец, тело будут искать, но пустыня умеет хранить свои тайны».

Чилиец еще раз воровато огляделся. Горизонт был пуст.

Текито резко нагнулся, подхватил тело мальчика под мышки и потащил в пустыню на запад от дороги. Мальчик оказался ужасно тяжелым. Хорошо тренированные мышцы всегда тяжелее студенистого жира. Через минуту Текито запыхался так, что даже потемнело в глазах.

– Ну и кабан! – выругался он, утирая пот со лба. – Как будто из свинца отлит!

Минуту-другую он отдыхал, присев на корточки, а потом поволок труп дальше, время от времени опасливо озираясь по сторонам.

– Господи, только бы никого не принесло, – руки Текито дрожали, как у неврастеника. – Господи, сделай так, чтоб никто не появился на дороге.

Сумерки сгущались. И становились острее звуки. Машина скрылась за холмом, но холостое тарыхтение двигателя и рассеянный свет фары выдавали ее местонахождение.

Оттащив парня на достаточное расстояние, Текито остановился и долго восстанавливал дыхание. Руки и шорты чилийца почернели от крови. Ничего, выстирает дома.

Он успокоился (насколько это возможно в такой ситуации) и уже собрался идти обратно.

– Извини, парень, – сказал он на прощанье. – Я не хотел. Так уж вышло...

Неожиданно мальчик зашевелился. Текито вскрикнул и чуть не наложил в штаны (второй раз за вечер – черт!), но быстро сообразил, что мертвые не шевелятся. Значит, упитанный малыш-голыш жив! Спустя мгновение белобрысый мальчик снова дернулся и застонал. Раны на животе закровили.

– Говнюк! – завизжал Текито. – Так ты не сдох! – Он поднял руки и прокричал в темноту, обращаясь к Господу Богу, которого только что просил убрать всех нежелательных свидетелей с дороги: – Ну, ты только погляди – он не сдох, этот сукин сын! Мазефакер!

Мальчик открыл рот и беззвучно пошевелил губами. Глаза его ожили. Какое-то время они беспорядочно бегали, пока не сфокусировались на Текито. Зрачки сузились, а по распухшим белкам расплылась чернота. Ребенок таращился на чилийца с неистовством, совсем не свойственным двенадцатилетнему пацану, которого только что едва не закатали в асфальт. В глазах было что-то потустороннее, точно не человеческое, из-за чего от взгляда должно было бросать в дрожь. Но солнце уже село за горизонт, прохладная тьма заливала пустыню, и в сумерках Текито не стал вглядываться в лицо сбитого им паренька.

– Ублюдок, и что теперь с тобой делать? – Текито схватился за голову. – Лучше бы ты сдох, честное слово!

Вкрадчивый внутренний голос предательски зашептал: «Оставь его здесь... Брось выродка... И он умрет».

Закусив губу, перекупщик запрокинул голову и уставился в пустоту над головой, где постепенно друг за другом зажигались бесстрастные пятнышки звезд – единственные свидетели его преступления.

Текито был тем еще барыгой. Вороватым дебоширом. Возможно, однажды он превратится в конченного наркомана, «безмозглую обезьяну с билетом в один конец до преисподней». Но убийцей он не был и не собирался им становиться. Несмотря на то что его этому не учили, чилиец понимал: стать душегубом – это хуже, чем подсесть на героин. Это даже хуже, чем податься в адвентисты или свидетели Иеговы.

– Лучше б ты сдох! – прошипел Текито, опустился на корточки и, осторожно подняв, потащил белокожего найденыша обратно к машине.

Мальчик, стиснув зубы, хрипел. Текито чувствовал, как горячие мышцы на его теле подрагивают.

– Засранец... Гринго хренов... Козел беломордый... Ты что, первый раз в жизни встретил грузовик?.. Ты, видать, боксер какой-то или борец... И перестань истекать кровью! Сейчас же! Перестань... Я кому сказал?

В конце концов он втащил паренька в кабину грузовика. Положил на водительское сиденье, потом затолкал дальше в салон, кое-как зафиксировав ремнем безопасности. Сам сел за руль.

– Знаю, малец, мама была бы не в восторге, – дрожащими руками Текито скручивал косячок, – я и сам понимаю, как-то оно по-говняцки получается: в десять лет всю дорогу нюхать драп... – чилиец ухватил сигарету зубами, прикурил и, закатив глаза, глубоко затянулся. – Но ты меня извини, малец. Я не могу на свежую голову гнать под сто пятьдесят по этой, чтоб ее, долбаной «магистральной».

После этого опустил стояночный тормоз и погнал вперед, приговаривая сквозь зубы, как мантру: «Только не умирай, прошу... Только не отбрось копыта, малец...»

Стало совсем темно. На часах было 18:23.

III

Вторник, 4 августа, 19:38 (UTC –4)

Калама, Чили

Джей-Ди Ричардсон и Фрэнк Ди'Анно потягивали джин-тоник на террасе отеля. Больше в баре никого не было. Вечер был на удивление тихим и спокойным.

– Доктор Ди'Анно! – перегнувшись через стойку, окликнул бармен.

Фрэнк обернулся:

– Да, амиго? – улыбка все еще оставалась на его лице.

– Вас к телефону.

Фрэнк помрачнел:

– Это из клиники.

– Почему ты так уверен? – поинтересовался Джей-Ди.

– А кому еще в этом медвежьем углу австралийский инженер может понадобиться в полвосьмого вечера? Что-то уже натворили, эскулапы.

Австралиец нехотя пошел к телефону. Взял трубку. Долго слушал, несколько раз коротко отвечая. Недовольная гримаса постепенно сменялась удивлением.

Окончив разговор, Фрэнк торопливо вернулся к столику:

– Ты знаешь, старик, мне придется сгонять в клинику.

– Что-то с аппаратом?

– С томографом все в порядке, но... в больницу привезли мальчика. Кто-то из местных сбил его в пустыне. Никто не знает, откуда он взялся. Врачи хотят, чтобы я приехал, посмотрел.

– Белый мальчик? – словно невзначай уточнил Джей-Ди, чувствуя, как по спине пробежал холод.

– Что ты сказал?

– Я спросил – мальчик белый?

– Да, – ответил Ди'Анно и вдруг резко повернул голову. – Откуда ты знаешь? Я же тебе не говорил.

– Знаешь что? – ответил Джей-Ди. – Я поеду с тобой.

IV

Вторник, 4 августа, 20:14 (UTC –4)

Центральная клиническая больница Каламы

– Это он, – сказал Джей-Ди.

– Точно?

– Да. Никаких сомнений. Я видел его в пустыне по дороге из Сан-Педро. Вел себя он полностью неадекватно. Не удивительно, что попал под колеса.

– Он уже тогда был в одних плавках?

– Да, – кивнул Ричардсон.

– Почему же ты его не подобрал? – Ди'Анно исподлобья глянул на товарища.

– Я хотел. Но, говорю тебе, он был не в своем уме. Понимаешь... мальчик напугал меня... до смерти напугал.

– Напугал? – поднял брови Фрэнк. – Как это, бляха, понимать?

– А как хочешь, – отрезал Джей-Ди. – Я думал, что увидел привидение или демона. Он копировал меня.

Фрэнк Ди'Анно засунул руки в карманы больничного халата. Что такого мог сделать этот десятилетний сопляк, чтобы напугать сорокапятилетнего хирурга? Мальчик лежал без сознания, и Фрэнк (к своему счастью или несчастью) не видел его глаз.

Тем временем к ним подошел дежурный врач. Стройный немолодой чилиец со впалыми щеками и орлиным носом. Это он принимал потерпевшего.

– Мы начали его обследовать, – доложил он. – Сделали рентген.

– И что? – спросил Фрэнк.

– Переломы шести ребер и ключицы, смещены шейные позвонки, большая трещина таза, но позвоночник, к счастью, цел. Парень потерял много крови, хотя внутренних кровотечений, похоже, нет... Подозрение на сильное сотрясение мозга: он несколько раз приходил в сознание, но говорить не мог, только хрипел и... – дежурный помедлил, – ...скалил зубы.

– Наверное, от боли...

Худощавый чилиец замялся:

– Не думаю... По-моему... от злости...

– Это все?

– На данный момент – да.

– Парень еще легко отделался, – заметил Ди'Анно.

Джей-Ди Ричардсон стоял, сложив руки на груди, рядом с товарищем и не сводил глаз с окна, через которое можно было видеть часть реанимации.

– Да. Паренек хоть и совсем юн, но ладно скроен. Мышцы, как у взрослого спортсмена. Другой на его месте от такого удара просто развалился бы на куски.

– Надо завершить обследование. Посмотрим, что у него с головой. Может, там кисель и все наши потуги уже ни к чему... – пробубнил Фрэнк и повернулся к дежурному: – Кровотечение остановили?

– Достаточно легко.

– Прекрасно. Надеюсь, томограф готов?

– Да, мистер Ди'Анно. Как раз сегодня после обеда завершили отладку.

– Заодно и проверим технику. Амиго, скажи сестричкам, пусть готовят пациента. И включайте оборудование.

Чилиец кивнул и пошел в ординаторскую.

Через полминуты операционную кровать с бесчувственным мальчиком вывезли из реанимации и покатали в кабинет МРТ. Австралиец и новозеландец еще раз взглянули на рельефное тело, когда его провозили мимо них. Синяки, неглубокие раны и царапины – и это все. После того как парня обмыли, он ничуть не походил на человека, попавшего под колеса грузовика.

– Что ты об этом думаешь? – тихо спросил Джей-Ди.

– Как ни странно, после столкновения с «mercedes'ом» парень выглядит лучше «mercedes'а», – вяло улыбнулся Ди'Анно.

– Я не о том. – Ричардсон не был настроен шутить. – *Что этот малый делал в пустыне?*

В кабинете МРТ зажегся свет. Двери были открыты, и по стенам и полу коридора скользили тени – медперсонал укладывал мальчика в аппарат.

Фрэнк пожал плечами:

– Не знаю... Может, отстал от группы туристов.

– Какие туристы, старик? Это Атакама! Ты считаешь Сан-Педро подходящим местом для семейного отдыха? Сюда даже опытные путешественники не часто забираются!

– Не знаю... – повторил австралиец.

Из кабинета доносились спокойные голоса. Что-то клацнуло, потом стал слышен ровный гул – это включили томограф. Приятели направились в кабинет.

– Надо сообщить в полицию, – не унимался Джей-Ди. – Его наверняка кто-нибудь разыскивает.

– Это не наше дело. Чилийцы сами разберутся.

– Просто парень кажется мне странным. Очень странным.

– Не понимаю, что ты в нем нашел стра...

В этот момент, когда до двери в кабинет оставалось несколько шагов, из него раздался сдавленный звук. Очень необычный звук, который Джей-Ди Ричардсон запомнит, наверное, на всю жизнь. Такое впечатление, что кто-то с высоты трех-четырех метров уронил арбуз. Полосатый с характерным звуком шлепнулся на кафельный пол, треснул и разлетелся на куски. Вот только и Джей-Ди, и Фрэнк твердо знали, что в кабинете нет и не может быть никаких арбузов.

Однако по-настоящему их напугал не сам звук, а то, что его сопровождало. Сначала на этаже мигнул свет. Затем томограф остро запищал, несколько раз присвистнул и начал затихать, пока совсем не умолк. Установилась тишина – глубокая, как в могильном склепе.

Врачи бегом рванули в кабинет.

– Что случилось? – закричал Фрэнк, с разбега едва не выбив дверь. – *Que paso?!¹⁰*

– *No lo se... No lo se, señor...¹¹* – бормотал доктор-чилиец.

Большую часть кабинета занимал бочкообразный томограф. Ричардсону аппарат напомнил бочку для сбора дождевой воды, которую он видел в монастырях Метеоры¹² во время прошлогодней поездки в Грецию. Внешняя поверхность перевернутой набок «бочки» была матовой, цвета какао с молоком. В верхней части торчал прямоугольный вентиляционный канал, тянувшийся вверх и исчезающий в стене. Посреди торцевой поверхности зияло круглое отверстие с гладкими краями, по виду вроде бы маловатое для тела человека. Внутренняя поверхность отверстия была глянцеватой, по краям оранжевой, в середине – стерильно-белой. Перед отверстием стояло неширокое ложе, с которого пациента «подавали»

¹⁰ Что случилось? (*исп.*)

¹¹ Я не знаю... Я не знаю, сеньор... (*исп.*)

¹² Метеоры (от греч. «витающие в воздухе») – один из крупнейших монастырских комплексов в Греции, все монастыри расположены на высочайших (до 600 метров) скалах, столбами возвышающихся над Фессалийской долиной. Неприступные обители монахов в буквальном смысле нависают над землей.

в аппарат. Внутри механизма от главного пульта управления тянулось множество трубок и проводов. Все выглядело современно и модно.

Когда врачи-иностранцы забежали в кабинет, лежак с мальчиком выезжал из чрева МРТ. Пока были видны только его ноги. Казалось, все нормально, хотя... Краем глаза Ричардсон заметил бледно-розовую вязкую жидкость, капавшую на пол с левого торца «бочки».

Через несколько секунд мальчик полностью выехал из отверстия. Одна из медсестер потеряла сознание и беззвучно рухнула на пол, неестественно задрал голову и широко раскинув в стороны руки. Другая завизжала и, прошмыгнув мимо врачей, пулей вылетела из кабинета. Ее похожий на сирену истерический визг еще долго доносился из коридора. Фрэнк посерел, словно высушенная солнцем поверхность пустыни. И было отчего: у мальчика отсутствовала голова. Исчезла без следа. Из превратившейся в лохмотья шеи непрерывно сочилась кровь.

– Где голова? – рявкнул Ди'Анно так, будто одна из медсестер спрятала ее под пол своего халата. Австралиец напоминал по-детски сконфуженного героя диснеевского мультфильма, которого коварные злодеи обвели вокруг пальца с помощью черной магии. – Где она?

Фрэнк склонился над обезглавленным телом и заглянул внутрь томографа. Головы не было.

– Черт! – заорал он. – Куда делась его голова?

Дежурный доктор-чилиец неуверенно шагнул вперед. Лицо его пожелтело.

– Я не знаю, сеньор. Мы просто загрузили мальчика в аппарат и включили томограф... Все по инструкции. А после этот хлопок и...

– Что вы мне рассказываете?! – взвизгнул Фрэнк. – Идиоты! Это томограф, а не гильотина!!! Что вы сделали с пациентом?

– Мы ничего не делали! – пожелтевший чилиец тоже перешел на крик. – Я только включил аппарат...

Фрэнк схватился за голову и с тяжелым стоном оперся на аппарат:

– Что ты скажешь, старик?

Джей-Ди хотел утешить коллегу, но в голове крутилась только одна дурацкая фраза: «Старик, я в жизни не видел более скверных результатов магнитно-резонансной томографии». Он решил, что лучше будет промолчать.

И тоже заглянул внутрь томографа. Вблизи отверстия стенки казались чистыми, но в глубине белого пластикового туннеля, там, где раньше лежала голова, они были забрызганы разлетевшимися мозгами вперемешку с волосами и кровью. На дне трубы валялось что-то похожее на подкову.

– По-моему, там его нижняя челюсть, – Ричардсон выпрямился. – И, если не ошибаюсь, шейные позвонки.

Фрэнк Ди'Анно подскочил.

– Кретины! Безмозглые латиносы! – орал он. – Это могло случиться, если в камере находился металл... какой-нибудь металлический предмет... Может, слуховой аппарат или... я не знаю, еще что-нибудь...

Оттолкнув Ричардсона, Фрэнк полез в трубу томографа. Он извивался, пытался, толкал ногами обезглавленное тело, наконец исчез в трубе томографа. Полторы минуты оттуда не доносилось ни звука. Австралиец выбрался обратно явно более спокойный, но обескураженный. Похожий на неаккуратного вампира после фуршета, с головы до ног вымазавшегося кровью.

– Ну что? – спросил Ричардсон.

– Ничего, – прохрипел Фрэнк. – То есть все то, что и должно быть: осколки черепа, зубы, куски лица, мозги, волосы и кровь. Но никакого металла... И ни одной механической царапины на стенках... Какая-то чертовщина, Джей-Ди. Я не въезжаю.

Дежурный врач переместился и занял позицию, перекрывавшую выход из кабинета.

– Мистер Ди'Анно, вы останетесь здесь до прихода полиции, – холодно сообщил он. – А вас, мистер Ричардсон, я попросил бы не вмешиваться.

Джей-Ди не спорил. Он попятился, переводя взгляд с обезглавленного мальчика на своего коллегу и обратно.

– Держись, старик, – бросил он на прощанье и вышел в коридор.

V

Выбежав из кабинета томографии, Джей-Ди задумался. Ричардсон сам был врачом, а потому понимал: то, что случилось в эти несколько секунд после запуска МРТ, не могло быть вызвано неисправностью аппарата. Магнитное поле величиной в три теслы мощное, но само по себе полностью безопасное для человека. Правда, металлические предметы, оказавшиеся в таком поле, будут вести себя как артиллерийские снаряды. Но в том-то и загвоздка: он сам осмотрел полость томографа – никаких металлических предметов там не было.

Ричардсон был полон решимости докопаться до истины. Во всяком случае, он должен был попробовать это сделать.

Для начала, воспользовавшись переполохом, он поднялся на третий этаж. Быстро сориентировался в коридоре, открыл нужную дверь и вошел в кабинет рентгеноскопии. Он надеялся, что там будет пусто, но за столом сидела молоденькая медсестра с точеными ножками от ушей. «Словно с обложки журнала», – мелькнуло в голове у Джей-Ди.

Девушка подняла на него темные глаза:

– Чем могу помочь? – спросила она по-испански.

Джей-Ди растерялся.

– Гм-гм... синьорита... Вы говорите по-английски?

– Да, немного.

Новозеландец переминался с ноги на ногу, не зная, с чего начать.

– Что вы хотели? – озарила его улыбкой медсестра.

– Извините, что я так... ну, в общем, ворвался... – Ричардсон вздохнул. Слова как-то не клеились. – Я врач. Меня позвали, чтобы помочь с недавно доставленным мальчиком. Белым. Должно быть, туристом, которого сбила машина...

Джей-Ди опять запнулся. Чилийка кивнула.

– И?

– Ему сделали рентген. Я хочу взглянуть на снимки, – собравшись с духом, выпалил Джей-Ди.

Девушка задумалась, смешно наморщив носик. В принципе, она должна отказать. Этот мужчина не относится к персоналу клиники. Кроме того, толстуха из регистратуры уже позвонила ей и рассказала, что светловолосому мальчику, которого привез наркоман из пустыни, кто-то из белых коновалов оторвал голову. К счастью, медсестра *пока не поняла*, что оторвал – это в буквальном смысле. К тому же ей понравился Джей-Ди – его неловкость она восприняла как результат своей неотразимости. Она кокетливо улыбнулась и положила на край стола несколько больших рентгеновских снимков.

– Но только взглянуть, – заговорщически прошептала она.

– Хорошо, – Джей-Ди набросился на снимки.

Парня просветили с головы до ног – отдельно сняв голову, грудную клетку, таз, руки и ноги. Ричардсон по очереди поднимал над головой серо-черные снимки и внимательно рассматривал их на свет. Особенно внимательно – снимок головы. Большие листы дрожали в его руках.

В третий раз рассмотрев рентгеновский снимок черепа, Ричардсон убедился: мальчик был «чист». У него не было металлических имплантов ни в теле, ни – что самое главное – в голове. Он не демон, не инопланетянин и не киборг, обтянутый человеческой кожей. Он настоящий. Обычный мальчик. Если не принимать во внимание переломы, причиненные дорожно-транспортным происшествием, пацан выглядел вполне нормальным человеком.

Не поблагодарив девушку, Джей-Ди вышел из кабинета и спустился на первый этаж. Полиция еще не приехала. Идя к выходу, Ричардсон заметил черного, как нубиец, человека и

подумал, что, возможно, это он и привез мальчика из пустыни. Протрезвевший Текито Рейес сидел на раскладном стуле в углу приемного отделения под огромной картой северной части Чили. Услышав шаги, он поднял глаза.

– Синьор... – захрипел Текито, схватив доктора за рукав халата. – Синьор... как там малец? С ним все в порядке? Он не умрет?

По темным щекам расползались грязноватые потеки слез.

Джей-Ди Ричардсон не знал, что и ответить. Сказать, что парню вдруг оторвало голову? Но такая чушь может приключиться разве что в дешевом фильме ужасов, фантастическом романе, в другой реальности, но только не на планете Земля, где все подчинено нерушимым физическим законам. Джей-Ди бессовестно соврал:

– С ним все будет хорошо.

– Слава Богу! – широко улыбнулся Текито, выставив напоказ грязно-желтые зубы.

Освободив руку, Джей-Ди направился прямо к светящейся надписи «Salida» (выход). Выйдя на улицу, он чуть-чуть постоял на месте, чтобы глаза привыкли к темноте. Потом, разглядев рядом со входом в клинику очертания грузовика, подошел к «mercedes'у».

Подсвечивая фонариком мобильного, Ричардсон осмотрел машину. Сначала место удара – лобовое стекло, вдребезги разбитую фару, погнувшийся бампер. Заглянул под днище, в кабину, осмотрел колеса, насколько мог разглядел переднюю ось... Ничего. Он сам не знал, что ищет. Просто изучал грузовик, который сбил странное существо из пустыни.

Пошел вокруг машины, освещая потрепанные борта. Безрезультатно. Добрался до заднего борта, откинул края жесткого брезента и, утратив надежду найти хоть что-нибудь, заглянул внутрь. В кузове ровными рядами стояли большие картонные коробки и деревянные ящики чуть меньшего размера, а сверху на них лежали полиэтиленовые пакеты с надписью «D&S»¹³. Пакеты были новенькими, прямо из супермаркета.

Джея-Ди снова охватило какое-то смутное чувство. Как тогда в пустыне, когда он впервые заметил мальчика и на уровне подсознания постиг, что это не мираж, причем постиг до того, как пришел к этому логическим путем. Что-то снова не ложилось в пазл. Какая-то деталь не вязалась с картиной событий, которая складывалась в его голове.

Засунув телефон в карман, Ричардсон протиснулся под брезентом и влез внутрь фургона. Снова достал мобильник и направил свет на пакеты. Внутри лежали инструменты: молотки, отвертки, плоскогубцы, ножницы по металлу. Все новое, в пластиковых упаковках со старательно соскобленными ценниками. Заглянув еще и в коробки, он сообразил, что это все товар, купленный в большом супермаркете.

Мысли вихрем закрутились в его голове. «Какой еще супермаркет? – размышлял Джей-Ди. – К востоку от Каламы нет ни одного большого магазина вплоть до самой Боливии... Откуда же взялись пакеты? Их здесь не должно быть, разве что... разве что...» Мысль сопротивлялась, извивалась, как уж, пытаясь ускользнуть и спрятаться в бездне сознания.

«Откуда приехал грузовик?»

Вопрос возник сам по себе. Будто кто-то прошептал его на ухо. Джей-Ди схватил один из пакетов. Вскоре он обнаружил то, что искал. Под названием супермаркета маленькими буквами был написан адрес: номер дома, название улицы и... город.

«Антофагаста», – прочел Джей-Ди. У него отвисла челюсть... Ричардсон не был знатоком географии северного Чили. Но все же достаточно ориентировался в регионе, чтобы понять, что *грузовик приехал не с востока*. И это было плохо. Очень плохо.

Джей-Ди выпрыгнул из кузова на землю и быстро пошел обратно в клинику. Сердце стучало, словно пищащая машинка под пальцами профессиональной машинистки. Шофер сидел на том же месте.

¹³ «D&S» – сеть чилийских супермаркетов продовольственных и хозяйственных товаров.

– Послушай, приятель... Как тебя? – выпалил запыхавшийся доктор.

– Текито, меня зовут Текито Рейес, синьор, – Текито еле-еле справлялся с английским.

– Я хочу кое о чем тебя спросить.

Текито с готовностью встал. Губы у него дрожали, тусклые глазенки налились слезами.

– Синьор, меня не посадят? – лепетал он. – Если малый не помрет, мне же ничего не будет, правда? Я же привез его...

Джей-Ди прервал чилийца нетерпеливым жестом.

– Тебя никто ни в чем не обвиняет. Это был несчастный случай, – Ричардсон снова обманывал, сдерживая нетерпение. – Меня интересует другое. Пожалуйста, покажи место, где ты находился, когда... гм... когда заметил парня.

Он показал чилийцу на карту. Тот сосредоточенно почесал затылок.

– Ну... я не знаю.

– Хотя бы приблизительно! – Джей-Ди повысил голос.

Вдвоем они придвинулись почти вплотную к карте.

– Вот здесь, сеньор, – Текито ткнул пальцем в линию трассы.

Джей-Ди почувствовал, что волосы у него на затылке встают дыбом, как шерсть на загривке у волка, а по телу прокатывается волна холода. Он не переспрашивал, насколько Текито уверен в точности указанного места. Это не имело никакого значения.

– То есть ты ехал из Антофагасты? – глотая от волнения слова, уточнил он.

– Да, синьор. Откуда же еще могла прикатить моя колымага?

Кардиохирург побелел, ощущая, как сердце сжимается от непонятного страха. Это не пазл, который не подходит к картине. Это картина, которая рассыпается на куски от одного-единственного неправильного пазла.

– К-к-когда это произошло?

– Что именно? – сконфуженно переспросил шофер.

– Когда ты нарвался на существо? – рявкнул Джей-Ди. – Скажи мне время!

– Вы имеете в виду парня?

– Да!

Текито закатил глаза, припоминая ход событий этого вечера.

– Сразу после захода солнца, незадолго до шести. Через полчаса после того, как я проехал Кармен-Альто.

У новозеландца опять отвисла челюсть. Он встретил парня за полчаса до этого.

– Этого не может быть...

– Чего, сеньор?

Ричардсон не слушал водителя. Он мог найти объяснение всему: странному поведению мальчика, его присутствию в пустыне, даже превращению в фарш его головы. Для всего вышеперечисленного можно было найти разумное, более-менее правдоподобное объяснение. Только не для того, что обнаружилось сейчас. Текито указал пальцем на *другую дорогу*: Флавио и Ричардсон ехали в Каламу с востока из Сан-Педро, тогда как Текито вел свой грузовик совсем по другой дороге – с юго-запада от Антофагасты через Кармен-Альто.

Хотя не это было главным.

Новозеландец опустил глаза и посмотрел на шкалу масштаба в правом нижнем углу карты. Подняв ладонь, Джей-Ди приложил большой палец к точке посреди шоссе «Кармен-Альто – Калама» на юг от города, там, где Рейес сбил мальчика, а указательным дотянулся до точки, где они с Флавио наткнулись на белокожее существо. Потом, не меняя относительное положение пальцев, приложил их к шкале расстояний внизу карты. Получилось 100 – 120 километров. По прямой. Через непроходимое пространство, усеянное скалами, изрезанное расщелинами и полусасыпанное барханами.

Джей-Ди беспомощно таращился на карту. Что же это получается? Сначала он встречается с этим существом, а через полчаса грузовик Текито сбивает его уже на другой дороге, в другом конце Атакамы. Парень не мог раздвоиться, значит, он пересек девственную пустыню со скоростью примерно 250 км/ч... Ни одно живое существо на Земле не способно двигаться с такой скоростью.

Джей-Ди, как пьяный, вышел на улицу и направился к своему отелю. В голове гудело, как в растревоженном улье. Плечи тряслись, а сердце делало паузу при каждом шорохе из темных переулков. Всюду ему виделись злые и загадочные белокожие мальчики. Ричардсон не верил в привидения, телепортацию, туннели в подпространстве, искривление времени и прочую подобную чертовщину, а потому боролся со страхом, стараясь разрешить парадокс, пытаясь найти для всего приемлемое объяснение.

Уже у самого отеля Ричардсон споткнулся о бордюр тротуара и едва не растянулся на асфальте. В этот момент что-то как будто вспыхнуло перед глазами. Он остановился и замер – испугался, что мысль уйдет, так и не выкристаллизовавшись. Этого, к счастью, не случилось.

– Мальчики, – пробормотал Джей-Ди. – Не мальчик, а мальчики.

Вот так Джей-Ди Ричардсон, сорокапятилетний кардиохирург, имеющий к дальнейшим событиям весьма опосредованное отношение, так как уже через пару часов он отправится домой в Окленд и благополучно избежит всего того непотребства, которое вскоре начнет твориться на просторах Атакамы, стал первым, кто пришел (пока что) к этому единственно верному в данной ситуации выводу: «Так значит, их было двое!»

VI

Фрэнк Ди'Анно, который рассчитывал провести на севере Чили максимум пять дней, задержался там на долгих три недели. Ему пришлось сменить комфортабельный гостиничный номер в Каламе на мрачный следственный изолятор в Сантьяго.

Но ни частые изнурительные допросы Ди'Анно и Рейеса, ни тщательная проверка томографа не дали следствию никаких зацепок. Томограф оказался исправен и работал как швейцарские часы. Независимый эксперт подтвердил, что подобный инцидент мог произойти, только если череп несчастного мальчика был выложен изнутри металлическими пластинами, которые под действием магнитного поля могли разворотить ему голову. Однако никаких металлических пластин не было, и ничего не дали и новые исследования трупа. В крови мальчика был обнаружен целый букет гормональных стероидов, в частности альдостерон¹⁴, и это было странно, но никак не объясняло, с чего это вдруг его голова лопнула, как упавший с дерева переспевший абрикос. Во всем остальном это был совершенно обыкновенный двенадцатилетний мальчик.

Еще более странно сложилась ситуация с идентификацией пустынного найденыша. Его никто не искал. Ни до, ни после инцидента никто не обратился в полицию с заявлением об исчезновении белокурого мальчика, ни одна из отдыхавших в Чили семей детей не теряла, в МИД не поступило ни одного запроса от зарубежных посольств. Скрупулезный поиск в базе данных таможенной службы среди иностранцев, въезжавших в страну в последние полгода, тоже ничем не помог. Формально пацана просто не существовало.

Следствие зашло в тупик.

В общем, продолжение дела сулило проблемы, которых никто не хотел. Поэтому спустя некоторое время тело мальчика отвезли обратно в Атакаму и там закопали. Папку с делом сожгли. Фрэнку приказали уносить подальше ноги (для верности вклеив в паспорт ярко-красный штамп «ДЕПОРТИРОВАН»). Что он с радостью и сделал.

Никто не подозревал, что странный инцидент – это лишь начало настоящих проблем.

¹⁴ Альдостерон – стероидный гормон, который синтезируется в коре надпочечников и воздействует на почки, регулируя водно-солевой обмен между внешней и внутренней средой человека. Под влиянием альдостерона в организме происходит задержка хлоридов и воды, он способствует увеличению объема крови и повышению артериального давления.

Вызов

VII

Четверг, 13 августа, 10:05 (UTC +2)

Отдел «Gaming AI»¹⁵ компании «Time-To-Play Technologies»

Киев, Украина

Тимур Коршак просматривал почту, когда на столе зазвонил телефон.

– Я слушаю, – парень поднял трубку.

– Тимур, – прозвучал там сухой голос босса, заставивший парня непроизвольно напрячься, – ты не занят?

– Нет... Пока нет... – Тимур нахмурился. Утренние звонки начальства, как правило, ничего хорошего не предвещали.

Шеф выдержал длинную непонятную паузу, а потом бесцветным тоном произнес:

– Тогда отрывай задницу от стула и шагай ко мне в кабинет. Есть разговор.

Тимур поморщился. Если директор по разработкам с самого утра приглашает к себе в кабинет, жди неприятностей. Это означает одно из двух: либо сверхсрочное задание из серии «умри-но-сделай», когда нужно выдать десять тысяч строк программного кода за день, либо внеплановую раздачу тумачков (как правило, из-за того, что какой-нибудь мегапродвинутый долбоюзер замордовал вчера до потери пульса всю службу поддержки). А скорее всего и то, и другое одновременно.

– Уже иду, – ответил Тимур и повесил трубку, думая, как на удивление быстро может испортиться так хорошо начавшийся день.

Пока он в задумчивости ворошил руками взлохмаченные непослушные волосы, над перегородкой, отделявшей друг от друга рабочие места, вынырнула увесистая голова Ярика.

– На ковер к Пузатому? – спросила голова, дожевывая утренний пончик. Фамилия директора по стратегическим разработкам и развитию (сокращенно – директор по СРР) – Пузатый – позволяла подчиненным обходиться без дополнительных прозвищ, хотя характер начальника, сварливый, как у разбуженного раньше срока медведя, и подталкивал к словотворчеству.

Тимур хмуро кивнул.

– Бить будет? – с нескрываемой надеждой и сарказмом поинтересовался Ярик.

– Не знаю.

– Есть за что? – не унимался Ярик.

Тимур задумался. В последнее время вроде особо не портачили.

– Не знаю, чувак...

– Значит, за старое, – авторитетно заключил коллега.

Получать тумачки «за старое» было особенно неприятно. После этого, как правило, приходилось ковыряться в древних программных кодах, которые неизвестно кто после тебя латал и перекраивал, заново вникать в концепцию модуля, а то и всей программы, выискивать кучу дополнительных файлов с функциями и классами, которыми, скорее всего, уже давным-давно никто не пользовался.

– Не дай Бог, – буркнул Тимур. – Ну, пойду, пока он не начал вонять.

¹⁵ Gaming Artificial Intelligence – игровой искусственный интеллект (англ.).

– Удачи, – ехидно подмигнула голова и снова нырнула за перегородку.

Тимур перевел рабочую станцию в спящий режим. В черном дисплее отразилось его лицо: правильный овал, слегка нарушенный торчащими ушами, спокойно поблескивающие светло-серые глаза. Высокий широкогрудый Тимур не был похож на заядлого программиста с постоянной недельной щетиной, сгорбленной спиной и спасательным кругом из жира на поясе.

Оттолкнувшись вместе с креслом от стола, Тимур быстро поднялся на ноги и двинулся по направлению к начальству.

VIII

Поднимаясь по ступенькам со второго этажа на третий, где располагались кабинеты аналитиков и дирекция, Тимур продолжал размышлять, что же могло стать причиной утреннего вызова.

«Time-To-Play Technologies» сделала себе имя на том, что называется «gaming environment» – игровое окружение. Специалисты «ТТР» годами разрабатывали математические модели ветра, травы, кустов, деревьев, даже отдельных листочков, камней на дороге, пыли, а также алгоритмы их взаимодействия. Упорная совместная работа математиков, физиков, 3D-модellers и программистов компании позволила создать максимально приближенный к реальному виртуальный мир. И дело было не только во внешнем сходстве. В играх, которые выпустила «Time-To-Play Technologies», шли «настоящие» дожди, непрерывно дули ветра, солнце пряталось за тучи и снова выходило из-за них, причем все это не было заранее запрограммировано на конкретное время и место, а происходило по «естественным» причинам, так же, как и в природе.

Тимур специализировался на ботах. Его основная задача состояла в том, чтобы «житель» такого совершенного виртуального мира вел себя реалистично. Однако из-за большого количества различных процессов, которые одновременно моделирует программа (они называются *потоками*), очень непросто научить бота правильно выбирать дорогу, обходя заболоченные или заросшие кустами места, прятаться с учетом текущей видимости, безошибочно определять «живые» объекты (других ботов или игрока) в среде, где движется практически все, и при этом не забывать о своей главной задаче: атаковать или защищать игрока – единственное по-настоящему мыслящее существо игрового мира. Никогда не знаешь, в каком месте и в какое время потоки пересекутся друг с другом. После того как была разработана базовая концепция «игрового интеллекта» и создано программное ядро, возникли проблемы. Оказалось, что встроить ботов в игру – еще полдела. Намного сложнее отучить их от неадекватных действий в такой сложной реальности, а именно: от расстреливания кучек опавшей листвы, взвешенной налетевшим ветром, петляния между лужами, когда до противника остаются считанные шаги, и тому подобной деятельности.

Тимуру пришлось создавать ботов, которые не просто носятся по сцене, стреляют или уворачиваются от пуль, а еще и взаимодействуют с окружающей средой. Анализируют виртуальный мир. Но благодаря этому каждая игра и получается уникальной. Сколько бы раз игрок не проходил один и тот же уровень, игра никогда полностью не повторится.

Выход в свет первой части FPS¹⁶ «Stalker» не на шутку встряхнул всю мировую индустрию компьютерных игр. В одних только Штатах продали более двух миллионов дисков с игрой, а чистая прибыль компании достигла 14 миллионов долларов. Причиной такого успеха стала не только старательно прорисованная непрерывная игровая среда. Фанатов компьютерных стрелялок покорило поведение ботов, которые разительно отличались от своих прямолинейных собратьев из «DOOM 3», «Half-Life 2» и даже «Unreal II: Awakening». Боты были настолько реалистичны, что иногда казались... живыми. За два года никому не известная украинская компания закрепила на рынке, получила кучу заказов и даже начала формировать тренды в игровой индустрии. И все это в значительной мере благодаря Тимуру.

Шагая по коридору, Тимур размышлял над тем, что же могло вызвать гнев начальства. Четвертый add-on¹⁷ к «Сталкеру» был выпущен на рынок полгода назад. Баги¹⁸ там, конечно,

¹⁶ FPS (First Person Shooter, пер. с *англ.* «стрелялка от первого лица») – разновидность компьютерных игр, в которых игрок видит мир глазами своего персонажа.

¹⁷ Продолжение (дополнение) компьютерной игры, состоящее обычно из нескольких новых уровней, поступающее в

были, но это все касалось сюжета и текстур на отдельных 3D-моделях. К его ботам претензий не было. Новое поколение бойцов, над которым он сейчас трудился, было на стадии эскизного проектирования. Дай Бог, чтобы через два года их направили на тестирование.

«Значит, если влетит, то за старое», – заключил парень, остановившись у кабинета директора по СРР. Он прислушался, на миг задержавшись. Из-за дверей приглушенно доносились голоса. Пузатый был не один и разговаривал с кем-то по-английски.

Тимур глубоко вздохнул и постучал.

– Входите, – донеслось из-за двери.

Тимур изобразил беззаботность и вошел в кабинет.

– А, Тимур! Здорово! Заходи, садись, – директор показал на одно из кресел.

Пузатый был крупным мужчиной, совсем лысым, с соответствующим фамилии круглым брюхом. Лицо его украшала задиристая мясистая челюсть. Повернувшись к гостю, загорелому иностранцу в пижонском деловом костюме, свободно расположившемуся на кожаном диване по другую от Тимура сторону стола для переговоров, директор произнес по-английски с ужасным акцентом:

– Here is that guy!¹⁹ – и недвусмысленно кивнул на Тимура. Тот вежливо поздоровался и уселся в кресло, догадываясь, что переговоры между этими двумя велись о нем.

– O’key... I see... – вальяжно ответил незнакомец. – He’s so young²⁰.

– Only twenty seven²¹.

– That’s strange²².

Мужчина сидел, положив ногу на ногу, и небрежно разглядывал Тимура. Из его темных глаз веяло холодом и какой-то обреченностью. Тимур вдруг понял, что тумачи отменяются. Но легче ему от этого не стало.

– Оскар Штаерман, – представил незнакомца директор. Штаерман был чилийцем с еврейскими корнями.

– Тимур Коршак, – Тимур сдержанно кивнул.

– Nice to meet you, Tumur,²³ – Штаерман говорил с едва уловимым испанским акцентом. И ни одной нотки уважения в голосе.

– Помнишь заказ трехлетней давности от «General Genetics»? – Пузатый крутнулся на кресле в сторону Тимура и заговорил по-украински. – Ну, те чудилы, что заказали только код.

Тимуру не пришлось насиловать память, чтобы вспомнить этот странноватый проект. Самое необычное и в то же время, пожалуй, самое легкое задание за всю его работу в «ТТР Technologies». «General Genetics», будто бы разрабатывавшая компьютерную игру в стиле «экшн», заказала ботов, обученных действовать в команде, одним большим роем, но (!) при этом не предоставила практически никаких исходных данных и не представила среду, в которой будет происходить действие игры. Заказчику были нужны только голые операционные коды.

– Шеф, поймите, – наклонившись к Пузатому, зашептал Тимур, – я не компилировал тот код. Это было просто немыслимо! Я же не могу взять и скомпилировать отдельную процедуру или вырванный из контекста класс. У нас не было никакой возможности протестировать в реальной игре наши разработки. Поэтому если у них...

продажу через некоторое время после выхода основного дистрибутива.

¹⁸ Баг (от *англ.* bug – жучок) – сленговое название ошибки в коде программы.

¹⁹ Это тот парень! (*англ.*)

²⁰ Да, я вижу. Он так молод (*англ.*).

²¹ Да, всего двадцать семь (*англ.*).

²² Странно (*англ.*).

²³ Рад познакомиться, Тимур (*англ.*).

– Успокойся, – прервал его босс, – я хорошо помню эту странную заявку. К тебе нет никаких претензий. В этой ситуации я полностью на твоей стороне.

– А в чем проблема? И почему они спохватились только сейчас? Целых три года прошло!

Пузатый пожал плечами:

– Поговори с этим пизжоном. Мне он ничего не стал объяснять. Хочет, мол, разговаривать только с разработчиком, то есть с тобой.

– О чем?

– О том, что его волнует. И не кипешуй. – Глаза Пузатого хитро блеснули. – Надеюсь, мы вытрясем из него немного денежек.

Тимур вытянулся в кресле и попробовал улыбнуться.

– Хай, Оскар! – еще раз поздоровался Тимур и деловито заговорил по-английски: – Это я писал коды по вашей заявке три года назад.

– Я уже это понял.

– И что у вас не в порядке?

– У меня все прекрасно, – когда Штаерман говорил, он почти не менялся в лице, словно вместо кожи у него была резиновая маска, – но вот ваши боты... С ними начались проблемы.

– Не считите за обычную отговорку, но здесь нет моей вины. – Надменность напомаженного гостя слегка раздражала Тимура. – Вспомните ваше техническое задание. Собственно, можно сказать, что его не было. Я находился в положении плотника, который делает рамы, не зная размеров окон.

– Так было нужно, – парировал Оскар.

– Воля ваша! Но что делать мне? За три года вы даже не сообщили, устроила ли вас наша работа. Для моих ботов нужно специфическое игровое пространство. Вполне вероятно, они оказались слишком сложными для вашего математического ядра.

– Сложными? – переспросил гость и как-то странно улыбнулся. – Нет-нет, они были прекрасными. Идеальными! Они анализировали все, что происходило вокруг, принимали решения, сотрудничали друг с другом, действуя как настоящий отряд. Для нас именно это было главным.

Тимур был несколько удивлен тем, что Штаерман говорил о виртуальных солдатах в прошедшем времени, словно речь шла о живых людях. И это изрядно резало слух.

– И что же произошло? Кто-то напортачил, оптимизируя код?

Оскар стиснул зубы так, что на щеках проступили желваки, и отвернулся к окну. Когда он снова повернул голову к Тимуру, в глазах его опять промелькнуло что-то фатальное и еще что-то такое, чего ну уж никак нельзя было ожидать от надутого заморского пизжона. Неконтролируемый страх?.. Паника?.. Через мгновение Штаерман взял себя в руки, но на заданный вопрос так и не ответил.

– Позвольте мне сказать пару слов, – вмешался директор. – Мы сейчас меняем концепцию построения мира, – разумеется, он говорил о виртуальном игровом пространстве, трехмерной сцене, но все равно слова прозвучали коряво и пафосно. Он выглядел как Зевс на Олимпе. В самом худшем, если можно так выразиться, смысле. – Вместо описания поведения отдельных объектов – деревьев, облаков, ручьев или озер – мы переходим к агентно-ориентированному подходу. Если раньше облачко представляло собой 3D-модель, которая могла менять свою форму, размер, цвет и прозрачность в зависимости от концентрации влаги, двигалась в определенном направлении, изредка объединяясь с другими моделями такого же типа, то теперь это – огромное скопление, некая сеть или рой крошечных агентов, несущих в себе набор функций для взаимодействия со смежными агентами. Такая капля-агент сможет испаряться, конденсироваться, переходить в кристаллическую форму в зависимости от внешних условий, а также от состояния соседних агентов. – Несмотря на ужасный харак-

тер, директор по разработкам был прекрасным специалистом. Он продолжал: – Представьте – теплое облако-рой попадает в зону холодного воздуха. Пограничные или поверхностные агенты быстро охладятся и превратятся в жидкость – в игровом мире пойдет дождь. При конденсации из агента-капли выделяется энергия в виде тепла. Если воздух быстро нагревается, дождь прекращается, а облако, потерявшее часть агентов, плывет себе дальше. Если же будет прибывать холодный воздух, то внутренние агенты также сконденсируются и дождь будет идти, пока облако не иссякнет. На земле агенты соберутся в лужи, ручьи или озера, пока не испарятся снова. Вот такой непрерывный круговорот!

Директор испытующе взглянул на гостя. Оскар Штаерман сохранял невозмутимость. Его спокойствие граничило с безразличием. Дмитрий Пузатый продолжал:

– Конечно, на начальном этапе написание и настройка агентов занимает массу времени, но потом это окупится сторицей. Агентно-ориентированный подход снимает немало ограничений с виртуального мира. Теперь достаточно создать рельеф местности, загнать на сцену агентов, соответствующих воде, воздуху и органической материи, задать начальные условия – температуру, давление – и запустить солнце. В результате каждый раз у нас будет не просто игровая сцена, а уникальный и неповторимый виртуальный мир! – Чтобы усилить эффект от своих слов, босс взмахнул руками в воздухе. – Кстати, Тимур сейчас работает над тем, чтобы боты комфортно себя чувствовали в этом новом мире. Прежнее поколение тут не годится – они теряются, торопеют... в общем, никуда не годятся.

Тимур, подтверждая сказанное, сдержанно кивнул.

– Поэтому, может, вместо переделки старых проблемных кодов мы попробуем решить вашу задачу с помощью нового...

– Нет, – оборвал директора чилиец. – Не нужно никаких новых подходов. Мы хотим, чтобы тот, кто создал три года назад исходные коды для ботов, разобрался в проблемах. Я понятно выражаюсь? Для *ботов*. Точка.

Ни Тимур, ни Пузатый, конечно, не догадывались, что их гость (не будучи профессиональным программистом) знает об агентном подходе не меньше и сам мог бы многое рассказать. Особенно о внешнем проявлении и о том, к каким результатам он может привести. Хотя тогда это уже не имело значения.

Слова чилийца задели Пузатого. Директор засопел и нахмурился.

– А какие именно проблемы? – фыркнул он.

– Я не специалист, поэтому, к сожалению, не могу вам подробно все описать, – уклонился от ответа Оскар. – Просто ваши боты ведут себя не так, как нам бы хотелось.

– Что это значит?! – вспыхнул Пузатый, забыв о выдержке и терпении, которые необходимо соблюдать при общении с клиентами. – Они голые бегают по сцене и швыряют друг в друга собственными экскрементами вместо того, чтобы атаковать игрока?

Тимур прикусил нижнюю губу. Не потому, что ему не понравилась метафора шефа. Просто так не разговаривают с клиентом.

Штаерман проигнорировал плоскую шутку. В кабинете повисло неловкое молчание.

– Может, у вас есть видео с прохождением какой-нибудь миссии, где использован мой код? – спросил Тимур. (Поиск багов начинается с изучения видеозаписи игры с экрана монитора.) – Это бы очень помогло. Его все больше и больше удивляла эта ситуация – зачем было переться черт знает куда, если все наверняка можно решить по электронной почте или по скайпу?

Впервые с начала разговора иностранец заколебался:

– Вы не понимаете. – Косматые брови взлетели вверх, Оскар подался вперед. – Чтобы разобраться, надо оказаться на месте. Собственно, для этого я и прилетел сюда. Мне нужен ты, Тимур.

Тимур и его босс переглянулись.

– Я вас правильно понял? Вы хотите, чтобы Тимур съездил к вам?

– Да. Мы хотим взять в аренду вашего специалиста. Иначе толку не будет.

Такого поворота ни Тимур, ни босс не ждали. Еще никто и никогда не просил одолжить на время сотрудника «ТТР Technologies». Это смахивало на какое-то средневековье – при-слать гонца, чтобы забрать мастера к себе для работы. Чушь! И опять же – зачем посылать кого бы то ни было за тридевять земель, если обо всем можно договориться по электронке?

Директор озадаченно притих. Задумался.

– Мы щедро заплатим, – добавил чилиец.

– Мы – это кто? – вставил Тимур. Три года назад, когда ему поручили проект, который в «ТТР Technologies» считали несерьезным, заказчиком выступала «General Genetics», однако договор был подписан с физическим лицом, то есть де-юре «General Genetics» не имела к нему отношения. За работу исправно платили, всегда авансом, причем деньги переводили не из США, а из какой-то латиноамериканской страны (Тимур уже не мог вспомнить, из какой именно).

– Экспериментальный центр «NGF Lab», – последовал ответ. – Научная организация, которая проводит исследования по заказу различных независимых фондов и частных лиц. Инвестиции, в основном, американские и японские.

– «NGF Lab»? – переспросил Пузатый.

– Да.

Пузатый скосил глаза на лежавшую на его столе визитку Штаермана. На ней стоял логотип другой организации – «General Genetics».

– И куда надо лететь? – поинтересовался Тимур.

Лицо Оскара не дрогнуло. Только глаза напряглись, поменяли цвет: из карих стали совсем черными.словно вода в глубоком мрачном колодце. Не мигая, чилиец ответил:

– Лаборатория находится в пустыне Атакама. Это север Чили.

– Где?! – босс раскрыл рот.

– Чили, Южная Америка.

Тут директор вспомнил, что три года назад деньги приходили именно из чилийского банка, «ABN AMOR Bank Chili». Но чтобы экспериментальный центр находился в пустыне?! И именно в этот момент он окончательно понял, что «General Genetics», или «NGF Lab», или как там она называется, производит что угодно, но только не компьютерные стрелялки. Босс посмотрел на Тимура. «Fuck it!»²⁴ – одними губами выговорил парень.

– Какая, к черту, пустыня, амиго? – Пузатый отбросил формальности прочь.

– Это долго объяснять.

– Любезный, может, хватить играть в жмурки? Вы же не игры разрабатываете!

– Нет, не игры, – без колебаний, выгрызая глазами зрачки собеседника, ответил чилиец. – И нам позарез нужен человек, который три года назад сгенерировал код.

Пузатый попытался сообразить, в каких областях человеческой деятельности можно было бы использовать алгоритмы «gaming AI». Системы искусственного интеллекта? Чушь! Уподоблять синтетический игровой интеллект искусственному разуму в широком смысле – это все равно что ставить на одну ступень технологической сложности электрочайник и баллистическую ракету. Несмотря на более чем двадцатилетний стаж работы с программным обеспечением, Дмитрий Витальевич был не в состоянии догадаться, где еще, кроме компьютерных игр, может пригодиться программа управления ботами.

– Господин Штаерман, – теребя галстук, Пузатый перешел на бесцветный официальный тон, – в вашем контракте не была предусмотрена отладка. Вы не заказывали готовый продукт, а только отдельные классы и процедуры, поэтому мы не...

²⁴ В задницу это! (англ., груб.)

– Пятнадцать тысяч за неделю работы, Тимур. – Штаерман уже не смотрел в сторону директора. – Плюс двадцать тысяч премиальных, если ты решишь проблему, – отчеканил чилиец, а после добавил: – Я имею в виду долларов.

Лысый босс закашлялся. Чуть язык не проглотил. Тимур тоже был ошарашен. Столько платили топ-менеджерам в «Microsoft» или «Google».

– И на какой срок командировка? – завороченно спросил парень.

– Восемь недель. Может быть, десять. – Оскар положил на стол контракт. – Тут все расписано. Виза ждет тебя. Нужен только твой паспорт.

Тимур больше не сомневался:

– К сожалению, вынужден вам отказать... У меня в сентябре свадьба, – он повернул голову к начальнику. – Я как раз хотел просить у вас отпуск.

Пузатый с облегчением выдохнул. Едва ли не впервые он радовался, когда его подчиненный отрекся от работы.

– Считай, что ты его получил.

Углы рта у Оскара приподнялись вверх, что, вероятно, означало улыбку. Он отчеканил:

– Двадцать тысяч в неделю. Пятьдесят тысяч – премиальные. Кроме того, «NGF Lab» выплатит «ТТР Technologies» любую компенсацию за отсутствие сотрудника.

Директор по стратегическому развитию и разработкам чуть не упал со стула.

«Не меньше ста шестидесяти кусков, – быстро сосчитал Тимур, – это же неплохая квартира в Киеве! И за каких-то два месяца». До головокружения лакомый кусок.

– Я... э-э-э... я должен обсудить это с невестой, – после долгих раздумий все еще сконфуженно пробурчал Тимур.

– Ответ мне нужен не позднее завтрашнего утра. Не позднее.

– Так быстро...

– У меня нет выбора.

– О'кей. Но даже если я соглашусь, – взвешивая каждое слово, произнес Тимур, – вы должны понимать, что отладить код будет непросто.

– Почему? – спросил Штаерман, и Тимур подумал, что тот ничего не понимает в программировании.

– Вы говорите, что наши боты ведут себя не так, как вам хочется?

– Да.

– Для того чтобы это понять, вы должны были скомпилировать мой код и запустить его на выполнение.

Оскар кивнул.

– Вы не могли скомпилировать код, не вставив его в тело основной программы, – развивал мысль Тимур. – Я писал только разрозненные куски, причем не DLL-библиотеки²⁵, а отдельные классы и процедуры. Коды нужно было дорабатывать, подгонять под основной игровой модуль.

– Конечно. С эти справились наши программисты. И что?

– Мне придется ковыряться в вашем коде, чтобы понять, как он соотносится с моим. Дело в том, что ваша проблема может не решаться в принципе.

Лицо чилийца и дальше оставалось спокойным, однако пальцы его правой руки нервно теребили запонку на левом манжете.

– Решение должно быть, – ответил Штаерман. – В этом у меня нет никаких сомнений. Ведь поначалу все работало очень хорошо.

²⁵ DLL (*англ.* Dinamic-link Library – динамично подключаемая библиотека) – динамичная библиотека WINDOWS, как правило, файл с расширением *.dll, хранящий в себе скомпилированный код (функции, процедуры, классы), таблицы и ресурсы. Преимущество DLL в том, что код из такой библиотеки может одновременно (и неоднократно) использоваться разными приложениями (программами), запущенными в системе.

– А потом стало работать плохо? – Тимур саркастически хмыкнул. – Код программы – это не металлическая деталь, которая может стереться или сработаться. Он либо работает, либо нет.

– Я не сказал «плохо». Я сказал «не так, как нужно».

Последняя фраза должна была бы насторожить программиста. Но цифра в 160 000 USD просто снесла ему крышу. Выдержав паузу, он сказал:

– Хорошо. Я подумаю, – в голове гудело, словно по ней врезали сковородкой.

– Ответ нужен к завтрашнему утру, – еще раз подтвердил ультиматум Оскар.

«У них таки горит», – отметил про себя Тимур.

– Вечером я позвоню Дмитрию Витальевичу и сообщу свое решение.

– Прекрасно. Я буду ждать, – холодно процедил чилиец.

Тимур поднялся.

– Ты уверен, что хочешь этого? – Пузатый перешел на украинский. – Готов отменить свадьбу? На месте невесты я бы тебе яйца оторвал.

– Не знаю, – пожал плечами программист. Тимур был ошеломлен. В голове бурлило, как в котле. – Такая сумма... Надо все обдумать.

Выходя из кабинета, Тимур еще раз взглянул на директора. Пузатый понял все без слов и утвердительно кивнул.

– Не переживай, – четко произнес он, – я немедленно отдам контракт девочкам в юридический отдел. И если там есть хотя бы один пункт, по которому они могут тебя кинуть, мы пошлем этого хмыря в задницу.

– Спасибо.

– А теперь вали отсюда. И думай. А лучше не думай, а поговори с будущей женой. Понял, салага?

– Да, шеф.

И Тимур закрыл за собой дверь.

IX

Разговор затянулся. Когда Тимур проходил мимо столов коллег к своему рабочему месту, сотрудники заинтересованно оглядывались.

– Ну что там? – ерзая от нетерпения, выпалил Ярик. – Тебя пытали? Ты признался?

Тимур с ходу плюхнулся в кресло и привычным движением руки взлохматил волосы.

– Похоже, светит командировка.

– Куда?

– Еще не уверен. Возможно, в Чили.

Ярик присвистнул:

– Ого! А на фига?

– Сам не знаю, – отмахнулся Тимур.

– И надолго?

– Месяца на два.

Ярик опять присвистнул, на этот раз гораздо громче.

– А что скажет твоя Алина? Вы же... – Ярик уже открыл было рот, чтобы завершить фразу, но Тимур прервал коллегу, молниеносно поднеся руку с вытянутым указательным пальцем под самый его нос:

– Чувак, исчезни!

– Все-все. Я ничего... Я понял... – забормотал Ярик, скорчив страдальческую мину. – Просто... мне на самом деле интересно.

Тимур тем временем набрал в строке поиска на компьютере «NGF Lab». Поиск не дал никаких результатов. Он стер «Lab» и снова ударил пальцем по клавише «Enter». Поисковая система выдала кучу ссылок на какой-то Nerve Growth Factor (фактор роста нервов – протеин, важный для роста, поддержки и выживания определенных целевых нейронов... бла-бла-бла), National Golf Foundation (Национальный фонд гольфа) и еще много чего, не имеющего никакого отношения к программированию или компьютерным играм.

Тимур пожалел, что сразу не спросил у Штаермана, как расшифровывается «NGF». Потому что это было важно.

X

Толкаясь по дороге домой в пробках на своем стареньком «Chevrolet Lacetti», Тимур хмурил брови и размышлял о том, как встретит известие о переносе свадьбы его невеста. Алина была нормальной девушкой. Нормальной в том смысле, что за десять лет знакомства Тимур не слышал и не видел, чтобы она устраивала скандалы и истерики. Вот только отношения у них были не очень нормальными.

Они были ровесниками. Оба окончили Киевский политехнический институт, только Тимур учился на теплоэнергетическом факультете, а Алина на факультете менеджмента и маркетинга.

Как же вышло, что Тимур переквалифицировался из инженера в создателя компьютерных игр? После первого же семестра парень решил, что с таким уровнем преподавания (большинство преподавателей в последний раз заглядывали в научные журналы еще при Горбачеве) и взяточничестве, которое, как ржавчина, проело насквозь все кафедры (большая часть его группы не таясь платила за зачеты и экзамены), ловить ему тут нечего. На втором курсе Коршак начал самостоятельно изучать программирование. Сначала брал конспекты у приятеля с факультета информатики и вычислительной техники, а потом самостоятельно стал штудировать литературу по специальности. Delphi 7, C++, Visual C++, MFC и, наконец, OpenGL... С такими познаниями он легко выдержал испытательный срок в «GTP Technologies».

Познакомились они на первом курсе на одной из общеинститутских студенческих вечеринок. У Алины была прекрасная фигура: плоский живот, стройные ноги, выпуклые ягодицы, от которых нельзя было отвести глаз. К тому же – редкое сочетание – Алина была синеглазой брюнеткой и пользовалась неизменным успехом у парней. За ней, высунув язык, бегало полфакультета, не считая табуна мужчин постарше – собственно, чуть ли не все, кто ее знал или хоть раз видел вблизи. Тимур же тогда ничем особенным не выделялся. Выглядел... ну... как все. Но любовь, как известно, зла. Порой даже слишком. Королева факультета запала на забавного неряху-инженера, повернутого на 3D-моделировании, программировании и компьютерных играх, который никогда не пользовался расческой, ходил в свитере, потертых джинсах и стоптанных китайских кедах.

Почти четыре года Алина всеми возможными способами подавала Тимуру сигналы, что хочет стать его девушкой. Тимур реагировал как медведь на комариные укусы, только раззадоривая девушку. На третьем курсе парень увлекся проблемой искусственного интеллекта и практически отключился от реальности (программисты поймут). Регулярно встречаться они стали только на последнем курсе.

Через год после окончания института Алина намекнула Тимуру, что не против, чтобы они стали жить вместе. Парень колебался. Не то чтобы ему этого не хотелось, но все же такая ответственность, и вообще – зачем спешить?.. Алине надоело ждать. Как-то вечером она как следует его оттрахала и выдвинула ультиматум: или они будут жить вместе, или она от него уходит. Тимур сдался. Они сняли однокомнатную квартиру неподалеку от станции метро «Шулявская».

В следующие три года все было замечательно. Просто волшебно. Пока Алина не решила, что пришла пора переводить их отношения на следующий, высший уровень. Тут и начались проблемы. Тимур все понимал, но упорно не желал делать предложение. Не помогали ни намеки, ни уговоры друзей, ни угрозы разрыва. Во время учебы в институте Алина получала предложения руки и сердца два-три раза в семестр. А теперь судьба откровенно издевалась над ней, подсунув рохлю, привязанного исключительно к компьютерным играм, тяжелому року и пиву «Paulaner».

Синеглазая брюнетка не сдавалась, методично расшатывая мощный фундамент его холостяцкой жизни. Действовала аккуратно, последовательно и разумно, как действуют мудрые женщины. Проблема заключалась в том, что Тимур не был мудрым мужчиной. Он был программистом.

Не стоит описывать, сколько всего натерпелась Алина, прежде чем Тимур капитулировал. Но два месяца назад, через шесть с половиной лет после начала официальных отношений, через десять лет после первой встречи парень, наконец, сдался. Бездарно, неизобретательно и коряво – но все же сделал предложение. Алина не жаловалась. Известно: говнюк останется говнюком, даже если потрясаяще сделает предложение. Эту фундаментальную истину девушка перефразировала по-своему: хороший парень остается хорошим парнем, даже если предложил руку и сердце так, будто наложив посреди ресторана кучку говна. Свадьбу назначили на начало сентября.

И вот теперь, ползя черепашью шагом домой, Тимур ломал голову над тем, как сказать, что все переносится на два-три месяца.

В кармане зазвонил мобильник. Это был Пузатый.

– Слушаю вас, Дмитрий Витальевич.

– Я только что разговаривал с девочками из юротдела. Контракт чистый. Это не кидалово.

В этот момент Тимур ясно понял, каким будет его ответ Штаерману. Даже если Алина выльет ему на голову кастрюлю с его любимым грибным супом-пюре, он скажет «да».

– Прекрасно.

– Чувствую, что ты склоняешься к положительному ответу.

– Ну, еще не совсем, но, в принципе, да...

– Дело твое, но хочу обратить внимание на несколько деталей, – с нажимом произнес Пузатый.

– М-м?

– Во-первых, этот пижон уже дважды звонил, интересовался, не надумал ли ты ехать. Не удивлюсь, если он позвонит среди ночи. Мне это не нравится. Франт слишком кипешует и дергается. Как мышь в мышеловке.

Тимур не ответил. Взгляд его рассеянно скользил по машинам, которые толкались в пробке, словно большие блестящие жуки, посаженные в спичечный коробок.

– Во-вторых, в контракте есть пункт о неразглашении. Ты должен молчать по гроб жизни о том, над чем будешь работать, а также обо всем увиденном или услышанном в лаборатории.

– Думаю, с этим проблем не будет.

– А я думаю, что ты ошибаешься, – отчеканил Пузатый. – И в контракте сказано, что в случае разглашения любой производственной, научной или организационной тайны тебя ждет штраф от 2 до 10 миллионов долларов.

– Ого!

– А позволь тебя спросить, Тимур, у тебя есть два-три-десять миллионов долларов?

– Э-э... Нет.

– Я догадывался. Я несколько дольше тебя кручусь в бизнесе, поэтому должен предостеречь: такая неподъемная сумма штрафа кое-что значит...

– И что же?

– С тобой никто не намерен судиться. Ляпнешь лишнее, тебя сразу уберут.

Тимур сильно ударил по тормозам. «Lacetti», взвизгнув, клюнул носом и замер. Сзади каскадом раздался возмущенный вой целого ряда клаксонов.

– И в-третьих: я просто не хочу, чтобы ты ехал.

– Плохое предчувствие?

Директор презрительно фыркнул:

– Я похож на того, кто полагается на предчувствия?

– Да нет...

– Парень, ты, конечно, первоклассный специалист, но – при всем уважении – ты не стоишь двести тысяч баксов. И если тебе предлагают такие деньги, то они *не за компьютерные коды*. Значит, здесь скрывается что-то другое. Хорошо бы узнать, что именно, прежде чем тебя высадят в чилийской пустыне. Подумай об этом.

XI

– Любимая, я дома! – с порога крикнул Тимур. Голос звучал как у столетнего попугая. Алина, прикрываясь полотенцем, выглянула из ванны. Поблескивали смуглые плечи и мокрые волосы.

– Так рано! – она улыбнулась, подскочила и чмокнула парня в губы. – Мне слышалось или ты вправду назвал меня любимой?

Тимур соорудил придурковатую гримасу.

– Я... э... тут... ну... тут такая подстава нарисовалась...

– Подстава? – Алина хихикнула. – Опять твои программистские словечки!

– Это не...

– Раздевайся, – девушка, придерживая локтями полотенце, расстегивала пуговицы на его рубашке. – Иди в душ, – полотенце сползло, обнажив ее крепкую грудь. – Ужин скоро будет готов.

Обычно такое поведение Алины возбуждало Тимура. В течение их совместной жизни его влечение к Алине только усиливалось. Но в этот раз он почувствовал всего лишь укол тоски под сердцем. Он разулся, обнял девушку и затем, аккуратно отстранившись, проскользнул в комнату.

– Я должен тебе кое-что сказать, – если честно, то говорить он не хотел, хотя и понимал, что разговора не избежать.

Несмотря на напряженность голоса, девушка не восприняла его слова всерьез.

– Мне предложили работу.

– Круто. С повышением? Ты уходишь из «ТТР»?

– Не совсем. Возник один из прежних заказчиков. Он хочет, чтобы я временно поработал на них.

– Без отрыва от работы в «ТТР»?

Тимуру стало жарко.

– С отрывом.

– То есть тебе придется брать отпуск за свой счет?

– Ага.

– И что ты решил?

– Согласился.

– Предложили хорошие условия?

«Бляха, как же ей рассказать?» – парень смог выложить все, кроме главного.

– Да. Хотя есть две особенности, о которых ты должна знать, – Тимур потер пальцами глаза, – которые ты должна понять.

– Что именно? – Алина деревянной лопаткой помешивала на сковороде мясо.

– Во-первых, я так и не знаю, над чем придется работать. Заказчик довольно странный. Но они обещают заплатить двести тысяч долларов. Правда, это в случае удачного завершения проекта.

– А в случае неудачного?

– Тогда всего лишь сто шестьдесят тысяч.

Алина оторвалась от сковороды и пристально взглянула на Тимура. Она была беззаботной, но уж никак не глупой. В некоторые моменты он чувствовал себя рядом с ней полным кретином. Сейчас был как раз такой момент.

– И какая же вторая особенность, которую мне следует знать и понять? – синие глаза следили за каждым мускулом лица Тимура.

Язык у парня задервенел:

– Контракт рассчитан на два месяца, но... компания находится в Чили... и мне надо ехать туда...

Алина поджала губы. Мясо начало подгорать, наполняя горьким ароматом тесную кухню.

– Это то Чили, о котором я подумала? – ледяным голосом уточнила девушка.

– Наверное, да.

– Я правильно поняла: ты *уже* принял предложение и едешь в Южную Америку?

– Да...

Она сделала паузу и переспросила напоследок:

– На два месяца?

Тимур прикусил губу:

– Да. Лечу завтра с утра.

– Ты что, рехнулся? – Алину словно подменили. Ее глаза метали молнии.

– Это только на два месяца.

– На два месяца?! У нас же в сентябре свадьба!

Красные пятна проступили у нее на лице и тонкой шее.

– Я понимаю... – попробовал обороняться Тимур.

– Что ты понимаешь? Как ты мог не посоветоваться со мной?... – вдруг она побледнела. – Ты бросаешь меня?

– Ну, начинается. Не говори глупостей, – махнул рукой Тимур. – Сначала я не хотел ехать. Но подумай сама – это же двести тысяч баксов. Мы сможем купить квартиру.

– Подумать? А ты чем думал? Что я скажу родителям? Что я скажу всем приглашенным? Извините, свадьба отменяется, он уехал на заработки в Чили?! – Девушка сжала кулаки. – Я знала, что так будет... знала... знала...

– Перестань. Перенесем свадьбу на конец октября.

– Я тебе не верю! Ты... ты... Как ты мог?!

Тимур развел руками:

– Ты опять за свое...

– Я не верю! Не верю тебе! В октябре у тебя снова возникнет работа, контракт какой-нибудь. На полмиллиона. И тебя снова как ветром сдует!!!

Алина больше не могла сдерживаться. Швырнув лопатку в раковину, она выскочила из кухни. Тимур за ней не пошел. Решил немного выждать. Пусть все переварит и успокоится. Через час он снова попробует с ней поговорить.

Есть не хотелось, подгоревшее мясо осталось нетронутым. Тимур взял из комнаты свой ноутбук и расположился на кухне. По вечерам он обычно читал новости, смотрел видеоприколы и картинки-демотиваторы. Отдыхал с компьютером от работы за компьютером.

Но едва он раскрыл ноутбук, как в доме, мигнув, пропал свет. Ноутбук мог продержаться еще часа два-три, но роутер без электричества отключился, и доступа к сети не было. Мысленно сетуя на такую подлянку, Тимур закрыл компьютер «Hewlett-Packard», прислонился спиной к стене и, скрестив руки на груди, стал смотреть в темноту.

XII

Все могло сложиться совсем по-другому, и Тимур отказался бы от поездки, если бы в тот вечер в доме 24/9 по улице Вадима Гетьмана не отключили свет. Он бы выбросил из головы обещанные 160 тысяч долларов плюс премиальные, если бы Оскар Штаерман так не спешил с вылетом, и у Тимура был бы дополнительный день на сборы. Он бы послал ко всем чертям «NGF Lab» и ее представителя, если б не задержался утром, собирая дорожную сумку, и пришел на работу заранее, хотя бы за час до того, как за ним приехал Штаерман.

Судьба. Фатум. Карма. Называйте это как хотите. Существовало множество «если бы», из-за которых это путешествие было бы отменено. А суть всех несбывшихся «если бы» состояла в том, что *Тимур проверил бы свою электронную почту*.

Дело в том, что за миг до того, как в жавшихся к Индустриальному мосту стареньких многоэтажках по улице Гетьмана выбило свет, в почтовый ящик электронной почты Тимура Коршака упало письмо от некой Натальи Хорт. Тимур не был с ней знаком. Наталья тоже не была знакома с Тимуром. Более того, им и не суждено было когда-либо встретиться или познакомиться. Но тем не менее письмо было адресовано именно Тимур.

От: Natalie1976

Кому: Tym_the_Botfucker

Тема: Предостережение!

Сколько бы ни предлагали, не соглашайтесь на работу в Чили.

Вы пожалеете. Я УЖЕ пожалела...

Муж Натальи, тридцатипятилетний Вадим Хорт, тоже был программистом. И не менее талантливым, чем Тимур. Некоторое время он работал в Москве в компании «МАЙКОН», которая разрабатывала системы инженерного проектирования (CAD²⁶), зарабатывая сорок тысяч баксов в год. Два года назад уволился и вернулся в Киев, где, ни с кем не посоветовавшись, подписал мутный договор с еще более мутной «General Genetics» и уехал на год куда-то в Южную Америку. О том, куда именно едет и над чем там будет работать, он никому не сказал. Наталья узнала о месте работы мужа только через несколько месяцев после его отъезда.

За время своего годичного отсутствия Вадим не более десяти раз разговаривал с Натальей по скайпу и не чаще раза в неделю посылал жене электронные письма, где писал о чем угодно, но только не о работе. После окончания контракта Хорт прилетел в Киев – бледный, худой, измученный, с лихорадочным блеском в глазах. Он пробыл в Киеве три дня, после чего объяснил Наталье, что проект не окончен и контракт продлен еще на восемь месяцев. После этого дернул назад в Южную Америку.

Со временем Хорт перестал выходить на связь через скайп. Он регулярно переводил жене крупные суммы денег, которые с каждым месяцем становились все больше. Изредка присылал короткие сухие письма, которые с каждым месяцем становились все короче.

Три месяца назад связь с ним прервалась. Деньги тоже больше не приходили.

Спустя какое-то время Вадим позвонил жене по телефону с незнакомого номера и, скрываясь и переходя на срывающийся шепот, попросил не волноваться. Второпях сообщил, что не может долго говорить, что дела в лаборатории идут неважно, случилось ЧП, кое-что вышло из-под контроля, но волноваться не надо, и как только ему позволят, он снова будет ей писать. Наталья, глотая слезы, спросила, почему он не может писать сейчас. Вадим

²⁶ CAD (Computer-aided design, *англ.*) – САПР (системы автоматизированного проектирования).

ответил, что офис отрубили от сети – боятся каких-то вирусов, ситуация нестабильная, и нежелательное влияние извне может ее еще ухудшить.

О вирусах он явно врал. Наталья всегда чувствовала, когда ее муж говорит неправду.

В течение следующих двух недель Наталья Хорт пыталась раз сто дозвониться по номеру, с которого звонил Вадим, но женский голос в трубке каждый раз лепетал по-испански, что такого номера не существует.

Приблизительно месяц назад, 21 июля, измученная ревностью женщина, которая в течение предшествующих четырех недель почти не спала, поскольку в каждом сне ее мужчина представлял перед ней в объятиях трех юных, голых и безумно сексуальных чилиек, наконец-то получила письмо от мужа. Длинное и очень странное. Тревога ее сначала сменилась страхом, а страх затем превратился в жгучую панику. К бессоннице теперь добавилось нервное перевозбуждение. Словно кто-то сыпанул ей за пазуху горячих углей.

*От: Vadym.Hort
Кому: Natalie1976
Тема: Просьба*

Привет, солнышко!

Пишу в спешке – дела не ждут. Есть всего несколько минут. Проблемы почти уладили. Представляю, как это все тебе надоело, но через месяц-полтора меня, наконец, отсюда отпустят. Закончу свой кусок работы, получу премиальные и свалю из этой гребаной пустыни. Не знаю, утешит ли это тебя, но деньги получу приличные. Сможем купить домик где-нибудь в Италии и забыть навсегда заботы о хлебе насущном. Потерпи еще чуть-чуть, любимая! У меня к тебе одна, может, немного странная, просьба. Только не думай о плохом и не задавай лишних вопросов, потом я тебе все расскажу. Просто сделай, как я прошу. Если со мной что-нибудь случится (не волнуйся, я пишу это просто на всякий случай), найди в Киеве Тимура Коршака. Он работает на «TTP Technologies». Фантастически одаренный парень. По-моему, это он спрограммировал мозги ботам из «Сталкера». (Помнишь стрелялку, за которой я засиживался по ночам?) Дело в том, что люди, на которых я работаю, хотят, чтобы он приехал к нам в лабораторию. Они думают, что парень сможет решить проблемы. Я в этом сильно сомневаюсь, но неважно. У меня больше не будет возможности выйти в Интернет, чтобы найти его электронный адрес и написать ему.

Солнышко, очень тебя прошу, если со мной вдруг что-то случится и я вовремя не вернусь в Киев, свяжись с Тимуром Коршаком. Обязательно! Предупреди, чтобы он ни за что не соглашался на эту работу, сколько бы они ему ни предлагали. Ему не стоит никуда ехать из Украины! Так будет лучше...

Скучаю по тебе. Вадим.

Вадим, как всякий настоящий программист, не умел писать жене слезные письма. После его «вдруг-что-то-случится» Наталья три недели глотала валиум и каждый день писала мужу по семь-восемь истеричных мейлов, не получив ответа ни на один.

Целиком поглощенная своей тревогой, Наталья забыла о просьбе мужа. Женщина не собиралась искать Тимура Коршака. Ей не было дела до чужого сопляка, который разрабатывал стрелялки для полупомешанных игроманов, когда ее родной муж, выйдя на связь один раз за месяц, написал такую вот чертовщину.

Но за восемь дней до того, как Тимур с Оскаром Штайерманом должны были вылететь в Чили, 7 августа, Вадим Хорт вернулся в Киев. В цинковом гробу.

Сообщили родственникам – сначала родителям, потом жене. Повезли Наталью в аэропорт Борисполь забирать страшный груз.

Когда гроб привезли в морг, полумертвая от шока и отчаяния Наталья Хорт все же настояла, чтобы обшарпанный ящик, доставленный из Сантьяго-де-Чили сначала в Милан, а потом в Киев, открыли в ее присутствии. Она до последнего не хотела верить, что в гробу ее муж. Должна была убедиться в этом, чтобы знать, кого будет хоронить.

После того как гроб открыли, Наталью двое суток держали под надзором врачей. Едва она приходила в сознание, ее начинала бить нервная дрожь.

В цинковом гробу действительно лежало тело Вадима Хорта. Точнее, то, что от него осталось. Не хватало оторванной выше локтя левой руки. На шее, груди и животе видны были глубокие рваные раны. Левая часть лица также была разорвана: вместо уха торчал кровавый обрубок, левая глазница зияла пустотой, а изрядный кусок кожи от верхней части щеки до виска был выдран с мясом, оголив кости черепа. Вадим Хорт выглядел так, будто попал в лапы крупному хищнику. На лице запечатлелась гримаса глубокого ужаса. Его так и похоронили: никакие манипуляции с мышцами лица не помогли избавиться от ужаса, исходящего от мертвого лица. Мышцы окаменели, красноречиво и в то же время безмолвно свидетельствуя о чем-то страшном, что стало предвестником смерти.

Но была еще одна деталь, которая шокировала Наталью (как и всех остальных, кому не повезло присутствовать при опознании трупа) больше, чем перекошенный от ужаса рот и рваные раны, превратившие тело в кровавое месиво, вместе взятые. Волосы у тридцатипятилетнего Вадима Хорта полностью поседали.

XIII

Пятница, 14 августа, 11:10 (UTC +2)

**Терминал «В» международного аэропорта Борисполь
Украина**

Штаерман переминался с ноги на ногу у эскалатора, демонстративно громко вздыхал и поглядывал на часы. Чуть в стороне от него стояли Тимур и Алина. Тимур смотрел в пол, девушка – в окно на стоянку перед терминалом.

Время шло. Парочка будто и не собиралась прощаться.

У Штаермана кончилось терпение. Он кашлянул и деликатно, но твердо сказал:

– I think we must go²⁷.

Тимур посмотрел на чилийца так, словно видел его впервые.

– It's time²⁸, – чернявый франт проявил настойчивость. Он реально нервничал. Он не мог позволить себе расслабиться, пока Тимур не пройдет паспортный контроль и не окажется в транзитной зоне аэропорта.

– Сейчас-сейчас, Оскар. Еще чуть-чуть, – отмахнулся Тимур и, набравшись смелости, повернул лицо Алины к себе. – Ну, мне пора. Ты тут... это... не...

Щеки у Алины были горячие, словно она только что вернулась с пляжа.

– Я тебя ненавижу, – она посмотрела ему в глаза.

Тимур понимал, что времени на новый виток скандала уже нет. Он взял Алину за талию, притянул к себе и поцеловал в губы. Девушка не сопротивлялась. Ответила на поцелуй, а потом положила голову Тимуру на грудь.

– Я тебя ненавижу, – повторила она, но в голосе уже не было ни капли злости.

– Я знаю. Я – говно.

– Хуже.

Ощущая под тонкой кофточкой ее мягкую грудь, Тимур почувствовал, что начинает заводится. Электрическое возбуждение прокатилось по его телу от живота и до шеи. Через секунду ему стали тесны джинсы.

– И надо было тебе вот так ерепениться! – взъерошивая пальцами душистые волосы, прошептал он на ушко Алине. – Мы не увидимся целых два долбанных месяца, а вчера у нас даже не было секса.

– Секса у тебя не будет еще два месяца после возвращения, – изобразила злость брюнетка. Тимур снисходительно усмехнулся. – Я тебе это обещаю, юноша!

– Ну, это мы еще посмотрим. – Тимур сильнее притянул ее к себе.

– Запомни мои слова! – вспыхнула Алина и больно укусила его за шею.

– Хорошо. Только не сердись. Сразу после прилета я тебе напишу, – Тимур засомневался, сможет ли он выйти в Интернет в аэропорту Сантьяго. – Хотя не знаю. Я постараюсь написать из Сантьяго. Если нет, то сразу, как доберусь до места работы.

– Только попробуй *не* написать!

Штаерман опять кашлянул и положил руку на поручень эскалатора.

– Все, пошел. Я тебя люблю.

– Пока, – Алина послала ему воздушный поцелуй, выдавила из себя улыбку. – Пиши мне, а то я тебе... – и погрозила кулачком.

– Наконец-то, – выдохнул чилиец.

²⁷ Думаю, мы должны идти (англ.).

²⁸ Уже пора (англ.).

Тимур поднимался на эскалаторе, стоя на три ступеньки ниже Штаермана. Проехав половину пути, он обернулся и помахал Алине рукой. Жест получился неуклюжим. Можно сказать, даже дурацким. Алина хихикнула и показала ему язык.

Вряд ли она бы так резвилась, если бы знала, что писем от любимого не будет...

XIV

Пятница, 14 августа, 15:34 (UTC +1)

**Терминал 4 международного аэропорта Барахас
Мадрид, Испания**

Самолет испанской авиакомпании «Iberia» должен был вылететь в Сантьяго-де-Чили в 00:10. Оскар и Тимур пообедали, после чего оставалось только ждать. От нечего делать Тимур включил ноутбук, чтобы попробовать через вай-фай войти в Интернет. Нашел канал без пароля и подключился.

– Эй, амиго! – вдруг обратился к нему Штаерман. После того как в аэропорту Киева они прошли паспортный контроль, чилиец сменил тон и стал вести себя уже не как строгий работодатель, а как рабовладелец. – Побудь здесь. Мне надо подобрать тут еще одного пассажира.

– Кто-то еще летит с нами?

– А ты думал, ты один такой умный?

Тимур вошел на свою страницу на почтовом сервере ukr.net. В папке «Входящие» висело 24 неп прочитанных письма. Большая часть касалась работы. Тимур не стал их читать. В ближайшее время у него будет над чем ломать голову. Зачем тратить время и силы, отвлекаясь на проекты «ТТР Technologies»? Несколько сообщений пришло с Facebook. Он быстро с ними разобрался.

После этого неп прочитанным осталось всего одно письмо. Отправитель – Natalie1976, тема – «Предостережение!».

Что еще за Натали? 1976 скорее всего означает год ее рождения, предположил Тимур. То есть она старше большинства его знакомых и младше всех его начальников. Наверное, это просто спам. Тимур провел пальцем по тачпаду, собираясь открыть письмо. Но тут перед ним возник Оскар Штаерман.

– Вот познакомься, – апатично бросил чилиец по-английски, – это Игорь Емельянов.

Рядом со щеголеватым Штаерманом стоял неряшливо одетый полноватый человек лет сорока.

– *Профессор* Игорь Емельянов, – ядовито уточнил новоприбывший. Нижняя губа презрительно оттопырена, щеки обвисли, как у бульдога, засаленные волосы падают на лоб.

– А это наш программист, – не обращая внимания на поправку, продолжил Штаерман, – Тимур Коршак.

– О, – с лица русского сошло надменное выражение. – О-о, – снова повторил он, дважды передернув кустистыми бровями.

– Вы говорите по-русски? – спросил Тимур, удивленный реакцией профессора.

– А как мне еще говорить? Не на китайском же?

«Еще один псих», – подумал Тимур, а вслух сказал:

– Откуда вы меня знаете?

– Я тебя не знаю. Мы только что познакомились, забыл?

– Тогда почему такая реакция?

– Какая?

– Это ваше «о-о».

– Я видел твою работу.

Тимур насторожился.

– Прошу прощения, – прервал их разговор Штаерман, – должен сообщить, что мне не удалось достать места в бизнес-классе. Я поздно обратился за билетами в «Iberia».

– Хочешь сказать, что мы полетим в эконом-классе? – завелся толстячок, переходя на английский.

– Именно.

– Посмотри на меня! Как ты это представляешь, Штаерман? Я похож на человека, который способен весь этот долбаный перелет тереться локтями о всякую вонючую деревенщину? Я никуда не полечу! Снимай отель. Когда будут нормальные билеты, тогда и полетим.

На скулах у Штаермана заходили желваки. Но он сдержал себя:

– Мы не можем ждать, профессор. Полетим в эконом-классе. Я взял каждому по три соседних места в конце салона. Конечно, это не кровать в бизнес-классе, но можно поспать и никто не будет толкать локтями.

Емельянов подвигал обвисшими щеками:

– Все так серьезно?

Чилиец кивнул несколько раз подряд.

Пока они препирались, Тимур вернулся к непрочитанному письму. Нажал на клавишу, чтобы открыть текст. Однако письмо не открылось, вместо этого появилась главная страница ukr.net. Видимо, пока он разговаривал с русским, связь с сетью прерывалась, и теперь почтовый сервер снова просил ввести логин и пароль.

Тимур терпеливо набрал их. Это заняло еще минуту.

Открыв свою страницу, он снова подвел курсор к заголовку «Предостережение!». Что-то словно звенело у него в ухе, говорило ему: он должен прочесть это письмо.

Но Емельянов как раз закончил разговор со Штаерманом.

– Ладно, – согласился профессор, – летим в эконом-классе, – и плюхнулся в кресло рядом с Тимуром, толкнув парня локтем и чуть не сбросив ноутбук на пол. Тимур мог бы и возмутиться, если бы не последняя фраза профессора. Она направила мысли в другое русло.

– Вы знаете, куда мы летим? – спросил программист.

Емельянов хмыкнул с видом человека, который знает все:

– Мы летим разгрести кучу дерьма, которая образовалась из-за тебя.

– Послушайте, – Тимур обиделся, оторвавшись от экрана, – если пользователь недоволен работой программиста, то не всегда виноват программист. Как я могу нести ответственность за код, который не я компилировал? Вы не имеете права судить о моей компетентности по обрывкам. Неужели не понимаете: невозможно отредактировать программу, которой не существует? Мне заказали только сырой код...

– Ты, похоже, не врубился в ситуацию, – с легкой грустью в голосе перебил его профессор. – Никто не ставит под сомнение твой профессионализм, никто не упрекает тебя. Там, куда мы летим, возникли проблемы. Судя по спешке, с которой мы туда направляемся, проблемы до черта большие. Но дело не в том, что ты дал маху в концепции или настроил дырявый код. Все, что сейчас творится в Атакаме, произошло потому, что ты *слишком хорошо сделал свою сраную работу*. – Русский замолчал, невидящими глазами уставившись прямо перед собой. И повторил: – Слишком хорошо, черт побери.

Профессор снова озадачил Тимура, и парень некоторое время сидел в задумчивости. Пока не услышал длинное «би-и-ип», раздавшееся из динамика ноутбука. Он сигнализировал о том, что заряд батареи снизился до критического уровня. Через секунду экран погас.

Если бы Тимур опустил глаза на экран на минуту раньше и прочел письмо Натальи Хорт, сейчас он бы уже искал нужную стойку, чтобы купить себе билет обратно в Киев. К сожалению, перепалка Штаермана с Емельяновым и слабый сигнал вай-фая помешали ему. Зарядное устройство от ноутбука лежало в сумке, которую он сдал в багаж в Борисполе. Сейчас сумка кочевала между багажными терминалами в недрах Барахаса. Поэтому у Тимура не было никакой возможности подзарядить свой компьютер.

А это было последнее «если бы». Тимур так никогда и не узнает, кто такая Natalie1976 и от чего она хотела его предостеречь.

Прибытие

XV

Суббота, 15 августа, 10:31 (UTC –4)

Международный аэропорт «Артуро Мерино Бенитес»²⁹

Сантьяго-де-Чили

Профессор выковыривал забившуюся меж ягодиц ткань брюк. После четырнадцати часов в самолете (лайнер прибыл вовремя – в 09:35 по чилийскому времени) он выглядел так, будто по рассеянности вышел из дому в неглаженной одежде. Волосы напоминали изрядно потрепанный ураганом стог сена. Чувствовал себя Емельянов соответствующе.

– Ты ему ничего не рассказал? – спросил он Штаермана, когда Тимур отлучился в туалет.

– Как и тебе. Подробности узнаете по прибытии на место.

– Я хоть знаю, куда лечу и что меня ждет. Парень же даже не догадывается, во что его втянули.

– Я не имею права. У него на данный момент всего лишь третий уровень доступа.

Профессор с шумом втянул в себя воздух, словно собираясь плюнуть Штаерману в лицо.

– Кретин, этот парень создал проблему, не побывав на комплексе. Через пару часов у него будет пятый уровень. Ему дали бы и шестой, если бы он существовал. Потому что он один может исправить ситуацию. Может спасти миллиарды ваших сраных инвестиций, пока *они* не перевалили за Анды или не спустились на юг к Сантьяго.

– Что ты хочешь от меня, профессор? Я всего лишь выполняю инструкции Кейтаро.

– Он имеет право знать, Оскар. Эта ваша долбаная конспирация приведет к тому, что, прибыв в лабораторию, он запаникует и откажется работать, – судя по манере речи, было непросто поверить, что у Емельянова есть докторский титул. Но Игорь был одним из тех бесцеремонных чудаков, без которых не обходится ни одно научное сообщество.

– Не откажется.

Тимур вернулся в зал ожидания, и беседа между Емельяновым и Штаерманом оборвалась.

В 12:15 они сели в самолет чилийской компании «LAN», рейс LA 362, и через полтора часа приземлились в Антофагасте.

²⁹ Международный аэропорт «Комодоро Артуро Мерино Бенитес» (известный также как международный аэропорт Сантьяго или же аэропорт Пудуэль) – основной аэропорт чилийской столицы, находящийся неподалеку от местечка Пудуэль.

XVI

Суббота, 15 августа, 14:00 (UTC –4)

Автомобильная стоянка аэропорта «Церро Морено»

Антофагаста, Чили

– Где конвой? – сразу разозлился Штаерман.

Воздух был прохладный – слегка приправленный запахом океана, но сухой. На стоянке их ждал обшарпанный, серый от пыли джип «Тойота-Тундра». Машина еще недавно была совсем новой, но за несколько месяцев езды по пустыне приобрела вид старого корыта. Замасленный капот практически не отблескивал в лучах пустынного солнца.

Штаерман, Емельянов и Тимур вышли с вещами из аэропорта. Навстречу им из кабины пикапа выскользнул невысокий коротко стриженный американец в ярко-красных шортах, желтой майке, кедах и модной, хоть и линялой бейсболке с надписью «Bon Jovi». На вид – ровесник Тимура. Он по очереди пожал прибывшим руки, помог забросить вещи в машину и усадил гостей на задние сиденья.

– Джеффри, а где, черт возьми, конвой? – прорычал ему прямо в ухо Штаерман.

– Я и есть ваш конвой, – тихо ответил Джеффри, подняв зеленые глаза на чилийца.

– Это как понимать?

– Прикрытия не будет, старик, – Джеффри Такер сунул руки в карманы шорт. – Знаешь, что было вчера? – он понизил голос. – *Они* на хрен разодрали ограду.

– Что?!

– Что слышал, чернявый... Боты порвали ее на немецкий крест. В двух местах... Сейчас все на работах.

Штаерман застыл. Очередная порция ворчливых фраз застряла у него в глотке. Лицо побледнело, а глаза забегали, как у сумасшедшего.

– Черт... Не может быть! Внешнюю ограду? А как же сенсоры?

– То-то и оно. Никакие сенсоры не сработали. Позавчера несколько ублюдков остались под одним из холмов. Они копали целый день. Вечером они *уже были* под оградой, именно поэтому ни один сенсор и не сработал. Проклятые выродки! – Джеффри заговорил спокойнее. – Если до вечера периметр не восстановят и не подадут напряжение, похоже, нам уже некуда будет ехать.

– А как же... – забормотал чилиец, – как же мы доедем без конвоя?

– Так же, как я приехал сюда. Будем гнать на всю катушку, чтобы проскочить до темноты. – Джеффри сплюнул. Он боялся не меньше Штаермана, может, даже больше, просто не подавал вида. – Надеюсь, успеем до сумерек.

– А если пробьем шину? А если полетит ходовая? Что тогда?!

Американец достал из кармана и надел черные очки. Ему не хотелось думать о том, что будет, если темнота застанет их в пустыне. Он просто проигнорировал вопрос и задал свой:

– Кто из них программист?

– Младший, – не глядя на Коршака, сказал чилиец. – Его зовут Тимур.

– Я так и думал... Какие странные у них имена: Tumur, Vadim... – Джеффри снова сплюнул и похлопал чилийца. – Ну что, старик, садитесь в машину. Не знаю как, но будем прорываться.

XVII

Они выехали из города и вырулили на Панамериканское шоссе – современную автомагистраль, что длинной серой нитью сшивает весь континент. Джефф повел «тойоту» на северо-восток. Несмотря на обшарпанный вид, машина рычала как зверь и исправно намазывала на колеса километры.

Вскоре океан пропал из виду. За окнами потянулся однообразный ландшафт: до сланцевых гор центральной Атакамы было еще далеко, а сине-черные отроги Анд отсюда были не видны. Это была Мертвая Земля: ни растений, ни перепадов высот, ни даже песка – сухая безжизненная пустошь.

Через сорок минут они проехали замерший городок Бекедано. Тимур заснул...

В 14:35, не доехав нескольких километров до Кармен-Альто, Джеффри притормозил, прижался к правой бровке и начал что-то выглядывать справа от шоссе. Найдя слабо накатанный съезд, американец крутанул руль и скатился с магистрали. Из-под капота вдаль уходила еле заметная колея. Она убегала на восток, в пустыню, и исчезала в дрожащем мареве, которое толстой линией разделяло плоскую серость Атакамы и непостижимо далекие склоны Анд.

Через минуту Штаерман забарабанил ладонями по панели кабины:

– Стой, Джеффри! Тормози!

Джип еще не остановился полностью, а он уже выскочил из машины. Потом встал перед капотом, загородив дорогу, – бледный, испуганный, без пиджака, рубашка на груди и под мышками потемнела от пота.

– Джеффри, я боюсь! – хрипло выдохнул чилиец. – У меня дети! Я хочу еще пожить!

Джеффри открыл дверцу и опустил ноги на песок. Перед тем как выйти из машины, американец окинул взглядом пустыню. Местность казалась безопасной.

– Я тебя понимаю, старик. Но не надо истерик. Я тоже на грани. Чувствую, вот-вот обмочу штаны. А в мокрых штанах далеко не уедешь.

– Я дальше не поеду, – решительно заявил Штаерман. – Давай позвоним Виллу. Спутниковый телефон с тобой? Вилл не подчиняется Джепу³⁰, может, он поймет и...

– Телефон со мной, старик, просто... Вильяма нет...

Он захлопнул дверь, и остальные слова в салоне слышны не были. Однако услышанного оказалось достаточно, чтобы Емельянов нахмурился и беспокойно заерзал на сиденье.

– Америкос сделал ноги? Не может быть! – продолжал Штаерман. – Где он? Этот сукин сын не мог просто так бросить все!

– Кейтаро просил тебе не говорить, – потупился Джеффри.

– *Что* не говорить?

– Вчера боты взяли Вилла и одного из негритосов Рино...

Оскар не понял:

– Как это «взяли»?

– Забрали с собой.

– Что-о?!

– Мы поняли, что они подкопали столбы, но разве можно было догадаться, что сразу в двух местах? Бросились перекрывать прорыв напротив главного входа в жилой блок, а они ворвались в гаражи в первом инженерном. Кейтаро приказал отступать, мы заблокировали

³⁰ «Джеп» (англ. сленг. жар, от Japanese – японец) – американское сленговое прозвище японцев с легким пренебрежительным оттенком.

«DW»-здание, а Вилл и тот наемник, они не успели, понимаешь? Боты схватили их и потащили в пустыню.

Штаерман сглотнул слюну:

– И вы ничего не сделали?

– А что мы могли сделать, мать твою?! – рявкнул Джеффри. Впервые за сегодняшний день он потерял самообладание. – Все наложили в штаны. Даже Рино сидел тихо, как мышка. За три дня мы ни разу не попали *ни в одного*. Ни в одного! Ты понял? Я бы лучше пустил себе пулю в лоб, чем вышел тогда наружу.

– Боты убили их? – Штаермана передернуло.

– Нет.

– Нет?

– По крайней мере, не сразу. Когда их волокли, они были живые. А там не знаю...

– Для чего они им? Что они собираются с ними делать?

– Об этом пусть нам скажет украинец, – Джеффри мотнул головой в сторону заднего сидения «Тойоты-Тундры». – Я тебе и так уже сказал больше, чем был должен. Но это еще не все.

Штаерман прикусил губу.

– Напряжения на периметре не было, мы сидели в «DW», как обезьяны в клетке, а эти недомерки раздербанили склад.

– Чтоб я сдох! – прошипел Штаерман.

– Сегодня у тебя есть все шансы, – процедил Джефф. – потому что у них теперь полно боеприпасов и дюжина пятисотых «моссбергов»³¹.

– Ты шутишь.

– Не шучу. У них теперь огнестрельное оружие.

– А гормон?!

– Расслабься. Не все так плохо. Кейтаро после твоего отъезда велел перенести бутылки с альдостероном в жилой корпус. Стероиды пока у нас.

Оба замолчали. По шоссе за их спинами время от времени проносились автомобили, но звук моторов заглушался свистом дующего по пустыне ветра.

– Знаешь, – сказал Джеффри, – я не горю желанием нестись с неприкрытой задницей через Атакаму, рискуя нарваться на их стаю. Но у нас там восемь поваленных столбов... – Джефф вздохнул: – Старик, я не хочу притащиться на базу и понять, что мы остались с ними один на один. У нас тогда будет веселая ночка. Мы должны проскочить.

– Нет... нет... нет... Теперь я уж точно никуда не поеду, – в глазах у Штаермана появилось отчаянное упрямство.

Американец саркастически фыркнул и сплюнул:

– Джеб был прав. Не надо было тебе говорить.

– Иди к черту! Я звоню японцу. Дай мне телефон.

Джеффри пожал плечами:

– Как знаешь. Кейтаро в последнее время не в настроении.

– А то я не догадываюсь. Давай телефон.

Джеффри открыл дверь машины, достал спутниковый телефон «Thuraya Hughes» и бросил Штаерману. Тот поймал аппарат и без промедления набрал номер.

– Кейтаро, это Оскар, – напрягшись, начал чилиец. – Нет, у нас все в порядке. Пока что. Просто хочу поговорить... Мы в пустыне неподалеку от Панамериканы... Я не хотел вас беспокоить... Кейтаро, не горячитесь! – Штаерман начал вскипать. – Я все знаю, Джеффри

³¹ Mossberg 500 – один из наиболее распространенных в мире многозарядных дробовиков с перезарядкой за счет движения цевья.

мне рассказал... Поймите, если по дороге что-нибудь случится с украинцем... Да, мы можем проскочить, но я не поеду дальше. Я отказываюсь. Вот так просто: не сдвинусь с места... Вы же обещали конвой... Не кричите на меня. Бог с ней, с моей задницей, но неужели вы готовы рискнуть программистом?

Разговор в такой манере продолжался еще минут пять. Штаерман говорил все меньше, преимущественно кивал. Наконец, он оторвал трубку от уха.

– Ну что? – спросил Джеффри.

– Он пришлет две машины, – кисло буркнул чилиец. – Приедут в течение двух часов.

– А ограда?

Оскар пожал плечами:

– Все равно бы не успели до темноты.

Наискосок через пустыню от гор к океану текли струи сухого до скрипа воздуха – низкий звук напоминал далекий рев самолета.

XVIII

Суббота, 15 августа, 16:26 (UTC –4)

23°21'30" ю. ш. 69°48'06" з. д.

Пустыня Атакама

Сначала появились два столба пыли. Словно хвосты комет, наискосок тянулись они в безоблачном небе. Легкий ветерок рвал их на части и волок за собой к северу. Колонны пыли с каждой минутой становились все более четкими.

Немного погода из дрожащего марева, ревя двигателями, размалывая на куски мелкие камни, вырвались два огромных внедорожника. Издали черные машины напоминали немецкие «Volkswagen Tuareg».

– Едут! – объявил Джеффри.

Тимур потянулся и зевнул. Быстрый сон не принес облегчения. В Киеве сейчас было пол-одиннадцатого вечера, организм требовал полноценного отдыха.

Штаерман вышел чуть вперед и ждал, уперев руки в бока. От его пижонского вида не осталось и следа. Одна штанина была разорванной, рубашка затвердела от высохшего пота, и ветер трепал ее, как перепачканный парус испанского галеона.

Он обернулся и крикнул Джеффри:

– Ты видишь?

– Что там?

– Рино Хедхантер собственной персоной.

– Не может быть! – обрадовался Джеффри.

Автомобили остановились. Это действительно были «туареги», только не «паркетники», предназначенные для дефиле по городу, а настоящие вездеходы в комплектации для бездорожья «Terrain Tech» – с навесными металлическим бамперами и защитными сетками на передних окнах. На задние же борта и дверцы были наварены стальные листы, они полностью закрывали окна. Окна в передних дверцах тоже на две трети закрывала сталь, остальную часть – сетка. Из-за этого элегантный джип от «Фольксваген» выглядел как нечто среднее между «А7V» – немецким неповоротливым танком времен Первой мировой войны – и армейским вездеходом «Humvee»³², прототипом ненасытного гражданского пожирателя топлива «Hummer».

Как только «танкомобили» остановились, из них выскочили восемь вооруженных до зубов мужчин. Шестеро были крепкими невысокими неграми – черными, как уголь-антрацит. Седьмой выглядел как типичный японец – невысокий, худощавый, с плоским лицом, раскосыми глазами и прямыми рыжеватыми собранными в хвост волосами.

Возглавлял команду двухметровый, весь покрытый выпуклыми бугристыми мышцами верзила с обветренным угловатым лицом, черными волосами, торчащими в разные стороны, и маленькими кабаньими глазками. От середины его левой щеки к подбородку шел глубокий шрам.

– Привет, трусло! – не вынимая сигареты изо рта, амбал помахал рукой. – Ждете, пока мамочка заберет вас из детского сада, да? – Он расхохотался. – На сколько же вы отъехали от шоссе? Метров на восемьсот? На целый километр? Вот это да! Вы просто мегакрутые перцы!

³² HMMWV (сокр. от англ. High Mobility Multipurpose Wheeled Vehicle – «высокомобильное многоцелевое колесное транспортное средство», больше известный как «Humvee», «Хамви») – американский армейский вездеход повышенной проходимости, стоящий на вооружении во многих странах мира. На его основе «General Motors» разработала гражданский внедорожник «Hummer».

– Привет! – взмахнул рукой Джефф.

Штаерман пожал загорелому богатырю руку. Потом обменялся рукопожатием с японцем. Тимур с профессором заинтересованно разглядывали вооруженный конвой.

– Кто это? – тихо спросил Емельянов у Джеффри. Из всех приехавших он знал только японца Кацуру Такеда, который был правой рукой Джепа.

– Амбал – это Рино Хедхантер, – охотно пояснил американец. – Начальник службы безопасности.

– Начальник чего? – удивился Емельянов.

– Службы безопасности.

– Я тебя правильно понял: он – Хедхантер? Охотник за головами?

– Ага.

– Это его настоящая фамилия³³?

– По крайней мере, так он себя называет. Паспорт я у него не проверял.

В Африке амбала называли Рино «Охотник-за-Головами», реже – Рино Годзила. Фамилии его никто не знал. Он был прожженным авантюристом и искателем приключений. Во время гражданской войны в Анголе поставлял оружие для УНИТА³⁴, торговал слоновой костью, наркотиками и людьми. В 2002-м по окончании войны в Анголе оказался безработным. Попробовал податься в нефтяной бизнес, но его оттуда быстро вышибли. После этого он набрал гоп-стоп-команду и официально зарегистрировал ее как охранную службу. Рино был гражданином Южно-Африканской Республики, немецкий же акцент, о котором Рино ужасно не любил говорить и в душе глубоко ненавидел, свидетельствовал о том, что предками его были немецкие колонисты из Намибии³⁵. Хедхантер производил впечатление нервного бугая, способного мгновенно перейти от шуток и смеха к состоянию звериной ярости.

– А откуда столько чернокожих?

– Это ватага Хантера – наемники из Африки. Четверо из племени гереро³⁶ – Фрэнки, Джеро, Ти-Джей и... блин, забыл, как зовут четвертого, и двое овамбо³⁷ – Нахас и Ндонга. Еще двое гереро, Сэм и Готто, остались в лаборатории. Был еще Том, но... его больше нет.

– Гм... – Емельянов догадался, что овамбо и гереро – это названия племен или народностей, и не стал переспрашивать. – И как давно Джеп нанял эту гориллу и всю его стаю «блэков»?

– Две недели назад. Как только все пошло кувырком. Одновременно Кейтаро отправил по домам большую часть персонала, – Джеффри сделал паузу, раздумывая, стоит ли договаривать. – ...Всех, кто не догадался, что «малыши» сбежали.

– Значит, они все-таки сбежали?

– Вы не знали?

– Оскар не сказал. Хотя я чувствовал. А почему он не нанял местных?

– Вилл Ноланд был против. У местных есть родственники, им есть куда бежать, есть с кем потрепать языком... Вилл очень боится... то есть боялся огласки.

– Я не удивлен. Сам бы на его месте боялся.

³³ Хедхантер (англ. Headhunter) – охотник за головами.

³⁴ UNITA (порт. União Nacional para a Independência Total de Angola – Национальный союз за полную независимость Анголы) – повстанческое движение в годы гражданской войны в Анголе (1975 – 2002). После 2002 года – вторая по величине политическая партия Анголы.

³⁵ В конце XIX века побережье Намибии было заселено немецкими колонистами. Они создали колонию под названием Немецкая Юго-Западная Африка. До настоящего времени сохранились поселения, имеющие типично «немецкий» вид. Их жители говорят по-немецки, хотя официальным языком Намибии является английский.

³⁶ Гереро – народ, проживающий в Намибии, а также в Анголе и Ботсване, 240 тыс. человек. Другое название – мбанду.

³⁷ Овамбо – народ в Южной Африке. Численность – около 900 тысяч, 750 тысяч из которых проживают в Намибии (представляя собой крупнейшую этническую группу этой страны). Остальные живут на юге Анголы.

Тимур тем временем приглядывался к наемникам. Он отметил две странные детали. Во-первых, африканцы были вооружены исключительно дробовиками. Тимур был хорошо знаком с этой моделью – пятизарядный американский «Remington 1100». В одной из ранних игр, выпущенных «ТТР Technologies», с такими бегали его боты. Судя по коротким стволам, это был боевой, а не охотничий вариант. Такое ружье славится колоссальной площадью поражения и разрывной силой, но эффективно только на коротких расстояниях – до пятидесяти метров. То есть в ближнем бою. В пустыне логичней было бы использовать дальнобойное оружие с оптическим прицелом.

«Ремингтон 1100»

Во-вторых, Тимуру не понравились джипы. На их боках из-под листов брони проглядывал цветной логотип с надписью «NGF LAB» – голова киборга в шлеме: правая половина лица – человеческая, левая – с красным неоновым глазом – сложена из микросхем. Рисунок был нереальным, каким-то детским, что ли, хотя встревожило программиста не это. Логотип располагался *под* броней. Напрашивался очевидный вывод, что «туареги» поначалу ездили без стального панциря, а потом произошло нечто, заставившее на скорую руку переделать автомобили в бронетранспортеры.

Тимур впервые за время путешествия почувствовал, как по спине пробежал холодок беспокойства.

– Что тут происходит, объяснит мне кто-нибудь? – спросил он. – Восстание племен в пустыне или Андах? К чему этот антураж?

Пока Джеффри думал, что ответить, Хедхантер закончил разговор со Штаерманом и заорал:

– По машинам, дамы! Карета подана, мои щеночки! – Его голос, как взрывная волна, раскатился по пустыне. – Украинец со мной. Русский с Кацуро. Моя машина едет первой, за мной – Джефф, замыкает колонну Кацуро. Дистанция – пятьдесят метров, ни больше ни меньше! – Рино сделал паузу, чтобы набрать в грудь воздуха и добавил металла в голос: – И не забывайте – после наступления темноты каждый сам за себя. Если кто-то отстал, влетел в яму, сломал ось, сжег двигатель – остальные не останавливаясь катят на базу.

Тимура усадили на заднее сидение между двумя африканцами. Рино повернулся к нему и по-дружески подмигнул. Получилось не очень искренне.

– Как самочувствие, фелла³⁸?

– Спасибо, отлично, – соврал Тимур. – Только спать хочется. Великан оскалился и прохрипел:

– Я – Рино Хедхантер. Добро пожаловать в Атакаму! Мы уже тебя ждали.

Мотор взревел, за окном эхом отозвались двигатели двух других джипов. Через мгновение автомобили вереницей мчались в сторону гор, оставляя океан, солнце и цивилизацию далеко на западе.

До сумерек оставалось чуть больше часа.

³⁸ Fella (сленговая форма от fellow, *англ.*) – дружище, приятель, чувак.

XIX

Суббота, 15 августа, 17:07 (UTC –4)

Пустыня Атакама

Несколько подростков, пригнувшись, крались по ложбине. Двигались бесшумно. Если и обменивались информацией, то только при помощи взглядов. Тела их были покрыты грязью, что делало всех еще более похожими друг на друга. Хотя и так все были на одно лицо, словно нарисованные под копирку герои комиксов.

Передвигались странно, стараясь поменьше находиться под прямыми солнечными лучами. Даже вялое зимнее солнце, клонившееся к закату, раздражало их. После вынужденных перебежек по открытым освещенным участкам дети некоторое время отдыхали в тени под одиночными скалами.

Молчали.

Добравшись до узкой расщелины, мальчики тщательно обследовали дно. По-собачьи все обнюхали и полезли на склон. Они не понимали, что делают. Или, скорее, не понимали, что все делают *правильно*.

Дважды за последние сутки по этому ущелью проезжали машины. И дважды возвращались обратно на восток. Час назад новые машины проехали на запад – с вооруженными людьми из лаборатории. Мальчики не понимали, что происходит. Они были не способны на понимание как процесс. Но их научили *анализировать*. Поэтому они вполне закономерно предположили, что третий конвой будет ехать назад по той же долине.

Светловолосые мальчуганы легко взобрались на вершину невысокого хребта, упиравшегося в ложбину с юга. Рассыпались и затаились, словно дождевая вода, заполнив неровности рельефа. Солнце пекло их ничем не защищенные головы, но они терпели, зная, что скоро оно зайдет.

Лежали и ждали.

Пустыня погружалась во тьму.

XX

Суббота, 15 августа, 17:52 (UTC –4)

23°16'28" ю. ш. 69°03'49" з. д.

Пустыня Атакама

Впереди, прокладывая дорогу, мчался закованный в сталь «туарег» Хедхантера с Тимуром на борту. За ними тряслась «Тойота-Тундра» с Оскаром Штаерманом и Джеффри Таке-ром. Замыкал кавалькаду второй «фольксваген», в котором под охраной троих африканцев и японца ехал русский профессор Игорь Емельянов.

Огромный, оплывший по краям солнечный диск спускался к горизонту. Солнце било в спину каравану, хорошо освещая дорогу. Правда, это ненадолго. Через каких-то десять минут с востока набежит тьма и заставит их сбавить скорость.

Неожиданно протяжно заскулил автомобильный гудок.

Тимур оглянулся, сквозь полузакрытое листовое стекло увидел «тойоту». Джеффри, яростно сигналив, сокращал дистанцию с головным автомобилем.

– Начинается, – бесцветно процедил Рино.

– Притормозить? – спросил африканец-водитель Джеро.

– Нет, лучше развернись. Объезжай полукругом, не приближаясь. Джеро, который среди всех чернокожих имел наиболее воинственный вид, кивнул:

– Хорошо, босс, – и повернул руль влево.

Увидев, что флагманский автомобиль совершает плавный разворот, Джефф перестал сигналить, остановил машину и вышел наружу. Американец махал руками, подзывая к себе. Его ядовито-красные шорты и желтая майка надувались и трепетали на ветру.

– Босс, – негромко окликнул Джеро.

Он вел мишину к американцу, но смотрел в сторону.

– Да, фелла.

– Не вижу машины молодого японца.

Мигом головы повернулись туда, где сейчас должен был находиться третий внедорожник. Автомобиля не было.

Тридцать секунд назад колонна пронеслась сквозь узкое дугообразное ущелье, на южном краю которого ступеньками поднимался вверх горный кряж, а на северном – мрачно серели песчаные дюны. Несколько известковых скал, издали напоминавших колокольни, с трудом сдерживали натиск песка. Из просвета между кряжем и пятиметровым барханом выходили параллельные следы от шин. Оттуда только что выехал экипаж Хедхантера, за ним – «Тойота-Тундра». Второй «туарег» так и не появился.

После разворота Рино поднял руку, приказывая остановиться. Он подождал несколько секунд, надеясь, что Такеда просто отстал. Напрасно. Потом скороговоркой приказал:

– Подъедешь к Джеффри и остановишься. Двигатель не выключаешь.

Через несколько секунд «туарег» затормозил на расстоянии полутора метров от «тойоты». Джеффри подошел к «туарегу».

– У Кацуро спустило колесо, – взволнованно сообщил американец, – я сам видел. – Слова звучали умоляюще и жалобно, Тимур даже поморщился.

Рино, не открывая дверцу, внимательно осматривал окружающий ландшафт. Размерно и терпеливо водил глазами туда и обратно.

– Они вон там, за этим кряжем, – продолжал Джеффри, тыча рукой себе за спину. – Мы немного отъехали от них, потому что пока я начал сигналить, а потом еще... ну, ты не хотел остано... – Мужчина замолчал, наткнувшись на яростный взгляд маленьких круглых глаз.

– Джип опрокинулся? – Рино вставил сигарету в рот, но не прикурил.

– Нет.

– Застрял?

– Нет... То есть я думаю, что нет.

– Кто разрешил остановиться?

– Рино, не дури, – вмешался Штаерман, высунувшись из «тойоты». Правда, в голосе чилийца тоже не ощущалось большой уверенности.

– Вы нарушили приказ!

– До захода солнца еще несколько минут, – парировал Джеффри.

Вдруг в салоне «туарега», крикнув, ожил радиотелефон.

– Рино... Рино... это Ндонга, – скрипучий голос водителя замыкающей машины смешивался с помехами. – Прием.

Джеро подал рацию Хедхантеру.

– Донги, я тебя слушаю, – взглядываясь в верхушку каменной гряды, ответил Рино. – Что у вас случилось?

– Пробили шину. Откуда-то свалились камни. Похоже на обвал. Мы меняем колесо. Езжайте дальше без нас.

– Мы с Джеффом остановились неподалеку от выезда из расщелины, – жуя губами незакуренную сигарету, сказал Рино.

– Вот как? – Ндонга не смог скрыть удивления. – Не сто́ит, босс. Ситуация под контролем, джип на твердом грунте. Через несколько минут мы двинемся вам вдогонку.

Хедхантер продолжал взглядываться в гряду, едва не упираясь носом в лобовое стекло. Идеальное место для засады. Там, наверху, можно спрятать целую роту, о чем снизу, из пустыни, никто и не догадается. Он, правда, не верил, что боты настолько разумны, чтобы организовать засаду. Во всяком случае надеялся на это.

Рино поднес рацию к губам:

– Фелла, – сказал он, – у вас три минуты. Мы ждем. – Рино прикоснулся рукой к Джеро и показал ему на расщелину между дюнами и кряжем. Водитель кивнул и направил машину к месту, где колесная колея отделялась от кряжа. «Тойота» последовала за ними.

У выезда из ущелья, где внедорожники остановились, пески заканчивались, а скалистый выступ тянулся дальше. Над машинами нависала гряда скал, которая, как хвост крокодила, тянулась дальше на юг и постепенно снижалась, погружаясь под землю.

– Вон они!

Тимур увидел второй «туарег». Тот застыл в ста метрах от выезда из ущелья и всего в паре метров от каменной гряды, в самом узком месте, где почти вплотную к обрыву подступало несколько известковых скал причудливой формы. Внизу едва мог протиснуться один автомобиль.

Машина японца стояла на домкрате. Около переднего правого колеса возились двое африканцев – Фрэнки и Нахас. Ндонга, держа наготове черный «ремингтон», не сводил глаз с кряжа. Кацуро с дробовиком в руках прикрывал тыл. На заднем сидении Тимур разглядел фигуру Емельянова.

Работа шла в полной тишине. Низкое солнце заливало все вокруг своим янтарем, окрашивая скалы цветом воска, и от людей тянулись по земле длинные, похожие на скелеты, тени. Сумерки с дьявольским наслаждением пожирали жалкие остатки дневного света.

Но вот запаска уже была установлена. Новое колесо закрутилось на месте. Фрэнки, молодой энергичный парень, единственный гереро в машине японца, старательно закручивал болты. Вот он уже опускает домкрат... Скоро, уже совсем скоро они поедут дальше...

И как раз в этот момент...

– Босс, – подал голос наемник, сидевший справа от Тимура.

– Чего тебе? – буркнул Рино, выбросив так и не зажженную сигарету изо рта.

– Мне нужно отлить.

Джеро хихикнул. Хедхантер нахмурился, сжав морщины на лбу в тугой сноп.

– Нашел время, обезьяна...

– Босс, я уже не могу терпеть.

Рино нервничал. Из-за стремительных сумерек, летевших с гор быстрее ветра, из-за непредвиденной задержки, а теперь вот из-за этого доморощенного вояки. Ему ужас как хотелось развернуться и парой ударов отправить парня в нокаут. Чего Хедхантеру не хотелось, так это нюхать аромат мочи весь остаток дороги.

– Не выходи из машины. Открой дверь, выставь свой пиптик наружу и делай свои дела.

– Спасибо, босс.

– Быстро, болван.

Открыв дверь, африканец спустил ноги на песок. Встал спиной к машине и, придерживая локтем дверцу, начал справлять нужду. Под струей зашипел песок.

Тем временем суэта возле «туарега» стихла. Фрэнки и Нахас забросили инструменты в багажник, Ндонга занял шоферское место, а Кацуро уселся на переднее пассажирское сидение. В этот момент никто из них не следил за скалистой грядой, черневшей на фоне вечернего неба. Никто не контролировал и пространство позади машины. И только Тимур вдруг увидел, как что-то мелькнуло среди скал. Позади «туарега», в том самом узком перешейке нечеткий силуэт метнулся от серых дюн в темноту у подножья ступенчатого края.

– Вы видели?! – выпалил Тимур.

– Что? – хором отозвались его соседи по машине.

– Там кто-то есть!

Дружно клацнули затворы.

– Ты уверен? – переспросил Рино. Гереро, зажатый между дверцей и бортом джипа, прекратил мочиться. Шорох песка стих.

– Клянусь, что-то промелькнуло позади машины с Емельяновым, – прошептал украинец.

Никто не шевелился. Было слышно, как протяжно завывает ветер над плоскогорьем.

Но тут в это флегматичное завывание вплелся новый звук. Тихий, поначалу далекий свист быстро нарастал – свист воздуха, рассекаемого летящим с огромной скоростью предметом.

Не успел Тимур об этом подумать, как тяжелый обломок скалы попал в голову африканцу, стоявшему у дверцы с расстегнутой ширинкой. От удара голову бедолаги отбросило назад. Он дико завизжал. Лицо превратилось в огромную рану – левая скула проломлена, глаз вконец расплюсчен, сквозь кожу торчат обломки зубов.

– Что за фигня?! Что за фигня?! – перепуганный Тимур закричал по-русски. Затем, действуя чисто инстинктивно, схватил раненого и потянул в салон.

Сзади в расщелине загрохотало, кто-то кричал, залаяли «ремингтоны». По их джипу застучали камни. Взревел двигатель – Джеро завел машину и рванул вперед.

Тимур едва удерживал африканца. Поймав гереро, он прижал его к креслу, но затащить его полностью в салон не смог. Украинец отчаянно цеплялся за одежду. Рубашка наемника смялась под мышками и выскальзывала из рук. Дверь осталась незакрытой.

– Выбрось этот мешок с дерьмом! – заревел, обернувшись, Рино. – Вытолкни на хрен негритоса!

Ноги раненого волочились по земле.

– Нет! – отказался Тимур.

Однако негр выскальзывал у него из рук. Джип мчался слишком быстро. Его рубашка, за которую уцепился Тимур, трещала и рвалась. Еще мгновение – и чернокожий вывалится в пустыню.

Тимур почти сдался. Но тут Джеро притормозил перед преградившей путь впадиной, которую невозможно было объехать на скорости. Воспользовавшись этим, Тимур рывком втащил африканца внутрь и захлопнул дверцу. Обернулся. «Тойота-Тундра» ехала за ними, а второй «туарег» так пока и остался под скалами.

– Кто на нас напал?! – закричал Тимур. – Рино, что, черт возьми, происходит?

– Это все твои детки, фелла. Проклятые белобрысые ублюдки.

– Кто? – вытаращил глаза Тимур.

Хедхантер повел бровями и не ответил. Джип то и дело перелетал через ямы. Тимур, словно во время аварийной посадки самолета, прижимал колени к груди и клацал зубами. И одновременно терялся в догадках, кто из них – он или предводитель наемников – сошел с ума.

Последний пучок оранжевых лучей скользнул за горизонт. С востока, от гор, наплывала тяжелая вязкая тьма.

XXI

«Тойота-Тундра» подскакивала на кочках рядом, справа от «фольксвагена».

– Дебил! – высунувшись из той части окна, которую не закрывала броня, рывкнул Рино. – Какого хрена моргаешь нам в задницу? – полутораминутное мигание фарами со стороны «тойоты» взбесило его.

Джеффри что-то закричал в ответ.

– Что ты пишишь? – заорал Хедхантер, перекрикивая рев мотора. – Я ничего не слышу!

Джеффри выставил голову из окна и снова что-то прокричал. Но слова опять растворились в воздушном потоке между машинами. Но в этот раз Джеффри догадался высунуть из окна руку и показать большим пальцем куда-то назад.

Тимур оглянулся – вдали, на расстоянии нескольких сотен метров, аритмично подпрыгивали два ярких пятна. Программист моментально все понял. Толкнул амбала в плечо:

– Там автомобиль. Рино, за нами кто-то едет.

Рино повернул голову.

– Fucking hell! – выругался великан. – Это наш «туарег».

– Они выскользнули, – то ли спросил, то ли порадовался за третий экипаж Тимур. А потом его голос зазвенел тревогой: – Ведь они правда оторвались?

– Это еще неизвестно, – Рино и Джеро переглянулись. – Думаешь, боты?

– Я не знаю, Рино. – Джеро пожал плечами.

– Кто в этой машине? Какие еще боты? – взвился Тимур. – Что вы несете?

– Заткнись, фелла! – отрезал Рино.

Дорога становилась все более опасной. Попадались сланцевые глыбы: некоторые с грохотом разбивались о приваренные бамперы, каменными брызгами разрывая темноту, другие приходилось объезжать, рискуя влететь в неконтролируемый занос. Скалы стали выше. Над серо-желтой землей поднимались обгрызенные ветром, похожие на термитники островерхие конусы. В любой момент джип мог налететь на препятствие и перевернуться или просто разлететься на осколки, но Джеро не сбавлял скорость.

Внезапно Тимур увидел впереди огни. Сначала появились разноцветные пятнышки, потом между ними протянулись горизонтальные полосы холодного синего света. Тимур догадался, что эти полосы – длинные низкие окна. Друг за другом из темноты возникали очертания мрачных, похожих на огромные коробки построек.

– Ти-Джей, дай мне рацию! – скомандовал Хедхантер. Вообще-то гереро слева от Тимура на языке его племени звали Тжамуаха, но Хедхантер предупредил парня, что пристрелит его, если тот еще хоть раз попросит называть себя полным именем. С тех пор Тжамуаху стали называть сокращенно, по первым буквам имени – TJ.

Щуплый гереро слева от Тимура вздрогнул, нагнулся и, покопавшись, достал из-под сидения рацию. Поспешно, будто она была раскалена докрасна, передал ее боссу.

Хедхантер взял трубку радиотелефона и отчеканил:

– Ндонго, говорит Рино. Ты слышишь меня?.. – Молчание. – Козел, это *твоя машина у меня на хвосте*?

Ответа не было. Воздух наливался свинцом, неумолимо превращаясь в мрак. Рино встряхнул рацию, нажал кнопку и пробасил еще раз:

– Повторяю, это Рино! – Пауза. В ответ тишина. – Донги, сукин сын, у вас все в порядке? Немедленно ответь!

Глухой скрежет и ни единого звука, похожего на человеческий голос. Хедхантер шумно выдохнул воздух и заговорил с явным раздражением:

– Ндонго! Фрэнки! Вы меня слышите? Прием! Если вы меня разыгрываете, черные ублюдки, то по возвращении на базу вам мало не покажется. Как поняли?

Но ни Ндонго, ни Фрэнки никого не разыгрывали.

– Может, они потеряли рацию, – пробубнил Джеро.

– А может, это уже не они, – закончил фразу Рино.

Преследователи наступали на пятки. Джеро выжимал из машины все, на что она была способна, но оторваться не мог. Хедхантер не выпускал из рук залапанную военную рацию. Теперь он вызывал «NGF Lab». Сквозь помехи сначала донеслось равномерное шипение, затем динамик отозвался прерывистым голосом:

– Рино, мы т'бя сл'шим. Г'вори.

– Кто это?

– Эт' Ральф Доэрнберг.

– Ральф, нас атаковали. Возможно, мы потеряли машину Такеды со всеми, кто там был... Ты слышишь, Ральф?

– Что зн'чит «возможно»?

– То, что я в этом не уверен. «Туарег» несется за нами, но мы не знаем, кто в нем. У меня один раненый.

– Понятно, – прохрипела рация, и тут Ральф как будто проснулся: – Они гонятся за вами? Вот черт! Тимур Коршак жив?

– Да, украинец с нами. Как у вас?

– Если ты о ботах, то они не появлялись. Но периметр по-прежнему без напряжения.

– Мне нужно, чтоб вы нас встретили.

– Понял.

– Собери всех, кто может держать оружие и не упадет в обморок от звуков собственных выстрелов, к западной стене корпуса «EN-1». Мы подъедем к четвертым воротам. Вытаскивайте парня, а я попытаюсь задержать тех, кто движется за нами... Кем бы они ни были...

– Будет сделано, Рино, – выплюнул динамик и заглох.

– Объясните мне, что в конце концов происходит? – злился Тимур. – Что это за здания впереди? Почему все так озабочены моей персоной?

Хедхантер повернулся к программисту:

– Слушай меня внимательно. От этого будет зависеть твоя жизнь. И не только твоя. Мы подъедем к корпусу с правой стороны. В стене будет железная дверь. Сразу выскакивай из машины и рви к ней. Не оборачивайся, не останавливайся, что бы ни происходило у тебя за спиной. Понял?

Великан говорил тяжелым сиплым голосом, и Тимур понял, что сейчас не до расспросов, утвердительно кивнул.

– За дверью тебя ждут. Они все объяснят.

Первое бетонное сооружение было уже рядом. За ним виднелись и другие. На некотором расстоянии от стен зданий, повторяя контуры фундаментов, проходило проволоочное ограждение.

– Слышишь, босс, – подал голос Джеро.

– Да? – отозвался Рино.

– Ограждение обесточено, да?

– Да.

– Тогда я рвану сквозь него? Так мы подъедем поближе.

– Давай!

Ограждение на какое-то время пропало из поля зрения, а затем вынырнуло, как из-под земли.

– Hold o-o-on³⁹! – протяжно закричал Джеро и направил автомобиль на сплетенную проволоку. «Туарег» легко, словно зверь, вырвавшийся из ловчей сети, продырявил проволочную ограду. Через секунду он затормозил в нескольких метрах от стены здания.

– Беги! – приказал Рино.

Сверху ударили лучи прожекторов. Участок вокруг прорыва в ограде залил яркий свет. Тимур растерялся. Стало светло, как днем, после изнурительного мигания неоновых ламп мощные прожектора слепили и сбивали с толку.

Хедхантер выпрыгнул из джипа и распахнул заднюю дверь. Раненый наемник сполз к его ногам. Не обращая на него внимания, Рино схватил Тимура за шкуру и выволок из машины.

– Беги, придурок!

Парень наконец-то очухался и бросился к двери.

Уже через несколько шагов его подхватили чьи-то руки и втокнули внутрь здания. Стальная дверь, усыпанная ровными рядами полукруглых заклепок, клацнув, захлопнулась за ним.

...Тимур оказался в квадратном пустом тамбуре. Его окружали голые стены, на две трети в высоту покрашенные синей краской. По сторонам от входной двери находилось по два вытянутых окна. На противоположной ко входу стене была дверь поменьше с электронным замком (таким, как в гостиничных номерах или каютах круизных лайнеров). Над ней синей краской была сделана надпись «EN-1 BUILDING», а чуть ниже – «GATE 04».

Подпрыгнув, Тимур подтянулся и выглянул в окно.

«Тойота-Тундра» влетела в прорыв ограждения и остановилась, едва не протаранив «туарег». Из нее выскочили Джеффри и Оскар. Чилиец, согнувшись и спотыкаясь на каждом шагу, бросился к двери и начал стучать в нее, просясь внутрь. Джеффри занял место рядом с Рино, Джеро и Ти-Джеем. Укрывшись за машинами, они поджидали третий джип.

И он появился – въехал через дыру в ограде и сразу остановился. Мотор заглох, фары погасли.

Все замерло. Словно кто-то нажал клавишу «pause» на проигрывателе. Только Оскар ныл у двери, просясь внутрь. На него, впрочем, никто не обращал внимания.

– Может, разнести это корыто из гранатомета, пока не поздно? – предложил Джефф, зная, что кто-то наверняка засел на крыше.

– Нет! Огонь только по моей команде! – оборвал его Рино.

Открылась дверь подъехавшего джипа, и кто-то медленно вышел из машины. Несмотря на яркий свет, трудно было понять, кто это – фигуру заслоняла бронированная дверь.

Вышедший сделал шаг в сторону, покачнулся и упал на колени. По мешковатому силуэту Тимур узнал Емельянова.

– Не стреляйте! Это Емельянов!

Следом из джипа тяжело вывалился Такеда. С водительского места. Затем, забрызганные кровью, вышли Ндонга и Фрэнки. Третьего африканца, Нахаса, не было.

Хедхантер, держа ружье наизготовку, осторожно подошел к джипу с правой стороны. Команда джипа стояла неподвижно, молча, не шурясь от яркого света. Как зомби. Емельянов был на коленях.

Наконец Кацуро устало пробормотал:

– Кончай спектакль, Рино. За нами никого нет.

Рино, убедившись, что в джипе действительно никого не осталось, неохотно опустил дробовик. Это стало сигналом «отбой». Из двери появились еще люди, окружившие ново-

³⁹ Держись! (англ.)

прибывших. Они вытащили раненого из машины Хедхантера. Потом помогли подняться на ноги Емельянову и, поддерживая под руки, повели весь экипаж Кацуру в корпус.

Штаерман, всхлипывая, заполз в тамбур и сел на пол под стеной с другой стороны двери.

– Это еще не конец. Они еще вернутся, – хныкал он, не обращая внимания на то, что никто его не слушает. – Сегодня они обязательно придут сюда...

Мимо Тимура, опираясь на провожатых, прошли два африканских наемника и японец. Емельянова вели последним. Собственно, его тащили на руках, поскольку у него подкашивались ноги.

Тимур пошел к нему навстречу и тут внезапно почувствовал – *что-то не так*. Что-то в лицах членов третьего экипажа настораживало.

Он тронул Игоря за плечо:

– Как ты? – спросил по-русски. На языке крутились другие вопросы, но Тимур не спешил с ними.

Емельянов не произнес ни слова. Тимур наклонился, всерьез настроившись разговаривать русского, но вдруг, увидев глаза Игоря, отшатнулся. Такой пустоты он не встречал нигде и никогда. Глаз будто бы не было. То есть они были, но как будто... застывшие. Глаза напоминали два неподвижных стеклянных шарика с разводами кровоизлияний. Казалось, они смотрят не наружу, а внутрь.

– Черт, – выдавил парень.

В следующий момент Емельянов перегнулся пополам, повиснув на руках у сопровождающих, и его вырвало.

XXII

Тимур шел вместе со всеми по узкому коридору, освещенному двумя рядами кварцевых ламп. В груди закипала злость. Его втянули в авантюру! Он злился на Штаермана и Емельянова, которые, словно набрав в рот воды, молчали всю дорогу. Злился на Рино за его бесцеремонность, шутки, а особенно за сказанную среди пустыни странную фразу: «Это все твои детки, фелла». Вместе с тем он четко осознавал: его привычный – такой понятный и упорядоченный – мир безвозвратно канул в Лету. Выскользнул из-под ног. Он чувствовал себя беспомощным, как рыбка, вывалившаяся на пол из разбитого аквариума.

Он еще многого не понимал. Но одно знал твердо – здесь, в пустыне, разгорается пожар. И он, похоже, один из тех, кому придется выгребать жар руками.

Новое поколение

XXIII

С точки зрения обывателя, научные проблемы бывают трех уровней сложности.

Первый, наименее сложный, характеризуется двумя признаками:

- ученые в чем-то просчитались, но пока не подозревают об этом,
- эта ошибка никак не сказывается на повседневной жизни людей.

Прекрасный пример такой проблемы – теория строения атома. Джозеф Томсон⁴⁰ считал, что атом представляет собой однородную положительно заряженную субстанцию, в которую, как изюм в пудинг, вкраплены электроны. Долгое время «пудинговая» теория была общепринятой, пока другой физик, ученик Томсона Эрнест Резерфорд, не доказал ее ошибочность.

По иронии судьбы, Резерфорд проводил эксперимент, который должен был бы подтвердить теорию Томсона о структуре атома. Он взял очень тонкий лист золотой фольги (толщиной в один микрометр, то есть 10^{-6} м, – буквально в несколько атомов) и стал бомбардировать его альфа-частицами (полностью ионизированными атомами гелия). Он наблюдал за тем, куда попадали альфа-частицы, прошедшие сквозь золотую фольгу. В основном частицы вели себя так, как и ожидал Резерфорд, – проходили сквозь фольгу, не меняя (или почти не меняя) направления своего движения. Но чем больше замеров он делал, тем чаще регистрировал странные альфа-частицы, которые отклонились от первоначального направления на 30 – 60 градусов, а некоторые вообще разворачивались на 120 – 180 градусов, то есть летели в направлении, противоположном начальному. Факт отражения нельзя было объяснить в рамках теории Томсона. Это как если бы установленный перед артиллерийским орудием лист бумаги заставил срикошетить вылетающий снаряд. Резерфорд был поражен. Проанализировав результаты своих измерений, он пришел к непростому выводу: Томсон ошибался. Атом – не однородный протонный пудинг с изюминками электронов. Он в основном состоит из пустоты, а в его центре находится микроскопическое по сравнению с размером атома, но чрезвычайно плотное положительно заряженное ядро, которое и отражает попавшие в него альфа-частицы. Размер этого ядра оказался в 100 тысяч раз меньше радиуса атома. Резерфорд предложил свою планетарную модель атома с ядром в центре и облачками электронов вокруг, на которой до появления квантовой теории и основывались представления о строении вещества.

К счастью, ошибочная теория Томсона не оказала практического влияния на работу тогдашней промышленности или быт людей.

Для того чтобы выявить научную проблему первого (низшего) уровня, нужен ученый с действительно уникальными способностями и интуицией (особенно тогда, когда эксперименты, как это случилось с «атомами Томсона», не сразу проявляют глубинную суть явления). Либо же фантастическое везение.

Научная проблема второго (среднего) уровня возникает тогда, когда неточности, ошибочные теории и неправильные допущения нагромождаются друг на друга (иными словами, когда изучение новых процессов и явлений ведется исходя из неправильной базовой теории). Иногда исследователям просто не хватает базовых знаний, чтобы понять суть того, что

⁴⁰ Джозеф Джон Томсон (18 декабря 1856 – 30 августа 1940) – физик, открывший электрон, лауреат Нобелевской премии по физике 1906 года.

получилось из их эксперимента. Примером может служить Большой адронный коллайдер. В нем протоны разгоняются, двигаясь по кругу, затем сталкиваются и разлетаются. Все четко контролируется и фиксируется. Результаты измерений, однако, плохо согласуются с теоретическими формулами. То неизвестно куда пропадут куски вещества, то, доведя до истерики всех теоретиков, исчезнут без следа несколько килоджоулей энергии. Так и перечеркиваются все достижения физики начиная с XVI века.

Данный уровень проблем характеризуется тем, что ученые обычно четко видят расхождения между теорией и практикой (хоть и не понимают, в чем причина). Но и в этом случае нет прямой угрозы для гражданского населения. Чтобы победить проблемы второго уровня, нужны не столько способные, сколько упорные и настойчивые ученые, владеющие конкретными знаниями в данной сфере и готовые днем и ночью долбаться с одной и той же проблемой.

Ну и наконец третий (высший) уровень. К нему относятся ситуации, при которых ученые капитально дали маху, вызвав необратимый и очень опасный эффект, не заметить который просто невозможно. Для этого не нужно быть профессором, доктором наук, аспирантом или отличником средней школы: результат подобной научной проблемы чувствуют на себе *все*. Даже умственно отсталые. Теории, гипотезы и формулы уже не имеют никакого значения. Никого не волнует, что там происходит на молекулярном, атомном или еще Бог весть каком уровне и в чем заключалась ошибка, выведшая ситуацию из-под контроля. Главным становится внешнее проявление, а не внутренняя суть процесса. К третьему уровню можно отнести взрыв на Чернобыльской АЭС или (давайте постучим по дереву) на нефтяной платформе в Мексиканском заливе. На нормальном человеческом языке такая проблема называется просто – катастрофа.

Как с этим бороться? Первоочередной задачей становится не решение научной проблемы, а устранение последствий, к которым она привела.

Так вот, по состоянию на 15 августа ситуация в пустыне Атакама семимильными шагами приближалась к третьему, высшему уровню научных проблем. Но пока, как обычно бывает, этого никто еще не понимал...

XXIV

Суббота, 15 августа, 19:40 (UTC –4)

Корпус «DW» исследовательского комплекса «NGF Lab»

Пустыня Атакама

Поднявшись по ступенькам в последний раз, они попали в узкий тамбур, похожий на тот, через который вошли в первое здание, только стены были зеленоватого цвета. Справа возвышались стальные ворота, которые вели наружу, а перед собой Тимур увидел дверь из прозрачного пластика, рядом с которой на стене висело переговорное устройство. Над дверью – темно-зеленые надписи «DWELLING BUILDING⁴¹» и «GATE 01».

Вход открывался изнутри. Один из мужчин наклонился, нажал на кнопку переговорного устройства и сказал:

– Кейтаро, это Ральф. Мы возвращаемся.

Створки двери раздвинулись, впуская их внутрь.

Тимур сразу почувствовал, что попал в жилое помещение. Это ощущалось не столько по температуре (зимой в Атакаме не слишком жарко), сколько по влажности. Астенический пустынный воздух, от которого щипало в носу и нестерпимо сушило горло, остался позади. Воздух в блоке был приятный, напоминающий цветочную оранжерею.

Первая комната служила гардеробной. Рядом, судя по аромату, находились кухня и столовая, налево отходил небольшой коридор, упиравшийся в ведущую на второй этаж П-образную лестницу. Справа от гардеробной была еще одна комната без окон с массивной стальной дверью, куда пришедшие сложили дробовики, гранаты и гранатомет АТ4. Один Рино остался при полном вооружении.

– Отведи Тимура и Игоря в их комнаты, – велел Штаерману Ральф. – А вы займитесь раненым. – Джеффри и Джеро осторожно понесли потерявшего сознание наемника на второй этаж. Ральф повернулся к Тимуру и Емельянову: – Пожалуйста, сдайте мобильные телефоны.

Тимур достал из кармана мобильный и глянул на экран. Вместо названия сети высветилась надпись «поиск», индикатор показывал нулевой уровень принимаемого сигнала.

– Здесь и так ничего не ловит, – заметил парень.

– Извините, но такие у нас правила.

– О'кей, – Тимур вручил свой телефон Ральфу, не имея сил возражать.

Не поднимая глаз, вообще не двигая головой, Емельянов достал из кармана старую «Nokia» и тоже ткнул ее Ральфу.

– Это все? – не отставал Ральф. – КПК, коммуникаторы, смартфоны? Ничего такого? – Он внимательно присматривался к новоприбывшим.

Емельянов не отреагировал. Тимур отрицательно помотал головой. В какой-то миг ему показалось, что Ральф сейчас попросит его вывернуть карманы или вообще обыщет, как перед посадкой на самолет, но этого не произошло. Ральф сдержанно улыбнулся, буркнул:

– Хорошо! – и ушел по лестнице. Ноутбуки не проверяли. Значит, сети вай-фай тут не было.

Оскар Штаерман, избегая прямых взглядов, жестами поманил Тимура и Емельянова за собой вверх.

Он привел их на второй этаж в комнату для отдыха – просторное помещение, застеленное зелеными коврами, где стояли бильярдный стол, три кожаных дивана и стенд с настоль-

⁴¹ Жилое здание (англ.).

ным футболом. Под потолком был закреплен проектор, на стене висел экран. Диваны, проектор и экран образовывали кинозал. Дальнюю стену подпирали набитые книгами широкий книжный шкаф. В углу находился кофейный автомат, рядом несколько столиков, на которых стояли неярко горящие лампы.

На всех окнах – задернутые шторы из плотной ткани «под малахит».

– Располагайтесь пока здесь, – Штаерман показал на диваны. – Я пойду проверю, готовы ли комнаты. Скоро вернусь.

Возможно, если бы не усталость и до звона натянутые нервы, Тимур беспокоился бы о том, что наступает на ковер побуревшими от пыли кроссовками. Но сейчас ему было все по барабану. Парень, не разуваясь, завалился на ближайший диван. Спина ныла, в затылке гудела боль, расплавленным свинцом стекая на шею.

Игорь Емельянов робко присел на край соседнего дивана и замер, потупив голову.

В молчании прошло несколько минут.

– Я совсем не чувствую ног, – попробовал заговорить с профессором Тимур.

Емельянов даже не взглянул в его сторону. Выглядел он просто раздавленным.

– Что с тобой? – Тимур приподнялся на локтях, пытаясь взглянуть в глаза Емельянова.

В этот момент вернулся Штаерман. Вместе с ним в комнату вошла невысокая, но весьма фигуристая брюнетка. Первое, что бросалось в глаза: короткая стрижка каре и игривые, подчеркнуто черные чилийские глаза. На ней были темно-синий комбинезон-безрукавка и белые остроносые чешки. Девушка улыбнулась, продемонстрировав умопомрачительные ямочки на щеках.

– Это Ребекка, – представил ее Штаерман, который успел умыться и сменить рубашку. Чилийка снова улыбнулась, подняла руку, взмахнула в воздухе пальчиками. – Она покажет вам ваши каюты, джентльмены.

Тимур поднялся. Да где там – подскочил. Несмотря на смертельную усталость, он ощутил, как внизу живота разлилось щемящее тепло. На мгновение перед глазами появилась Алина, но парень почти бессознательно задвинул ее образ на задворки сознания. Он не хотел после стольких потрясений вытаскивать на поверхность воспоминания о родителях, киевских друзьях или невесте. Сейчас они были немыслимо далеко. Настолько далеко, что их практически не существовало.

– Меня зовут Тимур, – представился юноша. – Soy de Ucraina⁴².

– А я – Бекка, – повторила свое имя девушка.

Энтузиазм Тимура пришелся Штаерману не по вкусу:

– У вас есть немного времени, чтобы принять душ и переодеться. В 20:30 Кейтаро собирает всех нас.

Тимур устало взглянул на Штаермана:

– Чувак, ты же знаешь, как нас трясло в самолете над Атлантикой, я почти сутки не спал.

– Выпей кофе.

– Даже если я выпью ведро кофе...

– Выскажешь все это сеньору Кейтаро. Ребекка зайдет за вами в 20:25 и отведет в зал совещаний.

Тимур, стиснув губы, благоразумно промолчал.

– Идите за мной, – позвала Бекка.

Тимур вспомнил про Емельянова. Он обернулся к дивану, где тот сидел, но тут же отшатнулся и вскрикнул от удивления – профессор стоял к нему вплотную, дыша в плечо.

– Старик, ты меня напугал, – Тимур еле сдержался, чтобы не выругаться.

⁴² Я из Украины (исп.).

– Прости, – еле шевеля губами, выдавил Емельянов. Он по-прежнему не поднимал головы, глядя себе под ноги. Тимур немного отстранился.

– Это Игорь, мой товарищ из России, – представил Тимур Емельянова. – Ну, не совсем товарищ, мы познакомились вчера.

– С ним все в порядке? – спросила девушка.

Мягкий запах духов на секунду вытеснил сонливость. Тимур пожал плечами. Он по-прежнему не знал, что было с Емельяновым в пустыне, через что ему пришлось пройти.

Шагая вслед за Беккой, они прошли несколько коридоров со стеклянными дверями, которые чем-то напоминали офисные переходы какой-нибудь торговой компании, и оказались в другой части блока «DW», где располагались личные комнаты для ночевки. Парень не знал точной формы здания, но догадывался, что все жилые комнаты собраны в отдельном крыле. Здесь было уютно и тихо. Стены покрывала не краска, а зеленая тисненая обивка, на полу был постелен ламинат. Над некоторыми дверьми ярко светились надписи «Emergency exit», но вообще лампы горели тусклым светом, будто готовились вот-вот погаснуть, и едва освещали дорогу.

Ребекка безостановочно что-то говорила, время от времени указывая пальчиком на темные окна, будто не осознавала, что за ними чернота, но на Тимура накатила усталость, он засыпал на ходу и не слушал ее.

Они поднялись на третий этаж и оказались в новом, ярко освещенном коридоре, в который выходили двери с номерными табличками. Над каждой дверью ярко горел полусферический светильник. Все напоминало недорогой мотель. Сходство подчеркивали цифры на дверях.

Ребекка довела их до конца коридора и достала из кармана карточки-ключи.

– Комнаты одинаковые, но можете сначала заглянуть в них и выбрать.

– Мне все равно, – ответил Тимур.

Емельянов промолчал. Тимур взял у Ребекки одну из карточек, на мгновение прикоснувшись к ее пальцам. Ему досталась комната № 306.

– Я прослежу, чтобы принесли ваши вещи, – с улыбкой сказала Ребекка.

Емельянову осталась комната № 303, напротив комнаты Тимура. Он дрожащими руками вцепился в карточку. Тряхнул волосами:

– Где?

– Вот эта, – немного отойдя, показала на дверь Ребекка.

Емельянов несколько раз попробовал попасть карточкой в щель замка, но у него не получалось. Наконец он все-таки вставил ключ, но оказалось, что не той стороной. Подергав ручку, он без каких-либо слов и эмоций вытащил карточку и принялся тыкать ее другой стороной.

Это продолжалось около минуты, потом Ребекка мягко положила руку ему на плечо:

– Позвольте, я вам помогу.

Игорь выпрямился. Тимур опять отшатнулся, заметив бездонную пустоту в глазах.

– Нет, – резко ответил профессор, убрав за спину руку с карточкой. – Я сам.

– Я не об этом. Я еще и медсестра, – продолжила Ребекка, обращаясь к Емельянову. – Вы не против, если я вас осмотрю?

– Не надо, – глухо отозвался Емельянов и повторил: – Я сам! Сам! – голос был слабый, утробный, но полный какой-то недоброй решимости.

– Как знаете, – пожала плечами девушка и отошла на шаг назад.

Профессору наконец-то удалось открыть дверь, и он, не сказав ни слова, исчез в комнате, словно провалился внутрь.

– Не забудьте, – крикнула вслед Ребекка, – в полдевятого собрание. Ваши сумки скоро принесут, и вы сможете переодеться...

– Оставь его в покое. Он был в машине, на которую напали в пустыне, – объяснил Тимур.

– Я понимаю, – надула губки Ребекка, а парень подумал, что ни черта она не понимает. Так же, как и он сам. – Такеда, молодой японец, такой же. Еле разговаривает. Но это ничего не меняет. Твой друг должен понимать, что встреча важная...

Тимур мялся, не заходя в комнату. Брюнетка, потупившись, не уходила.

– Тебе еще что-нибудь надо? В комнате есть электрочайник, могу заварить тебе кофе.

– Как ты сюда попала? – спросил украинец.

– По объявлению в газете. Прошла собеседование, подписала кучу разных бумаг, и вот я здесь. Платят хорошо.

– Не боишься?

– Сначала не боялась. Потом, когда это случилось...

– Что *это*?

– Когда они... Я как раз была снаружи, когда они выбрались на крышу своего корпуса...

– Не темни. Кто *они*?

Ребекка опустила голову еще ниже:

– Я не могу сказать. Через час ты все узнаешь сам... Тогда я *начала* бояться, но Кейтаро Рока не разрешил мне уехать.

– Это тот, кого все называют стариком Джепом?

– Да.

– Ты и правда медсестра? – Тимур решил сменить тему.

– Ага, – Бекка бессознательно приосанилась.

– А как там раненый африканец? К сожалению, не знаю его имени...

Ребекка нахмурилась, над переносицей собрались неглубокие морщинки:

– Я не успела его осмотреть... С ним сейчас Алондра... – Она посмотрела Тимуру в глаза. Подумав, пояснила: – Алондра – это девушка Джеффа. Джеффри Такера. Она помогает мне по лазарету. Никто не предполагал, что у меня будет столько работы... Ты же знаешь Джеффри? Зеленоглазый американец. Он тут работает электриком. Вы уже познакомились? – Тимур кивнул. Ребекка нахмурилась еще больше, что делало ее по-своему красивой. – Алондра с самого начала не хотела сюда ехать. Но она единственная, кто остался добровольно. Ни за что не хотела бросать своего Джеффи, а он... он тоже видел то, чего видеть было не надо.

Украинец вздохнул. Щупальца изнеможения обвивали его. Адреналин постепенно уходил из крови, и организм не мог противиться сну. Восприятие реальности обрывалось, сознание будто проламывалось, и слова долетали до него обрывками.

– Думаю, с раненым все будет хорошо. Выживет, – добавила чилийка.

– Я был рядом, когда в него попал камень, – тихо сказал он – Еле втащил его в джип. Он бы выпал, если бы я не удержал его.

– Ты молодец. – Ребекка дотронулась до его плеча, а потом скороговоркой сказала: – Мы ждали. Кейтаро очень на тебя рассчитывает.

Тимур сложил брови домиком, пытаясь вникнуть в суть ее слов. Голос привлекательной брюнетки звучал как сквозь толщу воды.

– Ты ведь сможешь все поправить, правда?

Тимур не понимал, о чем говорит девушка.

– Пока не знаю, – признался он, сконфуженно хлопая глазами.

– Только не убивай *их*, прошу, – Ребекка вздохнула и посмотрела ему прямо в глаза. – *Они* все-таки дети.

Она развернулась и быстро ушла.

Из комнаты № 303, дверь которой была полуоткрыта, доносились утробные звуки – Емельянова снова рвало.

XXV

Суббота, 15 августа, 20:09 (UTC –4)

Исследовательский комплекс «NGF Lab»

Рино Хедхантер подошел к «туарегу» Такеды. Он собирался осмотреть машину и отогнать ее в ремонтный бокс в инженерном корпусе.

Подойдя к джипу, великан задержался. Невольно вспомним момент нападения. Его собственную машину забросали камнями. Однако из ущелья, где застрял стоящий перед ним «туарег», доносились выстрелы. Их обстреляли, он в этом не сомневался. Но тогда где следы дробы? Рино обошел вокруг автомобиля, внимательно осмотрев листы брони. Затем присел у переднего бампера. В нескольких местах провел пальцем по холодному металлу. Он видел только вмятины и царапины от камней и... больше ничего.

Удивленный, Хедхантер поднялся. Открыл правую заднюю дверцу и заглянул в салон. В ноздри ударил кисловатый запах. «Наверное, так воняет страх», – подумал амбал, но тут заметил остатки блевотины на сиденье и на ковриках. Бровь удивленно выгнулась и поползла вверх. Кого-то стошнило по дороге?.. Рино еще раз обошел «туарег», открыл левую переднюю дверцу и уселся на место водителя. Рука механически потянулась к зажиганию, но... замерла на полпути. Выпучив глаза, здоровяк смотрел на верхнюю панель, упирающуюся в лобовое стекло. Справа на панели, сразу под стеклом, лежал черный продолговатый предмет. Рино потянулся через салон и коснулся его пальцами. Подтянул к себе. Взял в руку.

Это была рация.

Рино не мог поверить собственным глазам. Четверть минуты амбал сидел неподвижно, глядя перед собой и покручивая черную пластиковую рацию в руках. «Может быть, она все-таки сломана», – подумал с надеждой Рино. Мысленно он почти умолял, чтобы это было так и она не включилась. Он нажал на кнопку запуска. Вспыхнул красный индикатор, а из динамика донеслось потрескивание. Рация работала и лежала на видном месте все время...

XXVI

Суббота, 15 августа, 20:33 (UTC –4)

Зал совещаний корпуса «DW»

Ледяной душ и чашка кофе привели Тимура в чувство. Но он понимал, что это ненадолго. Мозг отказывался принимать новую информацию, тело постанывало от усталости и требовало сна. Как только действие кофеина кончится, он вырубится. В Киеве сейчас было полтретьего ночи.

Ребекка привела Тимура и бледного, как мертвец, Емельянова на четвертый этаж административного крыла здания. Они вошли в дверь с надписью «Main hall⁴³» и оказались в большой комнате с четырьмя панорамными окнами и длинным эллиптическим столом. Вокруг стола стояли офисные стулья с высокими спинками, на столе – бутылки с минеральной водой и бутерброды. С правой стороны стола возвышался большой LCD-монитор.

Когда украинец и русский зашли, большая часть стоявших у стола офисных кресел была занята. Тут были и Рино, и Такеда. Садясь в одно из свободных кресел, Тимур засомневался – то ли это ему мерещится от усталости, то ли все действительно тайком за ним наблюдают.

Последним в зале появился пожилой японец среднего роста. Быстро, ни на кого не глядя, прошел через комнату к своему месту во главе стола. Тимур догадался, что сухощавый азиат с мигающими глазами цвета гречишного меда и есть таинственный Джеп. Черные брюки, дорогая темно-синяя рубашка; рукава слегка закатаны и открывают худые жилистые руки. На левом мизинце – оторщенный ноготь сантиметра два длиной. Голова почти полностью седая, но короткая прическа с торчащими волосами – совсем как у подростка.

– Добрый вечер, господа, – негромко произнес Джеп.

Все присутствующие, словно покоряясь какому-то безмолвному призыву, поднялись со своих мест. Старый японец обладал природным величием, которому позавидовали бы многие короли, которых за последнюю тысячу лет наплодила человеческая цивилизация. Встал и Тимур.

Кейтаро едва заметно кивнул:

– Садитесь, пожалуйста. – Подождал, пока все усядутся, и затем сам опустился в кресло. – Возможно, мои слова в существующих обстоятельствах прозвучат неискренне, но я рад вас всех видеть, господа. Рад, что мы наконец-то все собрались, – он говорил взвешенно, на практически идеальном академическом английском, сложив руки на столе. – Для новоприбывших – меня зовут Кейтаро Рока. Я основатель и в течение вот уже двадцати пяти лет бессменный руководитель проекта «NGF». Судя по обстановке, наше сегодняшнее собрание будет недолгим. Но все же постараюсь разъяснить суть проблемы, настолько, насколько это возможно. Перед началом предлагаю всем по очереди представиться, как это делают на научных конференциях, и назвать сферу своей деятельности. Начну с себя. Мое имя вы уже знаете. Когда-то я возглавлял одну из кафедр Токийского университета, – Кейтаро сделал паузу, но так и не произнес название своей кафедры. – В настоящее время занимаюсь нанотехнологиями, молекулярной биологией и программированием.

Передавая эстафету, Джеп кивнул своему соседу слева – самому пожилому из собравшихся, сидевшему с кислым, недоверчивым выражением лица.

– Ральф Доэрнберг, – отрекомендовался он. Единственными его выразительными чертами были высоченный лоб и большие уши. А еще – кожа. Кожа на его лице была серого

⁴³ Главный зал (англ.).

оттенка, как это бывает у людей с сердечной недостаточностью. – Нейрохимик и нейрохирург. Мне 64 года, я из Виннипега, Канада. Это я в далеком 1984-м году изобрел техносинапс, с чего, собственно, и началась вся эта история. – Канадец резко замолчал, словно испугался, что сболтнул лишнее.

Слева от Ральфа сидел высокий сорокалетний человек в простой клетчатой рубашке с высоко закатанными рукавами. С головой лысой, как яйцо.

– Алан Гринлон, Соединенные Штаты. Я – инженер. Окончил Техасский университет в Остине. Принимал участие в разработке микросхем для управляющих блоков межконтинентальных ракет. Вообще-то я не имею права разглашать эту информацию, но, поскольку мое пребывание здесь санкционировано Пентагоном, думаю, вы имеете право знать. Последние десять лет проектировал системы наведения и группового взаимодействия для истребителей пятого поколения «F-22 Raptor». О вашем проекте почти ничего не знаю. – Алан и вправду ничего не знал. Джефф привез его утром, перед тем как ехать за Тимуром и Емельяновым. – Выполнял для вашего проекта некоторые... гм... странные разработки. К примеру, этот ваш шлем с охлаждением...

– Достаточно, – оборвал его Кейтаро.

Знакомство продолжалось по часовой стрелке.

– Лаура Дюпре. Психиатр, – с ужасным акцентом представилась следующая участница совещания, выглядевшая как стопроцентная француженка. Короткие крашенные черные волосы, темные глаза, вытянутое лицо и чувственные крупные губы, на носу – очки. В свои тридцать она была самой молодой из присутствующих, если, конечно, не считать Тимура. – Я из городка По, это в Пиренеях на юге Франции. Училась в Париже, работала в частной клинике в Тулузе. Специализируюсь на расстройствах психики у детей. Интересуюсь проблемами сознания и подсознания.

Женщина слева от Лауры была гораздо старше француженки. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не чрезмерная худоба и гранитная резкость черт лица.

– Тиана Эмерсон, PhD. Я из Бразилии, родилась в Ресифе, крупном курорте на восточном побережье, в семье богатого фабриканта. Окончила Стэнфордский университет в Пало-Альто, Калифорния; там же окончила аспирантуру. Диссертация была по микробиологии. Академическую деятельность забросила сразу и долгое время работала в частной лаборатории, пока не запретили эксперименты по генной модификации человека. Вернулась в Бразилию. В 1996 году познакомилась с Ральфом, после чего последние восемь лет работаю на «NGF».

Тиана Эмерсон отвечала за все, что касалось генетической коррекции «малышей». Еще до того, как они появились на свет. В течение 1997 года, когда «NGF Lab» превратилась в роддом, она практически единолично господствовала в лабораториях. Правда, в последние пять лет в этом проекте почти не участвовала.

Очередь дошла до сидевшего в конце стола русского, который вцепился в бумажный стаканчик с водой:

– Игорь Емельянов. Профессор МГУ. По образованию математик. Специализируюсь на сетевых системах и пакетной беспроводной передаче информации. – Если бы мертвые могли говорить, они, наверное, делали бы это именно таким голосом.

По другую сторону стола напротив Емельянова сидел полный, красиво причесанный светловолосый человек. Он не был по-настоящему толстым, однако отекая физиономия красноречиво свидетельствовала, что при неизменном рационе он через несколько лет будет похож на Винни-Пуха. В пухлых пальцах он все время вертел дорожную ручку.

– Стефан Эрмглен, – представился толстяк на правильном английском. – Стокгольм, Швеция. Врач-физиолог. Есть своя клиника в Умеа⁴⁴. Преподаю в Karolinska Institutet⁴⁵.

Тимур был удивлен, услышав, что толстяк из Швеции. Внешне Эрмглен был полной противоположностью того типажа, с которым ассоциируются скандинавы. Он напомнил Тимуру скорее хоббита, чем воинственного норманна. На самом деле Стефан был шведом только наполовину. По материнской линии он унаследовал немало итальянской и французской крови. Оттуда же пришли скромные габариты и склонность к полноте.

Слева от шведа вольготно расселся Хедхантер, демонстративно отодвинувшись от стола почти к самому окну. Он словно показывал, что не принадлежит к числу ученых.

– Рино, – свысока выдохнул наемник. – Рино Хедхантер, так меня называют. Йоханнесбург, ЮАР, – он остановился и, оскалившись, добавил: – Решаю проблемы разнообразных умников.

Очередь дошла до Тимура:

– Тимур Коршак, Киев, Украина. Программист. Окончил теплоэнергетический факультет Киевского политехнического института. Программирование изучал самостоятельно. Последние шесть лет разрабатываю системы искусственного игрового интеллекта.

Закончив свою речь, Тимур не удержался и зевнул. И уже с открытым в зевке ртом осознал, что все, как зачарованные, продолжают смотреть на него, словно он, у которого столько вопросов, – единственный, кто знает ответы.

– Оскар Штаерман, – коротко представился следом за Тимуром чилиец, отвлекая внимание на себя. – Главный администратор проекта.

Последним отрекомендовался молодой японец, сидевший по правую руку от Кейтаро:

– Кацуро Такеда. Осака, Япония.

Тимур ждал продолжения, но Такеда больше не проронил ни слова.

– Спасибо, – подвел черту Кейтаро. – Итого нас здесь одиннадцать человек. У всех разный уровень доступа к информации. Алан, Стефан и Тимур вообще не в курсе дела. В то же время все вы независимо от уровня информированности внесли свой вклад в проект «NGF». – Кейтаро нахмурился, из уголков глаз на виски расползлись молнии морщинок. – Итак, месяц назад мы начали терять контроль над происходящим, а две недели назад вообще все пошло кувырком... Именно поэтому вы здесь... Каждый из вас, – старый японец по очереди показал пальцем на Алана, Стефана и Тимура, – завтра прослушает вводную лекцию и познакомится с исследовательским комплексом. Сотрудники лаборатории ответят на все ваши вопросы. Сейчас же из-за дефицита времени мы ограничимся тем, что Ральф коротко изложит суть проблемы.

Джеп сделал приглашающий жест в сторону Доэрнберга.

– Мы занимаемся созданием ботов, – сразу взял быка за рога Ральф.

Тимур вздрогнул. С этого момента он забыл про сон. Строить огромный комплекс посреди пустыни, чтобы писать программы для ботов? Они с ума сошли! Тимур окинул взглядом собравшихся. Сейчас кто-нибудь подойдет к Ральфу, похлопает его по плечу и, расхохотавшись, скажет: «Ну все – пошутили, и хватит». Никто даже не пошевелился. Ральф, глубоко вздохнув (у него точно проблемы с сердцем, подумал Тимур), продолжил:

– Наверное, правильнее было бы сказать «растим». Да и термин «бот» не совсем подходит к тому, что мы вырастили. «NGF» расшифровывается как «New Generation Fighter»⁴⁶. Сначала мы звали наших мальчиков «перспективными боевыми единицами», но потом Вилл

⁴⁴ Город в Центральной Швеции.

⁴⁵ Каролинский институт – медицинский университет в Стокгольме, одно из крупнейших высших медицинских заведений в Европе.

⁴⁶ Боец нового поколения (англ.).

Ноланд стал в шутку называть их ботами. Это лишь отчасти соответствует действительности, и ботами в прямом смысле они не являются. – Ральф, лукаво прищурясь, взглянул на Тимура: – Готов побиться об заклад, господин Коршак удивлен.

– Ральф, – не сдержался Тимур, – это значит, что вы создаете роботов?

Канадец запнулся, слегка рассерженный тем, что его прервали. Вмешался Кейтаро:

– Тимур, как программист вы должны разбираться в том, что такое искусственный интеллект.

– В общих чертах.

– Во всяком случае вы должны представлять себе его возможности.

– Безусловно.

– Неужели вы полагаете, что робот может на равных соперничать с человеком?

– Безусловно, нет.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – холодно подвел черту Кейтаро. – Мы не занимаемся созданием человекоподобных роботов.

– Военная направленность нашего проекта возникла не сразу, – снова продолжил Ральф. – Наша разработка основывается на нанотехнологиях и использует достижения микробиологии, нейробиологии и программирования. Долгое время мы не могли найти заказчика – большинство корпораций, таких, как «Боинг», «Тойота» или «Дженерал Моторз», отказывались от сотрудничества, напуганные сложностью и высокой стоимостью исследований. Мы уже почти потеряли надежду, когда с господином Кейтаро связались люди из Пентагона. Мы делали презентацию проекта в отделе перспективных разработок корпорации «Боинг»⁴⁷, о которой слышал один из инженеров «Локхид Мартин». Он не присутствовал лично, поскольку я выступал перед технологами. В то время мы планировали использовать ботов на сборочных конвейерах авиазаводов. Как бы то ни было, инженер заинтересовался. Рассказал боссу, тот доложил в Пентагон. На нас через неделю вышел Вильям Ноланд. Именно он предложил идею военного применения. После длительных переговоров Минобороны дало добро и выделило средства. Поэтому все, о чем я говорю, а также все, что вы здесь увидите и услышите, не должно выйти за пределы лаборатории.

Несколько человек с пониманием закивали. Тимур молчал, внимательно слушая.

– Немного предыстории поможет вам лучше понять суть. – Ральф взял пульт и включил проектор. На экране на стене появилось изображение военного самолета. – Перед вами истребитель пятого поколения «F-22 Raptor». На данный момент – единственный в мире. Это новый самолет, имеющий значительно более высокий боевой потенциал, нежели его предшественники, благодаря малозаметности, сверхманевренности, многофункциональности, возможности вести всеракурсный обстрел целей. У него много свойств, которые позволяют легко побеждать самолеты четвертого поколения, такие, как «Су-27» или «МиГ-29». «Рапторы» умеют действовать роем: могут, например, одновременно атаковать цель и прикрывать друг друга почти без вмешательства пилотов. В других видах вооружения таких примеров хватает: современные танки сами выбирают цель и прокладывают оптимальный маршрут на местности, высокоточное стрелковое оружие, «умные» бомбы. Все прогрессирует. Кроме одного – человека. В войне будущего самое слабое звено – это солдат. Homo Sapiens со своими ограниченными возможностями уже не вписывается в высокотехнологичную среду современных вооружений. Другими словами, дальнейшее развитие систем вооружения упирается не в возможности технологий, а в недостатки солдата – обычного человека.

⁴⁷ «Boeing» – американская корпорация, один из крупнейших мировых производителей авиационной техники. В состав входят два подразделения: «Boeing Commercial Airplanes» (гражданская авиация) и «Integrated Defence System» (продукция военного назначения). «Lockheed Martin» – американская компания, специализирующаяся на авиастроении, 95% прибыли получает от заказов Минобороны США. Именно «Lockheed Martin» совместно с «Boeing Integrated Defence System» разрабатывали истребитель «F-22 Raptor».

Можно создать еще более быстрые самолеты, совершенную бронетехнику с большим набором функций, но человек будет уже не способен управлять ими. Мы не успеваем за технологиями, которые сами же и разрабатываем. Поэтому по аналогии с истребителем «F-22» появилась идея, приведшая к появлению ботов – «new generation fighters»⁴⁸.

Истребитель пятого поколения «F-22 Raptor»

Тимур ущипнул себя, чтобы убедиться, что он не спит. Несмотря на всю серьезность Ральфа, трудно было поверить в то, что он сказал.

– Сделанные мной и господином Кейтаро открытия позволяют на практике расширить физиологические возможности человека. Думаю, вам известно, что наш мозг использует от 10 до 30% своих возможностей. Нам же удалось установить контроль над процессами в мозге и получить возможность их усиления. Чтобы понять лучше, представьте себе панель с регуляторами, на которой можно настроить чувства, способности, эмоции. Повышать мастерство во всем, что пожелаете. Выведите регуляторы «скорость реакции», «точность оценки ситуации», «количество операций в секунду» на максимум, добавьте «раптовскую» способность атаковать роем, мгновенно обмениваться тактической информацией, и вы получите примерное представление о том, что такое наши боты. Они не роботы, Тимур. Боты – люди. Пока что – просто подростки. Но с весьма неординарными способностями. Как нам это удалось, вы скоро узнаете...

Ральф увлекся. Говорил мечтательно, отстраненно. Так актер рассказывает о своей лучшей роли или художник описывает свою лучшую картину. А время шло. Тимур не мог не заметить напряжения, проступившего на лицах Рино, Оскара и Кейтаро, тех, кто знал, что готовит им ночь, кто понимал, почему сегодняшнее собрание будет коротким. Ральф пробовал донести суть, но с каждым словом от этой сути отдалялся. Нужно было что-то предпринимать.

Первым прервал Ральфа, как ни странно, швед Стефан:

– Кейтаро, для чего мы здесь?

Ральф осекся.

На микроскопическую долю секунды Кейтаро растерялся, захваченный вопросом шведа врасплох. Если бы Тимур не смотрел в тот момент на японца, он бы этого не заметил.

– Несколько ботов... удрали от нас.

Это был первый и последний раз, когда Тимур видел старого японца оторопевшим.

– Так поймите их. В чем проблема?

– Проблема в том, что у нас это не получается.

В комнате воцарилась тишина.

⁴⁸ В английском языке слово fighter означает также и «истребитель» (сокращенно от fighter jet – реактивный истребитель, букв. реактивный боец).

– Уже пятнадцать дней не получается, – откровенно добавил Ральф.

В этот момент Такеду вырвало прямо на стол, а в коридоре оглушительно завывала сирена.

XXVII

– Идут, – кратко доложил Рино.

– Откуда? – спросил, не останавливаясь, Кейтаро.

– Сработали три датчика на северо-восточной стороне. Расстояние – 160 метров.

Тимур, не зная, как себя вести, увязался за Джепом и Хедхантером, которые спускались по ступенькам.

Джеп глянул на часы:

– Черт побери, они сегодня рано.

– Знают, что ограды больше нет, – мрачно кивнул Рино.

– Что же теперь будет? – озабоченно спросил Тимур.

Джеп не повернулся к украинцу.

– Похоже, нам всем конкретно надерут задницу, фелла, – выпятив нижнюю губу, прохрипел Хедхантер.

Со всех сторон слышны были топот ног и отрывистые оклики. На лестничной площадке Тимура обогнали два африканца с «ремингтонами». Рино крикнул им вслед, чтобы присматривали за черными ходами, парни что-то ответили и исчезли. После того как сработала сирена, свет в коридорах стал слабее. Тимур едва различал стены.

Рино, Кейтаро и Тимур спустились на второй этаж в коридор, идущий вдоль северной стены здания к спальному крылу. За бетонными перегородками, разделявшими ряд окон в коридоре, притаились чернокожие наемники. Лаура, Оскар и Кацуро спрятались в боковой галерее, ведущей к пожарной лестнице.

Рино бросил взгляд на экран на стене, на который поступали данные с датчиков, расставленных вокруг всей территории комплекса, и замер от неожиданности.

– Что там не так, Рино? – прошептал Джеп.

– Не понимаю, – промямлил Хедхантер. – Они остановились.

– Не может быть. Наверно, не сработал какой-то датчик?

Рино отрицательно помотал головой:

– Там десятки этих датчиков. Все сразу отказать они не могут. Боты не двигаются ни вперед, ни назад. Стоят на месте...

Кейтаро бесшумно проскользнул вглубь галереи. Возле раздвижной двери, открывающей путь на лестничную клетку, нащупал переговорное устройство. Нажал кнопку вызова и обратился к Джеффри.

– Я вас слушаю, – ответил дежуривший в аппаратной зеленоглазый американец.

– Джеффри, включи, пожалуйста, внешнее освещение по северной стороне «DW».

Наверху что-то загудело, и в коридорах посветлело: за окнами вспыхнул свет прожекторов, отблески которого пробивались сквозь стекла. Рино (а за ним и Тимур) выглянул в окно:

– Не вижу, – скрипнул Хедхантер. – Пусть поднимет выше.

– Посвети дальше, – скомандовал Кейтаро, склонившись над переговорной решеткой.

Галерея постепенно погружалась в сумерки – лучи поползли в пустыню, освещая возвышение, подпиравшее проволочное ограждение.

– Никого... никого... Стоп! – крикнул Рино. – Есть!

– Джеффри, оставь так! – Кейтаро отпустил кнопку.

Забыв об осторожности, Тимур перепрыгнул к другому окну и придвинулся к стеклу. Кейтаро подошел и стал рядом с Хедхантером.

С внешней стороны в нескольких десятках метров от обесточенной ограды в пятне ярко-белого света стоял жилистый подросток. В свете прожекторов его глаза горели, как у

зверя. Он был похож на циркового атлета, застывшего посреди арены перед началом своего номера. Даже с такого расстояния была заметна грязь на животе и ногах.

– Почему он один? – воскликнул Рино. – Где остальные? Кейтаро, это какая-то подстава!

Японец не ответил. Тимур вытаращил глаза так, что кожа на лбу сморщилась.

– Это и есть ваш бот? – ухмыльнулся, не скрывая удивления, Тимур. Почему все дрожат, как мышцы? Трудно было поверить, что этот безусый мальчик может представлять угрозу для двух десятков хорошо вооруженных взрослых людей, укрывшихся за бетонными стенами.

Бросив взгляд на Кейтаро, Тимур отвлекся. Когда он повернулся обратно, малыш уже не торчал в оцепенении. Подросток отклонился назад, поднял над головой правую руку и стал совершать ею ритмичные круговые движения. Он раскручивал... пращу.

Не успел Тимур подумать о древнем оружии для метания, как подросток резко подался вперед, выбросив руку в направлении здания. Еще через мгновение программист осознал: что-то массивное – большое и черное – с бешеной скоростью несется в окно.

Через секунду Кейтаро и Хедхантера как ветром сдуло.

Африканцы, пригибаясь, тоже рванули прочь из коридора.

Тимур тоже инстинктивно отступил. Парень успел отойти на полшага, когда черный предмет попал в окно. Стекло со скрежетом треснуло, посыпались осколки, и неизвестная штукавина упала на пол. Напуганный звоном разбитого стекла, Тимур споткнулся и упал, больно ударившись головой о противоположную стену.

– Все на пол! На пол! – во все горло заорал Хедхантер, отпрыгнув в боковой коридор. – Это может быть бомба!

С дальнего конца коридора, куда юркнули гереро, донеслись беспорядочный топот и грубая брань, потом послышался звук падения чьего-то тела, опять ругательства, и наконец все стихло.

Тимур, вытянув ноги, полулежал на кафеле, опираясь локтями об пол, а головой о стену. Он смотрел на упавший рядом с ним черный предмет и думал, что если это бомба, то ни ложиться на пол, ни бежать нет смысла. Если сюда влетела бомба, он успеет отбежать как раз настолько, чтобы рассмотреть, как его внутренности пролетают мимо него по коридору.

Парень тяжело дышал, чувствуя, как ладони и подмышки покрываются потом.

Но прошло где-то тридцать секунд, а взрыва не было. Тимур пришел в себя и осмелел настолько, что поднялся и осмотрел черный предмет.

– Это камень! – сказал, приглядевшись, Тимур. – Обыкновенный камень!

Лаура, Кейтаро и Ральф опасно высунули головы с лестничной клетки. Тимур поднялся и опять шагнул к окну. До этого момента он не был по-настоящему напуган. Приключение в пустыне насторожило, но не нагнало страха. Рассказы Ральфа напоминали монологи из фантастических романов и не производили должного впечатления. Заброшенный пращей предмет, в конце концов, был просто камнем. Но в тот момент, устремив взгляд в пустыню, Тимур впервые понял, что ввязался во что-то кошмарное.

Светловолосый паренек убегал обратно в пустыню. Вот только бежал он не так, как обычно бегают подростки – он удалялся по зигзагообразной траектории, через равные промежутки времени меняя направление движения на один и тот же угол, ноги при этом двигались ритмично, поднимаясь на определенную высоту. Тимур с ужасом подумал, что пацан движется точно так, как должен был двигаться созданный им для игры бот.

Тимур поднял камень, не задумываясь о том, что делает. Это с какой же силой надо было его запустить, чтобы, пролетев сотню метров, он разбил окно? Бечевкой к нему был примотан клочок темной бумаги.

– Тут что-то есть! К камню привязана записка.

Тимур сдвинул бечевку, вытащил из-под нее и развернул клочок плотной оберточной бумаги. Черной краской, танцующими, как будто детскими, буквами, на бумаге было выведено одно-единственное слово:

H O R T

Парень пожал плечами. Для Тимура эти четыре буквы ничего не значили. Пока ничего не значили.

Тем временем его окружили сбежавшиеся отовсюду ученые.

– Что там? Покажи! Дай посмотреть...

Тимур протянул записку подошедшему первым Ральфу. Увидев надпись, тот вздрогнул и передал записку Кейтаро:

– Как тебе это?

Черты лица канадца заострились. Скользя взглядом по пальцам, сжимавшим листок, Тимур отметил, что у нейрехимика ужасно бледные ногти.

– Хорт? Это невозможно, – поразился Джек. – Боты не могут этого знать.

Каждый из подошедших (за исключением новоприбывших Стефана, Алана и самого Тимура), взглянув на записку, менялся в лице, словно получил послание от архангела Гавриила вроде: «Чувак, готовься! Завтра я приду по твою грешную душу».

Тимур решил, что такую реакцию вызвал не сам факт того, что боты что-то написали, а *содержание* надписи.

– Может, ваши суперсолдаты ошиблись, хотели написать *hurt*⁴⁹? – предположил он.

– Они не разговаривают, – серьезно ответил Ральф. – Ни на английском, ни на любом другом языке. Тем более не умеют писать.

– А как же эта цидулка? Вы же говорили...

– Этому их не учили. Не было необходимости.

Пока нейрехимик колебался, говорить ли дальше, вмешалась Лаура Дюпре:

– Нет, они не ошиблись, приятель, – напряженно произнесла француженка. – Не знаю, как они научились писать, но это правильное слово. Хорошее такое слово...

– О чем ты говоришь?

– Так звали твоего предшественника.

– Что? – Тимур удивленно поднял брови.

– Наверное, боты думают, что мы привезли Вадима Хорта...

⁴⁹ Ранить, причинять боль (*англ.*).

XXVIII

Воскресенье, 16 августа, 06:02 (UTC –4)

«DW», жилой корпус

Ночь прошла без приключений. Боты больше не появлялись.

Кейтаро Рока, заложив руки за спину, стоял у окна своего кабинета. Эта небольшая комната находилась на четвертом этаже и соседствовала с залом совещаний.

Старый японец, плотно сжав тонкие губы, смотрел, как из-за гор выбиваются первые солнечные лучи, возвращая в пустыню сочные краски. Еще минуту назад и земля, и небо, и горы были серыми, точно их укрывал слой пепла. Но вот – легкая вспышка – из-за зубчатых Анд появляется первый луч, и песок становится золотым, небо наполняется синью, а горы приобретают свойственный лишь Атакаме фиолетовый оттенок.

Джеп не спал всю ночь, донимая себя тревожными вопросами: «Почему боты не пошли на штурм? Они же могли отбить у нас альдостерон. Они же за этим приходили».

Но что-то в глубине души подсказывало Кейтаро, что на сей раз боты приходили не за гормоном. Им был нужен Хорт.

«Они не поняли... – ученый смотрел на темноватое отражение в стекле, с трудом преодолевая желание раскричаться и начать рвать на себе волосы. – Не поняли, что *уже* убили его...»

Техно-синапс

XXIX

Воскресенье, 16 августа, 7:25 (UTC –4)
«EN-3», третий инженерный корпус

Ребекка разбудила Тимура в полседьмого утра. Напомнила, что у него сегодня ознакомительная лекция. В семь за ним зашел Ральф. Они позавтракали в столовой, и Ральф повел Тимура на экскурсию.

При дневном свете Тимур увидел, что лабораторный комплекс состоял из пяти зданий. Вокруг расстилалась нетронутая пустыня. С северо-запада подступало изрезанное ущельями нагорье. На юге лежал белый солончак (который чилийцы называют *salar*).

Несмотря на раннее время, чернокожие наемники и несколько белых работников «NGF Lab» латали прорванную ограду.

После ознакомления с экстерьером Ральф повел Тимура к невысокому зданию в западной части комплекса, над входом в который синели надписи «EN-3 BUILDING» и «GATE 02».

– Кофе? – предложил нейрохимик.

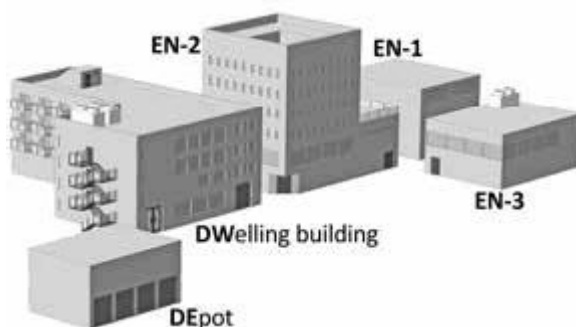
Тимур чувствовал себя бодрым, хоть и мало спал, однако не отказался:

– С молоком, пожалуйста.

Они находились на втором этаже в комнате с большими окнами. Несколько круглых столов, простые стулья. В углу небольшая кухня. Немного напоминало кафетерий в торговом центре. Ральф сделал два кофе, и они с Тимуром сели за один из столиков.

– Сначала немного о комплексе, – Ральф включил принесенный с собой ноутбук. На экране появилась трехмерная модель. Тимур узнал лабораторный комплекс.

– Итак, у нас пять зданий. Вот это, самое маленькое, обозначенное «DE», – просто склад. Здесь хранятся еда, материалы для работы, горючее для генератора. Вот это, где ты ночевал, обозначенное «DW», – жилое. В его южном крыле – комнаты сотрудников, а в центральной части – столовая, комната отдыха с кинозалом, библиотека. На четвертом этаже уже знакомый тебе главный зал и несколько рабочих кабинетов. В подвале «DW» находится генератор, который обеспечивает электричеством весь комплекс, за исключением третьего инженерного корпуса. У третьего своя система питания. Остальные здания – это лаборатории. Сегодня ты в них побываешь.

DEpot (англ. Depot) – склад;

DWelling building – жилой и административный корпус;

EN-1 – первый инженерный корпус;

EN-2 – второй инженерный корпус;

EN-3 – третий инженерный корпус

– И вам удалось все это построить посреди пустыни?

Ральф рассмеялся скрипучим стариковским смехом:

– Официально мы занимаемся проектированием систем жизнеобеспечения для скафандров.

Тимур вдруг вспомнил, что обещал написать Алине по приезду. Она, наверное, уже волнуется и злится.

– Ральф, я могу воспользоваться вашим компьютером, чтобы отправить письмо?

Глаза у Ральфа беспокойно забегали:

– Извини, сети нет. В нынешних обстоятельствах пользоваться Интернетом в «NGF Lab» запрещено.

– Но почему?

– Я не собираюсь это обсуждать. Все вопросы к Штаерману.

Тимур решил не спорить.

XXX

– Ты имеешь представление о том, как работает головной мозг?

– Я программист, Ральф. – Тимур слегка пожал плечами и развел руками. – Биологию, честно говоря, еще в школе не любил.

– Следовало ожидать... Работу мозга изучают лучшие ученые уже триста лет. В результате мы знаем все о его строении, микроскопической структуре, о проходящих внутри него химических реакциях. С каждым годом методы измерений становятся все точнее и совершеннее. Но никто, уверяю тебя, абсолютно никто не может объяснить, как он функционирует. Каким образом беспорядочное скопление примитивных клеток создает систему, которая регулирует работу одного из самых сложных организмов в природе? Я молчу о том, что никто и понятия не имеет, *как* и *где* зарождается сознание. Стыдно сказать, но ученые XXI века, расковыряв атом вещества настолько, что зашла речь о самоисчезновении материи, не могут с уверенностью сказать, где именно появляются мысли.

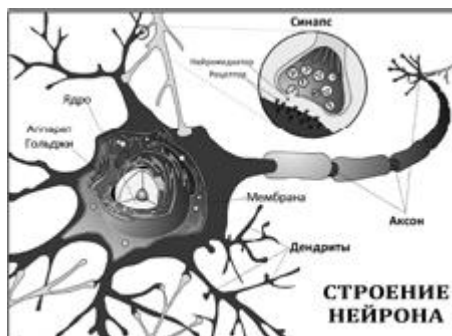
– Разве это не очевидно?

– У нас до сих пор нет ни одного прямого доказательства того, что человек думает мозгом. Ученые постепенно узнавали, за что отвечает каждая часть головного мозга: мозжечок координирует движения, таламус распределяет информацию от органов чувств, гипоталамус отвечает за физиологию, гиппокамп формирует эмоции и память. Но никто не знает точно, где возникают мысли.

Тимур недоверчиво покачал головой. Ральф улыбнулся:

– Разумеется, я не утверждаю, что мы думаем пяткой или ухом, но вполне вероятно, что мысли зарождаются где-то в спинном мозге, а не в коре головного, который, как принято считать, реализовывает высшие нервные функции... Ну, довольно об этом. Напрямую это не относится к предмету нашего разговора. Я должен дать тебе базовые знания о мозге. Без них ты не сможешь двигаться дальше. – Ральф откашлялся, готовясь к длинной лекции. – Нервная система состоит из нейронов – нервных клеток. Всего их в организме человека около 100 миллиардов. Примерно 20 миллиардов приходится на головной мозг. Нейрон состоит из ядра, тела клетки и отростков. – Ральф открыл на экране ноутбука рисунок с изображением нейрона. Каждый структурный фрагмент был подписан.

– Вот смотри: короткие и разветвленные отростки (их у нейрона много) называются дендритами. Длинный отросток (обычно у нейрона он один) – это аксон. По дендритам импульс приходит в нервную клетку. Дендрит может соединяться с дендритами других нейронов, а также с аксонами и с клетками рецепторов или же принимать импульс от внешних раздражителей. По аксону нервный импульс передается *от* нейрона в целевую клетку (в мышцу или железу). В начале этого процесса импульсы зарождаются между дендритами, затем, когда их становится много, аксоны выстреливают и передают импульс дальше в целевые клетки, вызывая сокращение мышечного волокна, выработку гормона и прочее. Так мозг управляет *всеми* процессами в организме: дыханием, сердцебиением, пищеварением, движениями, эмоциями, речью. Ученые все знают о механизме передачи импульсов и их воздействии на клетки тканей, но... – Ральф выдержал паузу, чтобы придать больше веса следующим словам: – Они не в состоянии объяснить, *откуда* берутся сами импульсы между дендритами. Ни один нейрофизиолог мира также не ответит на вопрос, *как* возбуждение дендритов преобразуется в безусловно осмысленный сигнал. Каким образом взаимодействие элементарных клеток позволяет произносить слова, воспринимать абстрактные понятия, координировать движения, планировать, принимать решения?

Тимур скучал. Он предпочел бы поскорее узнать, как Кейтаро и его команда вырастили своих ботов, что такое эти боты и какое отношение к ним имеет код, написанный Тимуром три года назад. У программиста не было желания выслушивать лекцию по нейробиологии. Ральф почувствовал настроение парня.

– А теперь сосредоточься, парень! – недовольно буркнул лектор. – Это важная информация. Так вот, между нейронами существуют так называемые синаптические связи. Синапс – это место контакта между двумя нейронами или нейроном и клеткой, принимающей сигнал. – Ральф сделал небольшую паузу. – За последние двадцать лет основные подходы к изучению мозга исчерпали себя. Абляция⁵⁰, электростимуляция⁵¹, транскраниальная магнитная стимуляция⁵², магнитно-резонансная томография давно не дают новых знаний. Изучать мозг при помощи этих методов – все равно что чинить наручные часы молотком и зубилом. Исследователи сходятся в том, что дальнейшее расширение знаний о функциях мозга возможно только в том случае, если удастся объединить дендриты с массивом микроэлектродов. Инструменты должны быть того же масштаба, что и нейроны, и при этом контактировать с максимально возможным числом дендритов. Другими словами, речь идет о создании искусственного синапса, соединении живой и неживой материи на основе нанотехнологий.

– У меня на родине нанотехнологиями считается все, что меньше гаечного ключа на 24 мм, – попробовал пошутить Тимур.

Но Ральф не обратил на это внимания и продолжил:

– В начале 80-х я поступил в аспирантуру Аризонского государственного университета в Темпе. Наша группа под руководством профессора Стивена П. Массиа пять лет разрабатывала идею техно-синапса. – Ральф отпил кофе из чашки. – Основная проблема не в том, чтобы соединить органику с неорганикой. Химики давно это умеют. Нам надо было соединить дендрит с материалом, способным воспринимать импульсы и превращать их в сигнал, который мы могли бы зафиксировать.

– И вы придумали, как это сделать?

– Нет, – признался Ральф. – Приклеить дендрит к металлу успели до меня.

– То есть вы украли идею? – Тимур прикусил язык, размышляя, не ляпнул ли он лишнего.

Ральф сверкнул выцветшими глазами.

– Здесь не все так просто, юноша. Эксперименты по созданию нейронных имплантов продолжают до сих пор. Сейчас нейрохимики могут намертво «приклеить» дендрит

⁵⁰ Абляция – один из самых старых методов исследования мозга, суть которого состоит в удалении определенной части мозга и наблюдении за изменениями, возникшими в результате такой операции. Здесь есть существенные ограничения, поскольку далеко не любую часть можно удалить, не убив при этом организм.

⁵¹ Электростимуляция – один из методов изучения функций мозга. Стимулируют определенные точки моторной зоны коры, можно вызывать движения рук, ног и т. д.

⁵² Транскраниальная магнитная стимуляция – метод, позволяющий стимулировать кору головного мозга короткими магнитными импульсами. Не всегда можно избирательно стимулировать тот или иной участок. Действенный на глубине до 2 см.

к чему угодно – от обычной стали до чистого золота. Однако все опыты проходят в лабораторных условиях, на отдельно взятой клетке или группе клеток. Но пока – а я за этим внимательно слежу – никто не сумел создать подобное соединение *непосредственно в мозге* живого человека. Понимаешь, о чем я, Тимур? *Живого человека*.

– А почему?

– А потому что мозг человека – специфическая система. Для того чтобы создать искусственный синапс в голове, сначала надо доставить внутрь мозга нужный материал и катализаторы реакции. Этого можно достичь двумя путями: направить их по кровеносным сосудам в мозг либо же – проделать в черепе дырку. Рассчитывать на то, что пациент добровольно согласится на то, чтобы его череп раскалывали зубилом, по меньшей мере неразумно. Кажется бы, выход один – разработать агенты, которые с кровью будут попадать в мозг, а там произойдет соединение с дендритами. Вроде бы ничего сложного. Но на самом деле это сложнее, чем отправить Армстронга на Луну.

Тимур постепенно начинал понимать, к чему ведет Ральф.

– В организме человека есть уникальная вещь, называемая гемато-энцефалический барьер, – продолжал нейрохимик. – Его еще в XIX веке открыл Пауль Эрлих. Краситель, введенный им в кровеносную систему крысы, распространился по всем органам и тканям животного, кроме мозга. А в 1913 году ученик Эрлиха южноафриканский хирург Эдвин Гольдман показал, что краситель, введенный в спинной мозг собаки, попадает только в ткани головного и спинного мозга и не окрашивает периферические органы. Благодаря этим опытам ученые узнали о барьере между мозгом и кровью. Этот барьер защищает нервные клетки от микроорганизмов, токсинов, антител, словом, от всего, что может нанести им вред. Он выполняет функцию фильтра, через который в мозг поступают питательные вещества, а из мозга наружу выводятся продукты жизнедеятельности. Часто этот барьер становится помехой медикаментозному лечению, не пропуская в мозг лекарство. Гемато-энцефалический барьер и являлся препятствием для создания техно-синапса.

Ученый перевел дух и продолжил:

– Профессор Массиа делал все правильно, ему удалось сблизить микробиологию и электронику. Но его, к сожалению, интересовала только академическая карьера – конференции, статьи, монографии. – Ральф скроил презрительную гримасу. – Перевод бумаги. Массиа даже не попытался повторить опыты в мозге *живого* человека. Он и шагу не сделал за пределы лаборатории. Несколько раз я намекал, что исследования бессмысленны, если не развивать их, пытаюсь вставить чипы в мозг живого организма. Для начала хотя бы обезьяны. Надо мной просто посмеялись... Словом, я защитил диссертацию в начале 1984 года и покинул его группу.

– И вы нашли способ обойти гемато-энцефалический барьер? – догадался Тимур.

– Да. Поэтому я считаю себя отцом техно-синапса. Идея пришла сама по себе. Как все гениальное, она была простой. Тогда я не понимал, что с ней делать, куда двигаться дальше, но точно знал, что смогу протолкнуть микрочип в мозг. Но я не спешил с публикацией результатов, пытаюсь найти сферы их применения. Как ни старался, я не мог придумать ни одной актуальной сферы, где можно было бы применить мои знания. Боялся, что, как только опубликую свое открытие, эти сферы подметит кто-то другой, тут же использует мои идеи, наклепает десяток промышленных патентов и станет миллиардером, а я войду в историю, но умру в нищете.

– Деньги...

– Все в этом мире упирается в деньги, молодой человек. Так что я просто тянул время.

– А как вы пробрили этот барьер в мозге?

Ральф отвел глаза. Он молчал почти минуту, после чего весьма неохотно заговорил:

– Я не пробивал, – тут он стал взвешивать каждое свое слово, как на допросе. – Барьер существует в большинстве, но не во всех частях мозга. Нейроны дна четвертого желудочка должны контролировать наличие токсинов в крови, поэтому лишены барьера. Этот желудочек – своего рода ахиллесова пята мозга. Я нашел способ, как попасть именно туда, а затем... – нейрохимик вдруг запнулся. – Впрочем, мы отклонились от темы. Тебе совсем не обязательно так глубоко во все это вникать.

Тимур понял, что Ральф все еще надеется получить за свое открытие Нобелевскую премию, когда эта чертовщина в Атакаме закончится, поэтому не склонен слишком откровенничать.

– Хорошо, Ральф. Я не настаиваю. Что было дальше?

– В 1985 году я встретил Кейтаро.

– И?

– Уйдя из группы профессора Массиа, я оказался без средств к существованию. Кейтаро пригласил меня в качестве ассистента в Токийский университет. Мы быстро сблизились. Понимая, что у меня не хватает опыта для практической реализации техно-синапса, я рассказал Кейтаро о своих идеях. – Ральф Доэрнберг нахмурился. Взгляд стал острым, как осколки вулканического стекла. – Он как раз занимался нанотехнологиями: молекулярным строительством и нанороботами. Помню, как загорелись глаза Кейтаро, когда я выложил ему теорию нейронных имплантов. После разговора чертов Джеп вынудил меня дать обещание не публиковать результаты. С этого все и началось... – Канадец отодвинулся от стола и добавил: – Допивай кофе. Я кое-что тебе покажу, а потом мы продолжим беседу.

XXXI

Ральф и Тимур спустились на первый этаж. Вошли в какую-то дверь в глубине третьего инженерного корпуса и оказались в глухом помещении без окон. Содержимое комнаты было похоже на демонстрационный зал в выставочном центре. В этом бункере вдоль стен располагались аквариумы со светло-синей прозрачной жидкостью. Между ними висели мониторы. Кое-где стояли стенды со схемами и формулами. В центре комнаты находился металлический короб с раздвижными дверями. Круглые кнопки рядом с ними указывали на то, что это лифт. Правда, непонятно было, зачем он понадобился в двухэтажном здании.

– Это у нас вроде как демонстрационно-музейный зал, – сказал Ральф, нажав выключатель у входа: экраны ожили. – Прежде чем спускаться в лабораторию микробиологии, ты должен кое-что увидеть.

Он подвел Тимура к одному из аквариумов. Вначале Тимур ничего не увидел. Перед ним был параллелепипед из стекла, заполненный прозрачным синеватым раствором, пустой внутри. В подставку аквариума был встроен дисплей с миниатюрной клавиатурой. По дисплею бежали три колонки цифр.

Вдруг жидкость в аквариуме забурлила. Словно кто-то начал перемешивать ее невидимой ложкой. Приблизив глаза вплотную к стеклу, Тимур разглядел движущееся облако, состоящее из крохотных искристых блесков, настолько мелких, что на расстоянии 30 сантиметров их невозможно было рассмотреть. Они напоминали многотысячную стаю черных грачей, мечущихся в предзакатных лучах над городом, если смотреть на них с расстояния в несколько километров. Или огромный косяк рыб, бросающихся в разные стороны, спасаясь от акулы. Только в миниатюре. Облако микроскопических искр то росло, то снова уменьшалось, выпускало «щупальца», завязывалось непостижимыми узлами и пульсировало. Оно перемещалось по аквариуму, порой замирая у стенки. Иногда исчезало совсем, оставляя после себя завихрения на воде.

Перед глазами Тимура танцевали тысячи крошечных серебряных черточек. С каждым новым па он убеждался: что бы ни плясало в аквариуме, оно живое.

– А это еще что такое?

– Рой нанороботов.

– Это робот? – Тимур с недоверием покосился на Ральфа.

– Не робот, а роботы, – поправил канадец. – Микроскопические агенты со встроенным элементом питания и наномозгом или, как его называет Кейтаро, нанопроцессором. В этом аквариуме их около двух миллионов. – Тимур недоверчиво поднял брови. – Размер тела каждого около семи микрометров⁵³. Хотя кое в чем ты прав – они функционируют как одно целое, как один робот или организм. По одиночке они не способны ни к чему.

– Невероятно. – прошептал Тимур. – Они как живые.

– Так говорят все, кто их видит впервые.

На мониторе слева от аквариума появилось 3D-изображение существа, похожего на кальмара: выпуклая, эллиптической формы голова, вытянутое тело, оканчивающееся несколькими десятками щупалец в хвостовой части. Некоторые щупальца были тоньше остальных и торчали прямо, как антенны искусственного спутника. Тимур ни за что не догадался бы, как это изображение связано с демонстрационным стендом, внутри которого пуль-

⁵³ 1 микрометр – одна миллионная часть метра. Возможно, работа с такими размерами правильно было бы называть микророботом, поскольку нанометр – это одна миллиардная часть метра. Но с другой стороны, все такие роботы созданы благодаря нанотехнологиям и состоят из элементов, которые по своим размерам не превосходят молекулы ДНК (2,2 – 2,4 нанометра).

сировало черное облако, если бы не шкала масштаба внизу экрана (одно деление – 1 мкм) и подпись: «Nanorobot NB-1G|V6.0.0.14.»

Модель медленно поворачивалась вокруг центральной оси.

– Одиночный агент? – не веря собственным глазам, произнес Тимур.

3D-модель наноробота

Ральф кивнул. В голове у Тимура сталкивались сотни вопросов, но один был самым важным:

– Так все же – он живой?

– Как тебе сказать, – почесал подбородок Ральф. – Если ты дашь мне адекватное определение *живого*, я тебе отвечу. Люди, животные, птицы – безусловно, живые. А вот бактерии или вирусы? А растения? – Ральф нажал несколько кнопок на клавиатуре у аквариума. Тимур опытным глазом программиста уловил, что цифры в бегущих по дисплею колонках стали меняться в определенной последовательности. А облако сразу приобрело форму идеальной сферы. – Каждый наноробот, – продолжил Ральф, – состоит из созданных искусственно молекул ДНК. Они не способны к самовоспроизведению. В то же время они питаются, передвигаются, могут выполнять элементарные задачи, на которые их запрограммировали. Наверное, они живые. Во всяком случае, более живые, чем деревья или одноклеточные организмы.

Тимур смотрел на аквариум, посреди которого висел идеальный черный шар, отблескивающий в монохромном освещении. Блестки хаотично метались, но ни одна не выбивалась за границы геометрически правильной сферы.

– Эти нанороботы созданы для работы в составе огромной стаи в вязкой среде, например в крови. – продолжал Ральф. – При отсутствии сильного ветра такой средой может быть воздух.

– А как вы заставили их сформировать шар? – Тимур боролся с желанием засунуть руку в аквариум и потрогать сферу.

– Ты видишь старое поколение. Агенты несут в себе короткий фрагмент кода, который определяет их расположение и поведение относительно смежных агентов. Они перемещаются по принципу косяка рыб. Нет внешней силы, управляющей рыбами. Каждая рыба из группы следит за своими соседями и движется в зависимости от их движений. Когда косяк атакует хищник, сначала уворачиваются ближайшие к нему рыбы, за ними реагируют соседние, и вот через секунду вся стая уже мчится прочь. Нечто подобное и с агентами. Я задаю функцию вида $F = f(x, y, z)$, и рой строит трехмерную поверхность. После команды перестроиться каждый агент анализирует расположение своих соседей и занимает положение согласно формуле.

Ральф склонился над клавиатурой.

– Поверхность может быть насколько угодно сложной, – рой «поплыл», а потом вмиг застыл, сформировав фигуру, похожую на зафиксированный фотокамерой взрыв. – Можно также вводить функцию с четырьмя параметрами, где четвертая переменная – время.

Задав на панели управления формулу, Ральф отошел назад. Рой опять образовал сферу, затем она начала сплющиваться, превращаясь в эллипсоид, эллипсоид вытянулся в цилиндр с закругленными краями, а цилиндр, изогнувшись, соединил торцы в тор («бублик»). Тор снова сомкнулся в сферу, и процесс стал повторяться.

– А где еще можно использовать таких нанороботов?

– Применений масса. Начиная со шпионажа и заканчивая медициной. Японцы планировали использовать нанороботов для борьбы с раком. Введенные в кровеносную систему, они должны были отыскивать и уничтожать раковые клетки. Такая была идея. Кейтаро как раз руководил этой работой. Но проект, к сожалению, не был доведен до конца. Джек как будто обезумел – целиком и полностью перекинулся на создание ботов.

– А как вы их программируете? Куда компилируется код каждого агента?

– У каждого есть свой мозг, образованный молекулами DRQ (2,3,5,6-тетраметил-1-4-бензокинона). Эта система может работать как микропроцессор. Одна молекула DRQ представляют собой кольцо с четырьмя отростками, которые могут занимать различные положения относительно друг друга. Шестнадцать таких молекул сведены в кольцо, в центре которого находится семнадцатая их «сестра». Вместе они образуют молекулярную машину, способную кодировать в размещении своих частей свыше четырех миллиардов комбинаций. Этого достаточно.

– Ральф, но это... этот рой в реальности реализует агентно-ориентированный подход. Вы воплотили в реальность абстракцию, которая только начинает закрепляться на теоретическом уровне.

Ральф просиял:

– Кейтаро был прав, думая, что тебе это понравится. Еще четверть столетия назад никто об этом даже и не догадывался. Не было самого понятия «разумная туманность». Никто не подозревал, сколько всего можно выжать из этого облака.

Тимур пока не мог до конца разделить его энтузиазм. Он сам работал с подобными системами. Только его агенты были виртуальными – крошечными компьютерными подпрограммами.

– Вы пробовали обучать рой? – спросил Тимур.

Агент программируется достаточно просто: «обнаружь соседа – выясни его состояние – подстрой соответственно свое». Ни на что большее он не способен. Но когда таких элементов набирается миллион, возникает эффект, называемый в программировании *обусловленным поведением*. Большое скопление примитивных программ-агентов начинает демонстрировать сложное поведение, на которое не был запрограммирован ни один из индивидуальных агентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.